

Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2024

№ 36

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой сте-
пени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

И.А. Айзикова (Томск) – главный редактор
А.В. Галькова (Томск) – отв. секретарь
С.В. Березкина (Санкт-Петербург)
Т.А. Гридина (Екатеринбург)
Н.П. Дворцова (Тюмень)
Ю.М. Ершов (Томск)
Н.В. Жиликова (Томск)
И.В. Лизунова (Новосибирск)
В.В. Мароши (Новосибирск)
И.В. Тубалова (Томск)
К.И. Шарафадина (Санкт-Петербург)
О.Г. Щитова (Томск)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Погребная Я.В., Страшкова О.К.</i> Семиотика инвариантов архетипа «вода» (реки, моря) в тексте романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	5
<i>Скоропадская А.А.</i> Тема отцов и детей в повести И.С. Шмелева «Человек из ресторана» в аспекте истории текста	21
<i>Горбовская С.Г.</i> Концепт «глубина» в модернизме и метамодернизме. От «застывшей лавы» Марселя Пруста к «штукатурке» Али Смит	35

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Первалова Е.В., Петрушина М.В.</i> «Трибун Страстного бульвара»: языковая личность публициста М.Н. Каткова	51
<i>Гнюсова И.Ф.</i> Концепты «город» и «деревня» в сибирской литературе XIX века: к проблеме формирования социокультурного ландшафта Сибири	71
<i>Гумерова А.Л.</i> Читательская фантазия как ключевое понятие в теоретико-литературных и художественных произведениях К.С. Льюиса	94

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Кицану М.И., Курпьянова Т.Г.</i> Издание сказок Ш. Перро для детей с нарушением зрения	108
<i>Менишатов О.В.</i> Программа «Стартап как диплом»: возможности реализации по направлению подготовки «Издательское дело»	118
<i>Куликова Э.Г., Барабаш В.В., Брусенская Л.А.</i> Продвигающий текст в книгоиздании: лингвоэкологические параметры	135
Правила оформления статей	154

CONTENTS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Pogrebnaya Ya. V., Strashkova O.K.</i> The semiotics of invariants of the “water” archetype (rivers, seas) in the text of Mikhail Lermontov’s	
<i>A Hero of Our Time</i>	5
<i>Skoropadskaya A.A.</i> The “fathers and children” theme in Ivan Shmelyov’s story	
<i>The Man from the Restaurant</i> in the aspect of the text history	21
<i>Gorbovskaya S.G.</i> The concept “depth” in modernism and metamodernism.	
From Marcel Proust’s “frozen lava” to Ali Smith’s “plaster”	35

BOOK AND READING IN CULTURE

<i>Perevalova E.V., Petrushina M.V.</i> “The Tribune of Strastnoy Boulevard”: The language personality of the publicist Mikhail Katkov	51
<i>Gnyusova I.F.</i> Concepts “city” and “village” in Siberian literature of the 19th century: To the problem of the formation of the sociocultural landscape of Siberia	71
<i>Gumerova A.L.</i> Reader’s fantasy as the key concept in C. S. Lewis’ literary theory works and fiction	94

BOOK PUBLISHING

<i>Kitsanu M.I., Kupriyanova T.G.</i> Publishing Charles Perrault’s fairy tales for children with visual impairments	108
<i>Menshatova O.V.</i> “Startup as a Diploma” program: Opportunities for implementation in the “Publishing” direction of training	118
<i>Kulikova E.G., Barabash V.V., Brusenskaya L.A.</i> Promoting text in book publishing: Linguoecological parameters	135
Rules for Article Submission	154

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Научная статья

УДК 82.0

doi: 10.17223/23062061/36/1

СЕМИОТИКА ИНВАРИАНТОВ АРХЕТИПА «ВОДА» (РЕКИ, МОРЯ) В ТЕКСТЕ РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Яна Всеволодовна Погребная¹,
Ольга Константиновна Страшкова²

¹ *Ставропольский государственный педагогический институт,
Ставрополь, Россия, taknab@bk.ru*

² *Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета,
Ставрополь, Россия, olga.strashkova8@gmail.com*

Аннотация. Исследуется манифестация архетипа «вода» в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Интерпретации их значений основываются на методологии семиотического анализа ритуально-мифологической и тартусско-московской школ. С целью диахронического раскодирования системы знаков (море, река) как элементов значения архетипа «вода» применяется методика вариантно-инвариантного анализа. Раскодирование семиотики акватической символики в направлении ее мифо-ритуальных истоков способствует уточнению хронотопа романа.

Ключевые слова: текст романа, семиотика, семантика, архетип, хронотоп

Для цитирования: Погребная Я.В., Страшкова О.К. Семиотика инвариантов архетипа «вода» (реки, моря) в тексте романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 36. С. 5–20. doi: 10.17223/23062061/36/1

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

Original article

THE SEMIOTICS OF INVARIANTS OF THE “WATER” ARCHETYPE (RIVERS, SEAS) IN THE TEXT OF MIKHAIL LERMONTOV’S *A HERO OF OUR TIME*

Yana V. Pogrebnaya¹, Olga K. Strashkova²

¹ Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russian Federation, maknab@bk.ru

² North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation,
olga.strashkova8@gmail.com

Abstract. Manifestation of the archetype “water” in the text of the novel *A Hero of Our Time* is the object of study in the article. Interpretations of manifestation meanings of the archetype “water” (rivers, seas) are based on the methodology of semi-otic analysis of the myth and ritual and the Tartu–Moscow semiotic schools. The methodology of variant and invariant analysis is applied in the article with a view on diachronic decoding of the system of signs (sea, river) as elements of the meaning of the archetype “water”. A semiotic range in this study is constituted by a paradigm of manifestations of the archetype “water” which are identified in the novel in several invariant connotations of natural phenomena (rivers, seas). The decoding of semiotics of aquatic symbols towards their myth and ritual origins facilitates the refinement of the novel’s chronotope. The archetype “water” is presented in Lermontov’s text in forms of manifestations combined in several semantic ranges: (1) water-related personification in a feminine image: a girl-ondine in “Taman”, ladies – “mistresses of water” in “Pechorin’s Diary”; (2) exact geographical realities that are given by aquatic codes: the Aragva, the Kuban, the Terek, the Podkumok, the Kamenny brod, the Elizabethan fountain, the Kislovodsk well with narzan, waterfall, sea; (3) link of the archetype “water” with the spirit world underlined by an idiom chosen by Maksim Maksimych in order to characterize the state of Azamat who Pechorin mocked at while praising the horse of Kazbich every time: “Grigoriy Aleksandrovich exasperated Azamat to such an extent with his teasing that the boy was ready even to drown himself”; (4) reading the route by sea as a road to the other world (sea has such semantics in the chapter “Taman” where Pechorin almost drowned). Water marks the chronotope of the novel, designates its boundaries, semantizes the centre and the periphery: a well with the healing water is located in the centre of the world explored by Pechorin while the smugglers’ house, where “something wrong” is happening, is located on the edge of the town, on the bank of river, i.e. actually on the edge of the human’s world and the world of nature. Various manifestations of the archetype “water” in the text of *A Hero of Our Time* structure the space and time in the novel according to oppositions; integrity and orderliness are reported to the novel chronotope. The semiotics

of the archetype “water” in the text of the novel, established by the diachronic decoding of the meaning of images in which the water element is presented, is the result of a re-semantization of the archaic and folkloric meanings of various manifestations of the archetype “water”. At the same time, the archaic meanings work at the levels of the semantics and pragmatics of the text as markers for communicating with the reader, aimed at finding the full meaning of the text of the novel as a whole.

Keywords: novel text, semiotics, semantics, archetype, chronotope

For citation: Pogrebnaya, Ya.V. & Strashkova, O.K. (2024) The semiotics of invariants of the “water” archetype (rivers, seas) in the text of Mikhail Lermontov’s *A Hero of Our Time. Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 36. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/36/1

После открытия К.-Г. Юнгом идеи коллективного бессознательного, идентифицируемого через ряд архетипов, утверждение о наличии архаического смыслового уровня в тексте современного художественного произведения не подлежит сомнению. Принцип диахронического раскодирования архетипических смыслов, направленный на установление «археологии символической формы» [1. С. 28], – один из универсальных принципов современной семиотики. Как указывал Ю.М. Лотман, противопоставляя диахронический и синхронический подходы, «идеи эти нельзя отделить от всего здания современной семиотики» [2. С. 8]. Избирая объектом исследования семиотику архетипа «вода» в тексте романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», мы основываем нашу методологию на принципе тотальности мифа, проистекающем из концепции К.-Г. Юнга, экстраполированной в область литературоведения представителями ритуально-мифологической школы и московского семиотического круга. В центре нашего внимания находятся не антропоморфные архетипы, соотносимые с разными ипостасями героев или скрытыми интенциями их подсознания, а семиотический феномен водной стихии. Во «Введении в сущность мифологии» (1941) К.-Г. Юнг и К. Кереньи трактуют архетип «вода» как чистую идею, которая может быть идентифицирована в качестве доантропоморфного архетипа, представленного семиотическим рядом монад (в терминологии Юнга): океан, море, озеро, река, ключ, ручей, источник, дождь, град, капель, слеза, пот, кровь, напиток и тому подобное. [3. С. 17–18]. Аналогичную точку зрения на семиотику архетипа природной стихии развивает и А.Ф. Косарев: «Среди неперсонифицированных архетипических образов доминируют вода (влага, кровь), земля (суша, грязь), огонь (жар, свет), воздух (эфир, пустота). Эти образы восходят к мировым стихиям и ассоциируются во всех мифологиях с мировыми стихиями, лежащими в основе мироздания» [4. С. 114].

В пространстве семиотического анализа вода выступает вариантом, реализующимся в целом ряде инвариантов, связанных общей смысловой единицей – прямым значением варианта. Метод идентификации различных антропоморфных и доантропоморфных манифестаций архетипа стихии представлен в вариантно-инвариантном анализе архетипов огня [5], воды [6], воздуха [7] и земли [8] в работах Г. Башляра, который, выявляя очередной инвариант архетипа, его манифестацию в архаической мифологии или современном неомифе, определяет семантику инварианта, а затем устанавливает его семантические коннотации с другими инвариантами единого архетипа.

В современных исследованиях инварианта архетипа «вода» и ее варианта в текстах произведений современной литературы (М.К. Абелян [9. С. 178–182], Е.О. Болтовского [10. С. 120–123], В.В. Дегтяревой [11. С. 214–219], М.В. Воловинской [12. С. 183–194], М.В. Даричевой [13. С. 195–913]) анализ семиотики и представления различных манифестаций архетипа «вода» осуществляется путем проекции мифологических значений водной стихии на современный художественный текст. В качестве основы для раскодирования семантики архетипа «вода» избирается в работах названных авторов статья С.С. Аверинцева [14. С. 240], в которой обозначены дистрибуции воды в архаических мифологиях и определено значение разных инвариантов архетипа «вода» в аспекте типологической общности мышления космической стадии. Для обоснования оправданности объяснения значения разных образных воплощений воды в тексте современного произведения избирается мифологический постулат об универсальности водной стихии как изначальной, свойственной разным архаическим мифологиям и выраженной в обобщениях М. Элиаде: «Вода предшествует любой форме и лежит в основе всякого творения, поддерживает его» [15. С. 347]; или же иного положения: вода представляет собой «принцип неразрозненного и, возможно, основу любого космического явления, вместилище всех зародышей» [15. С. 346]. Причины обретения универсального единства мира через инварианты водной стихии в тексте современного произведения В.П. Гайденко видит в ностальгии «по мифологическому восприятию природы через миф, гарантирующему органическую цельность, слитность человека с окружающим миром» [16. С. 43]. Г. Башляр указывает, что «элементы: огонь, воздух, земля и вода, – с древних времен служившие философам, чтобы мыслить великолепие мироздания, остаются и первоначалами художественного творчества» [4. С. 18].

Не ставя под сомнение ни справедливость обобщений М. Элиаде, ни идеи В.П. Гайденко о мифологической рефлексии, направленной на обретение единства мироздания, позволим себе усомниться в правомерности метода

проецирования архаического мифа на современный художественный текст. Именно это проецирование наблюдается в работах С.С. Аверинцева, Г. Башляра, М. Элиаде, исследования в которых строятся на общей методологической основе, развивающей концепцию универсальности и амбивалентности воды как фундаментального начала мироздания. Этот метод исследования можно условно квалифицировать как «проекционный». Результаты такого анализа нельзя признать бесспорными, поскольку проецирование архаических смысловых элементов на текст современного произведения не способствует выявлению адекватных смыслов, в том числе архаических, заложенных в произведение как по авторской воле, так и вследствие реализации коллективного бессознательного в качестве части творящего сознания, приносящего их в произведение извне.

Иной путь анализа семиотики архетипа «вода» и водной стихии предлагается в исследованиях аквамифологии как части образной системы произведения. В статье Е.С. Чистоткиной «Архетипы зеркала и воды как символы ложного познания в лирике Вячеслава Иванова» [17. С. 193–195] значение архетипа «вода» вычитывается из лирики Вячеслава Иванова, а выделенные архетипы интерпретируются как часть индивидуального мифа поэта, основанного на ресемантизации архаических манифестаций архетипа «вода» и их семантики. В диссертации Ю.Ю. Васильевой «Акватическое мифотворчество в прозе писательниц британского модернизма» (2016) анализируются различные инварианты феминного элемента акватического мифа, способы создания и деконструкции аквамифологии [18]. Именно такой путь следует признать не только обусловленным образной системой произведения, но и способствующим более полному и точному ее пониманию. Исследования Е.С. Чистоткиной и Ю.Ю. Васильевой направлены на идентификацию авторского мифа и выполнены на основе концепции современного неомифологизма, сформированной в русле ремифологизации литературы, искусства и действительности.

Однако в защиту «проекционных исследований» необходимо отметить, что в одном из наиболее значительных из вышедших за последнее двадцатилетие трудов по теории мифа – монографии А.Ф. Косарева «Философия мифа» – указывается на наличие обратной возможности: не вычитывания из глубин бессознательного мифологем и архетипов, а напротив – проецирования на сознание современного человека архаических форм образности: «В психике же современного человека процесс раскручивается в обратную сторону. То, что тысячелетиями выносилось за пределы души и осмысливалось как нечто, существующее независимо от человека, благодаря научным достижениям вновь возвращается в душу и

осознается уже просто как психическая функция. Современное сознание вновь загоняет отчужденные было образы коллективного бессознательного в глубины человеческой психики...» [4. С. 118]. К сходным выводам, размышляя об антропологии мифа, приходит А.М. Лобок, который, анализируя архаическую мифологию, пишет: «Миф – это своего рода языки-шифр, на котором разговаривают между собой представители одной культуры. Миф – это тайный язык смыслов, сама суть которого состоит в том, чтобы сделать данную культуру эзотеричной, непроницаемой для представителей других культур. Миф – это знак избранничества человека, появившегося на свет в данном племени. Это тайная подкладка его жизни, сам смысл которой состоит в ОТДЕЛЕНИИ этого человека от всех прочих, родившихся в иных культурных общностях» [19. С. 20]. Исследователь подчеркивает, что область мифологической архаики не обладает общей идентичностью, а напротив, стремится к дифференциации и противопоставлению, поскольку как феномен не обладает единством. Вместе с тем сравнительный анализ архаических мифов географически и исторически не контактирующих народов и племен (К.-Г. Юнг и К. Кереньи в качестве примера приводят мандалу, которую, не зная о ее восточной символике, используют как способ организации пространства европейские народы) указывает на то, что архаическая функция разграничения и отделения сублимируется содержательной функцией и ритуальной общностью разных архаических мифологических систем.

Мы исходим из убеждения, что путь диахронического раскодирования смысла архетипа «вода» в художественном тексте имеет направленность, принципиально противоположную «проекционным исследованиям». Архетипические смыслы, следовательно, выявляются из семантического объема художественных образов в тексте произведения, а архаическая образность не привносится в произведение извне, а вычитывается из инвариантных манифестаций архетипа «вода» в художественном тексте. При этом идентификация архаических начал не может быть самоцелью, а выступает одним из способов анализа поэтики произведения и направлен на более полное осознание его смысла.

Различные инварианты стихии воды – река, море, океан, «воздушный океан» («Демон», 1839)¹; кровавая река («Валерик», 1840), персонифика-

¹ Заметим, что в фольклоре, согласно наблюдениям А.Н. Афанасьева, существовала вера во «всесветный океан». Ученый, анализируя польские обряды приветствия на Пасху: выход из купели весеннего солнца; чешские обрядовые причитания, приветствующие весну, испувавшуюся в кринице; литовские сказки о купании запыленного солнца

ции водной стихии (морской – «Морская царевна» (1841), речной – «Русалка» (1836), речной и морской – «Дары Терека» (1839), рыбка в поэме «Мцыри» (1839)) – принадлежат к числу постоянных мотивов творчества М.Ю. Лермонтова. В тексте романа «Герой нашего времени» архетип «вода» как исходный вариант присутствует в разных инвариантах: море, река, ручей, дождь, туман, целебные источники и колодцы, водопад. Он указывает на качество или состояние: мокрый, сырой; представлен в опосредованных манифестациях, относящихся к человеку (кровь, слеза, пот) или к плодам человеческой деятельности, преобразующей воду в чай, вино, микстуру, бузу, водку, духи.

Манифестации архетипа «вода», соотносимые с глобальными явлениями (море, река), выступают маркерами пространства, способами его деления на свое и чужое, освоенное и неосвоенное, причем и в геополитических масштабах. Арагва в первой повести романа Лермонтова «Бэла» указывает на границу грузинских земель, уже освоенных рассказчиком (с записками о Грузии из Тифлиса возвращается офицер-повествователь). Терек и Кубань в той же повести также маркируют границу и указывают на границу земель русских: за Тереком находится крепость, в которой служат Максим Максимыч и Печорин; за Тереком или за Кубанью, как предполагает Максим Максимыч, сложил голову Азамат («верно, пристал к какой-нибудь шайке абреков, да и сложил буйную голову за Тереком или за Кубанью: туда и дорога!» [21]¹). Для Казбича же, напротив, за Тереком лежат чужие, уже освоенные русскими земли: он рассказывает Азамату, как ездил с абреками за Терек отбивать русские табуны: «Раз, – это было за Тереком, – я ездил с абреками отбивать русские табуны...». В главе «Княжна Мери» граница своего и чужого маркируется рекой Подкумок.

Тот же принцип обозначения большого пространства при помощи речки проецируется и на пространство малое: крепость N с одной стороны защищают балки, за которыми лес и горы, с другой – речка, за которой растет густой кустарник, а за ним возвышенности, сливающиеся с главной цепью Кавказского хребта: «Крепость наша стояла на высоком месте <...> с одной стороны широкая поляна, изрытая несколькими балками, оканчивалась лесом <...>; с другой – бежала мелкая речка <...>». К этой речке Максим Максимыч первый раз выходит с Бэлой, когда ее выследил Казбич:

Перкуновой матерью; греческий и индийский мифы о рождении богини любви и плодородия из моря – приводит к выводу о существовании веры в наличие «всесветного океана» [20. С. 537], об уподоблении неба «всесветному морю», о «светло-голубом, блестящем небе», которое «лежит за облаками или за дождевым морем» [20. С. 542]. Отсюда происходит уподобление неба воздушному океану [20. С. 553].

¹ Здесь и далее цитируется по данному изданию.

«...ведь вот сейчас тут был за речкою Казбич», – рассказывает Максим Максимыч Печорину. Печорин, узнав об этом, запретил Бэле выходить за пределы крепости («А вот как: несмотря на запрещение Печорина, она вышла из крепости к речке»), именно здесь, у речки, когда Бэла нарушила запрет Печорина, Казбич похитил ее и смертельно ранил. Примечательно, что Азамат, предлагая Казбичу обменять сестру на коня, назначает встречу для обмена у реки – «потока в ущелье» («Хочешь, дождись меня завтра ночью там в ущелье, где бежит поток: я пойду с нею мимо в соседний аул, – и она твоя»). Граница, обозначенная речкой, колеблется, она подвижна: внутренняя граница обозначена стенами крепости, а внешняя – речкой, но в чужом мире внешняя граница перемещается к внутренней.

Если в географическом аспекте водная преграда маркирует границу, то в аспекте символическом водная преграда отделяет чужой мир от своего: мир горцев – от мира русских, мир враждебный – от мира безопасного (за Терекком находились пока еще враждебные Российской империи земли, населенные не подчиняющимися русским народами. Как указывает А.Б. Галкин: «“Линия”, или, точнее, “Кавказская кордонная линия”, тянулась от Черного моря до Каспийского сначала вверх по правому берегу Кубани, потом по суше и, наконец, по левым берегам рек Малки и Терека. По линии была проложена большая почтовая дорога, почти круглый год безопасная. На противоположных берегах русские, путешествующие без прикрытия, подвергались серьезной опасности быть взятыми в плен горцами или убитыми» [22]. Печорин, оказываясь в чужом пространстве, перенимает способы поведения своего теневого двойника Казбича: первоначально обменять сестру на коня Казбичу предлагает Азамат, затем такую же сделку Азамату предлагает Печорин. Преследуя Казбича на «чужой» территории, за пределами крепости, Печорин, как сообщает Максим Максимыч, «взвизгнул не хуже любого чеченца».

Уже в обсуждении возможного похищения Бэлы, планируемого Азаматом, для Казбича река не только выступает маркером границы, отделяющей «свое» от «чужого», но маркером, отделяющим зону дозволенного, ограниченного одними правилами поведения, от зоны вседозволенности и аморальности. За потоком, который течет по дну ущелья, Азамат готов отдать родную сестру в обмен на коня Казбича, за рекой, обозначающей внешние границы крепости, Казбич может похитить Бэлу и убить ее. Скрывая Бэлу в крепости за рекой, Печорин помещает ее в свое, чуждое ей пространство, но при этом гарантирует соблюдение принятых в своем мире законов и ее безопасность, в то время как за рекой, за пределами крепости, Азамат может похитить Бэлу, а Казбич убить ее. Важно подчеркнуть, что Максим Макси-

мыч называет Казбича разбойником, но соглашается с повествователем, который после описания убийства отца Бэлы, которого Казбич считает причастным к похищению своего коня, резюмирует: «Он вознаградил себя за потерю коня и отомстил», – на что Максим Максимыч отвечает: «Конечно, по-ихнему... он был совершенно прав». Таким образом, граница, маркированная рекой, отделяет мир, в котором действуют одни законы и моральные нормы, от мира, устроенного по иным законам и правилам.

Значение реки как маркера границы «своего» и «чужого» в эпизоде похищения Бэлы и ее изоляции в крепости дополняется семантикой реки как границы хронотопа: современного, цивилизованного, локализованного в крепости N, в минераловодских курортах, и мира, принадлежащего иному времени, миру горцев, или принадлежащего к иной социальной среде – миру контрабандистов в «Тамани», локализованному у иной водной преграды – у моря. Пересечение водной преграды, как правило, связано с переходом из одного мира в другой. При этом пересечение водной преграды означает трансформацию состояния человека. Река и водная преграда выступают не просто маркерами границы, но и маркерами хронотопа, поэтому пересечение водной преграды должно стать не пространственным, а мифологическим, т.е. связанным с изменением сущности того, кто пересекает водную преграду. А.Я. Гуревич, выделяя три хронотопа в «Песне о Нибелунгах», подчеркивает, что хронотоп представляет собой миросозерцательную категорию, а перемещение героя «из одного пространственно-временного «континуума» в другой связано с изменением человеческой сущности» [23]. Печорин, покидая пределы крепости N или же пределы Пятигорска через Подкумок, перенимает принципы поведения своих теневых двойников: он готов похитить Бэлу и поменять ее на коня; потеряв коня в погоне за Верой, падает на траву, плача, «как ребенок», и долго лежит неподвижно («я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал. И долго я лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыданий...»), фактически повторяя поведение Казбича, который ведет себя аналогично, узнав о потере коня: «... повалился на землю и зарыдал, как ребенок» и «так пролежал до поздней ночи и целую ночь». Когда Печорин возвращается с конной прогулки, он спускается в балку к речке, чтобы напоить коня, его черкесский наряд испугал Мери, и она вскрикивает: «Mon Dieu, un Circassien!». Печорин отвечает ей по-французски, т.е. в тот момент, когда он пересекает реку, чтобы вернуться в «свой мир», в современный хронотоп, он следует привычкам светского общества. До этого же лермонтовский герой стремится к полной идентичности с горцем и даже полагает, что казаки на своих вышках «верно, по одежде приняли <его> за черкеса». Бэла, оказавшись в крепости,

говорит, что у нее «нет родных», выражая таким образом свою включенность в хронотоп крепости, подчеркивая отчуждение от своего хронотопа – аула и родного дома. И хотя, как замечает Максим Максимыч, из окон крепости видны те же горы, Бэла смотрит на них уже из чужого мира.

Горные реки выступают частью мира, лежащего за пределами крепостей-курортов: Печорин пугает Мери в загородной прогулке, надев кабардинский костюм и смутив казаков на вышках горской посадкой. Позже он поддержит Мери, у которой над быстрой водой закружится голова. Максим Максимыч дает горным рекам исчерпывающую характеристику: «что люди, что речки – никак нельзя положиться», – однозначно, с полной определенностью отнеся горную речку к чужому, враждебному миру. Опасным горным потокам противопоставлены иные манифестации архетипа «вода» в тексте романа: водопад, у которого Печорин, возвращаясь после утомительной прогулки, напоил коня, целебные ключи, Елизаветинский источник в центре Пятигорска и колодец с нарзаном в Кисловодске – как источники жизни. Печорин замечает о Вере: «Живительный горный воздух возвратил ей цвет лица и силы. Недаром Нарзан называется богатырским ключом».

Отделяя один мир от другого, река или иная водная преграда не только обозначает границу в пространстве, не только разделяет пространственно-временные континуумы, но, разделяя качественно различные миры, в самом общем значении «своего» и «чужого», река или море, водная преграда вообще отделяют мир живых от мира мертвых. Перемещение героя из одного мира в другой ведет к его самому кардинальному изменению. Бэлу Казбич похитил у реки, Бэлу «похоронили за крепостью, у речки, возле того места, где она в последний раз сидела». А. Голан указывает, что у живших в Сибири кетов был обычай хоронить умершего у реки, как «пережиток представления о том, что умерший принадлежит обитающему в воде божеству, которое избрало его в качестве своей жертвы» [24. С. 75]. В главе «Тамань» Печорин предваряет рассказ о событиях замечанием, что его в этом городе «хотели утопить». Девушка-контрабандистка, которую Печорин называет ундиной, тем самым сразу же обозначив ее принадлежность к морской стихии, ему чуждой и опасной, увозит его в лодке далеко от берега и едва не сбрасывает в море. Герои, отбывающие из города по морю, не возвращаются: дочь хозяйки «утикла за море с татаринном», девушка-ундина и Янко, распрощавшись со слепым мальчиком, уплывают навсегда. Дорога в один конец, без возможности возвращения, совершаемая путем преодоления водной преграды, в мифологических представлениях вела в загробный мир. Печорин, вернувшийся на берег, так и не пересекает моря, в отличие от

девушки-ундины и Янко, которые исчезли навсегда. Причем смертельной опасности в море во время бури подвергаются и контрабандист Янко, и девушка-ундина, борясь с Печориным в лодке: Печорин не знает, умеет ли она плавать, и радуется, увидев ее на берегу. Но ступив на этот берег, назад, в хату, девушка уже не возвращается. В главе «Княжна Мери» дорога, ведущая к месту дуэли, пересекается ручьем («дорога полузаросшая высокой травой и ежеминутно пересекаемая шумным ручьем»), при этом только один из двоих дуэлянтов вернется по этой дороге, снова перейдя вброд ручей, согласно тем условиям дуэли, которые предложил Печорин, изменив первоначальные.

В приведенных выше манифестациях архетипа «вода» в романе Лермонтова устанавливается не только связь воды с потусторонним миром, но и идентифицируемый в тексте романа феминный символ воды: в «Журнале Печорина» дамы, постоянно живущие на курортах, «жены местных властей», названы «хозяйками вод»; Бэлу Казбич похитил у реки, и у реки же ее похоронили; ундина вступает в единоборство с Печориным в море и уезжает навсегда, намереваясь переплыть с Янко в лодке море, кроме того, в отличие от Печорина, она умеет плавать. Сжимая руки девушки так, что пальцы начинают хрустеть, Печорин замечает: «ее змеиная натура выдержала эту пытку». А. Голан, обобщая способы персонификации водной стихии, принятые у разных архаических народов, приходит к выводу, что, во-первых, божество «нижнего» мира часто связывалось с водной стихией, а во-вторых, что «божество «низа» – это мифический змей» [24. С. 77]. А. Голан объясняет персонификацию «змея – вода» действием ассоциативного механизма: изгибы реки напоминали изгибы ползущей змеи [24. С. 77]. Именно такой метафорой обозначаются изгибы Арагвы в романе М.Ю. Лермонтова: «Арагва, обнявшись с другой безымянной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею». М. Элиаде указывает, что «символами воды служат драконы, змеи, раковины, дельфины, рыбы и т.п.» [25. С. 199]. Б. Рыбаков отмечает, что уж, живущий у воды и выполняющий во время дождя, связан с «механизмом появления дождя» [26. С. 36]. В контексте феминной и хтонической персонификации архетипа «вода» уместно вспомнить, что у армян был ритуал принесения жертвы роднику после благополучных родов, поскольку божественный змей, живущий в роднике, способствовал зачатию [27. С. 144].

Таким образом, то обстоятельство, что натуру ундины Печорин называет «змеиной», позволяет идентифицировать полисимволизм стихии воды, соотносимой с женским началом и с хтоническими чудовищами, персонификациями воды.

В германо-скандинавской мифологии змей Ермунганд, обозначаемый кеннигом (в скальдической поэзии – двучленная метафора, например, корабль – «конь моря») «пояс земли», выступает персонификацией мирового океана, окружающего мир людей – Мидгард. В.А. Часникова также подчеркивает, что «змеи ассоциируются с водой и землей» [28. С. 321]. В древнем Китае змея считали символом дождя, несущего плодородие земле. Полисемантизм водной стихии обусловлен множественностью ее персонификаций, однако феминное начало сопутствует хтоническому, вода персонифицируется в чудовищах (змеях), и воде свойственна семантика порождения жизни, то есть она выступает феминным символом. Ю.М. Лотман, характеризуя цикличность мифологического сюжета и предперсональность героя, семиотический смысл оппозиции «смерть – новое рождение» раскрывает так: «Элементарная последовательность событий в мифе может быть сведена к цепочке: вхождение в закрытое пространство – выходение из него (цепочка эта открыта в обе стороны и может бесконечно умножаться). Поскольку закрытое пространство может интерпретироваться как «пещера», «могила», «дом», «женщина» (и соответственно наделяться признаками темного, теплого, сырого), вхождение в него на разных уровнях интерпретируется как «смерть», «зачатие», «возвращение домой» и т.д., причем все эти акты мыслятся как взаимно тождественные» [29]. Архаический символ феминного начала, связанного с водной стихией или же выступающего ее персонификацией (русалка в лирике Лермонтова, ундина в романе), таким образом, присущ тем героиням романа Лермонтова, которые вынесены за пределы мира, выступающего для героя своим. Именно за его границами обнаруживается полисемантизм водной стихии, персонифицированной в женском начале и при этом связанной с потусторонним миром. Такой символикой надделено в тексте романа море – одна из манифестаций архетипа воды, а также персонификация морской стихии – девушка-ундина.

Таким образом, архетип «вода» представлен в тексте романа М.Ю. Лермонтова в виде манифестаций, объединяемых в несколько семантических рядов: 1) персонификация водной стихии в феминном образе: девушка-ундина в «Тамани», дамы – «хозяйки вод» в «Журнале Печорина»; 2) конкретные географические реалии, наделяемые акватическими кодами: Арагва, Кубань, Терек, Подкумок, Каменный брод, Елизаветинский источник, кисловодский колодец с нарзаном, водопад, море. [Причем река маркирует границы как в исторических реалиях (граница с Грузией), так и выступая семиотической границей между своим и чужим (мир горцев – мир цивилизации), миром живых и миром мертвых (смерть Бэлы, вышедшей к реке и похороненной у реки, ручей, который пересекают Грушницкий и

Печорин, отправляясь к месту дуэли)]; 3) связь архетипа воды с потусторонним миром, подчеркнутая фразеологизмом, избранным Максимом Максимычем, чтобы охарактеризовать состояние Азамата, которого Печорин поддразнивает, при каждой встрече расхваливая лошадь Казбича: «Григорий Александрович до того его задразнил, что хоть в воду»; 4) прочтение пути по морю как дороги в мир иной (такой семантикой наделено море в главе «Тамань», в которой Печорина едва не утопили). Вода маркирует хронотоп романа, обозначает его границы, семантизирует центр и периферию: колодец с целебной водой находится в центре освоенного Печориным мира, в то время как хата контрабандистов, в которой «нечисто», находится на окраине города, на берегу моря, то есть фактически на границе мира человека и мира стихии.

Различные манифестации архетипа «вода» в тексте романа «Герой нашего времени» структурируют пространство и время по оппозициям, сообщают романному хронотопу целостность и упорядоченность. Семиотика архетипа «вода» в тексте романа «Герой нашего времени», установленная путем диахронического раскодирования значения образов, в которых манифестирована водная стихия, выступает результатом ресемантизации архаических и фольклорных значений разных манифестаций архетипа «вода». При этом его архаические смыслы работают на уровнях семантики и прагматики текста как маркеры для осуществления коммуникации с читателем, направленные на обретение полноты смысла текста романа в целом.

Список источников

1. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб. : Пальмира, 2018. 335 с.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки славянских культур, 1999. 464 с.
3. Юнг К.-Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев : Гос. б-ка Украины для юношества, 1996. 384 с.
4. Косарев А.Ф. Философия мифа. М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Университетская книга, 2000. 304 с.
5. Башляр Г. Психоанализ огня. М. : Прогресс, 1993. 173 с.
6. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1998. 268 с.
7. Башляр Г. Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1999. 344 с.
8. Башляр Г. Земля и грезы воли. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2000. 384 с.
9. Абелян М.К. Особенности мифологемы «вода» в произведениях Д.Г. Лоренса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 10. С. 178–182.
10. Болтовский Е.О. Мифологема воды в творчестве Бориса Поплавского // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17, № 1. С. 120–123.

11. Дегтярёва В.В. Мифологемы водного мира в творчестве В.П. Астафьева // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010. № 2. С. 214–219.
12. Воловинская М.В. Мифологема воды в пьесе А.Н. Островского «Гроза» // Миф – фольклор – литература : межвуз. сб. ст. по материалам научного семинара. Пермь, 2008. С. 183–194.
13. Дарчиева М.В. Мифологема «река» в осетинском нартском эпосе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2015. № 3. С. 195–198.
14. Аверинцев С.С. Вода // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. 671 с.
15. Элиаде М. Трактаты по истории религии : в 2 т. СПб. : Алетейя, 2000. Т. 2. 416 с.
16. Гайденок В.П. Природа в религиозном восприятии // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 43–52.
17. Чистоткина Е.С. «Архетипы зеркала и воды как символы ложного познания в лирике Вячеслава Иванова» // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 5 (71). С. 193–195.
18. Васильева Ю.Ю. Акватическое мифотворчество в прозе писательниц британского модернизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 22 с.
19. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1997. 688 с.
20. Афанасьев А.Н. Славянская мифология. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2008. 1520 с.
21. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. : в 4 т. Л. : Наука, 1981. Т. 4: Проза. Письма. С. 275–474.
22. Галкин Б.А. География и пространство русской литературы XIX века. URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/37145.php?ELEMENT_ID=37145&PAGEN_1=3&PRINT=Y&element_id=37145&pagen_2=7 (дата обращения: 20.01.2023).
23. Гуревич А.Я. Хронотоп «Песни о Нибелунгах» // Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства». М. : Искусство, 1990. URL: <http://territalnd.ru/load/1-1-0-5805> (дата обращения: 20.01.2023).
24. Голан Ариэль. Миф и символ. М. : Руслит, 1993. 375 с.
25. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М. : Ладомир, 1999. 488 с.
26. Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев неолита // Советская археология. 1965. № 1. С. 24–47.
27. Абрамян Л.А. Первобытный праздник и мифология. Ереван : АН АрмССР, 1983. 231 с.
28. Легенды и мифы о животных / сост. В.А. Часникова. М. : Центрполиграф, 2014. 415 с.
29. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-51655.html?page=21> (дата обращения: 20.01.2023).

References

1. Adoniev, S.B. (2018) *Pragmatika fol'klora* [Pragmatics of Folklore]. St. Petersburg: Pal'mira.
2. Lotman, Yu.M. (1999) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorii* [Inside Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

3. Jung, K.-G. (1996) *Dusha i mif. Shest' arkhетipov* [Soul and Myth. Six Archetypes]. Translated from German. Kiev: State Library of Ukraine for Youth.
4. Kosarev, A.F. (2000) *Filosofiya mifa* [Philosophy of Myth]. Moscow: PER SE; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
5. Bachelard, G. (1993) *Psikhoanaliz ognya* [Psychoanalysis of Fire]. Translated from French. Moscow: Progress.
6. Bachelard, G. (1998) *Voda i grezy. Opyt o voobrazhenii materii* [Water and Dreams. An Experiment on the Imagination of Matter]. Translated from French. Moscow: Izd-vo gumanitarnoy literatury.
7. Bachelard, G. (1999) *Grezy o vozdukh. Opyt o voobrazhenii dvizheniya* [Dreams of Air. An Experiment on the Imagination of Movement]. Translated from French. Moscow: Izd-vo gumanitarnoy literatury.
8. Bachelard, G. (2000) *Zemlya i grezy voli* [Earth and Dreams of Will]. Translated from French. Moscow: Izd-vo gumanitarnoy literatury.
9. Abelyan, M.K. (2009) Osobennosti mifologemy "voda" v proizvedeniyakh D.G. Lorensa [The Mythologem "Water" in the Works of D.G. Lawrence]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 10. pp. 178–182.
10. Boltovskiy, E.O. (2011) Mifologema vody v tvorchestve Borisa Poplavskogo [The Mythologem of Water in the Works of Boris Poplavsky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 17(1). pp. 120–123.
11. Degtyareva, V.V. (2010) Mifologemy vodnogo mira v tvorchestve V.P. Astaf'eva [Mythologemes of the Water World in V.P. Astafyev's Works]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*. 2. pp. 214–219.
12. Volovinskaya, M.V. (2008) Mifologema vody v p'ese A.N. Ostrovskogo "Groza" [The Mythologem of Water in A.N. Ostrovsky's "The Storm"]. In: *Mif–fol'klor–literatura* [Myth – Folklore – Literature]. Perm: [s.n.]. pp. 183–194.
13. Darchieva, M.V. (2015) Mifologema "reka" v osetinskom nartskom epose [The mythologem "river" in the Ossetian Nart epic]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova*. 3. pp. 195–198.
14. Averintsev, S.S. (1987) Voda [Water]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t.* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
15. Eliade, M. (2000) *Traktaty po istorii religii: v 2 t.* [Treatises on the History of Religion: in 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Aleteyya.
16. Gaydenko, V.P. (1995) Priroda v religioznom vospriyatii [Nature in religious perception]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 43–52.
17. Chistotkina, E.S. (2018) Arkhetipy zerkala i vody kak simvol'y lozhnogo poznaniya v lirike Vyacheslava Ivanov [Archetypes of Mirror and Water as Symbols of False Knowledge in Vyacheslav Ivanov's Lyrics]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 5(71). pp. 193–195.
18. Vasilieva, Yu.Yu. (2016) *Akvaticheskoe mifotvorchestvo v proze pisatel'nits britanskogo modernizma* [Aquatic Myth-Making in the Prose of British Modernist Writers]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
19. Lobok, A.M. (1997) *Antropologiya mifa* [Anthropology of Myth]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
20. Afanasiev, A.N. (2008) *Slavyanskaya mifologiya* [Slavic Mythology]. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Midgard.

21. Lermontov, M.Yu. (1981) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols]. Vol. 4. Leningrad: Nauka. pp. 275–474.

22. Galkin, B.A. (n.d.) *Geografiya i prostranstvo russkoy literatury XIX veka* [Geography and Space of Russian Literature of the 19th Century]. [Online] Available from: https://www.portal-slovo.ru/philology/37145.php?ELEMENT_ID=37145&PAGEN_1=3&PRINT=Y&element_id=37145&pagen_2=7 (Accessed: 20th January 2023).

23. Gurevich, A.Ya. (1990). *Srednevekovyy mir: kul'tura bezmolvstvuyushchego bol'shinstva* [The Medieval World: The Culture of the Silent Majority]. Moscow: Iskusstvo. [Online] Available from: <http://territaland.ru/load/1-1-0-5805> (Accessed: 20th January 2023).

24. Golan, A. (1993) *Mif i simvol* [Myth and Symbol]. Moscow: Ruslit.

25. Eliade, M. (1999) *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Essays on Comparative Religious Studies]. Moscow: Ladomir.

26. Rybakov, B.A. (1965) *Kosmogoniya i mifologiya zemledel'tsev neolita* [Cosmogony and Mythology of Neolithic Farmers]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 24–47.

27. Abramyan, L.A. (1983) *Pervobytnyy prazdnik i mifologiya* [Primitive Festival and Mythology]. Erevan: AS ArmSSR.

28. Chasnikova, V.A. (ed.) (2014) *Legendy i mify o zhivotnykh* [Legends and Myths about Animals]. Moscow: Tsentrpoligraf.

29. Lotman, Yu.M. (n.d.) *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Articles on semiotics and Typology of Culture]. [Online] Available from: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-51655.html?page=21> (Accessed: 20th January 2023).

Информация об авторах:

Погребная Я.В. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь, Россия). E-mail: maknab@bk.ru

Страшкова О.К. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия). E-mail: olga.strashkova8@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ya.V. Pogrebnyaya, Dr. Sci. (Philology), docent, professor, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russian Federation). E-mail: maknab@bk.ru

O.K. Strashkova, Dr. Sci. (Philology), docent, professor, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: olga.strashkova8@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.02.2023;
одобрена после рецензирования 05.03.2023; принята к публикации 31.10.2024*

*The article was submitted 21.02.2023;
approved after reviewing 05.03.2023; accepted for publication 31.10.2024*

Научная статья
УДК 82.161.1.09“19”
doi: 10.17223/23062061/36/2

ТЕМА ОТЦОВ И ДЕТЕЙ В ПОВЕСТИ И.С. ШМЕЛЕВА «ЧЕЛОВЕК ИЗ РЕСТОРАНА» В АСПЕКТЕ ИСТОРИИ ТЕКСТА

Анна Александровна Скоропадская¹

¹ *Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия,
san19770@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается тема отцов и детей в центральном произведении дореволюционного творчества И.С. Шмелева – повести «Человек из ресторана». Для анализа привлекаются сохранившиеся черновые материалы, позволяющие выявить этапы созревания идейного замысла и его художественного воплощения. История текста повести свидетельствует об изначальной значимости для автора темы отцов и детей: попробовав развернуть поколенческий конфликт в социально-бытовом ракурсе, Шмелев постепенно отходит от этой стратегии и наполняет взаимоотношения отца и сына Скороходовых непреходящей религиозно-философской символикой.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, история текста, неореализм, тема отцов и детей, блудный сын

Для цитирования: Скоропадская А.А. Тема отцов и детей в повести И.С. Шмелева «Человек из ресторана» в аспекте истории текста // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 36. С. 21–34. doi: 10.17223/23062061/36/2

Original article

THE “FATHERS AND CHILDREN” THEME IN IVAN SHMELYOV’S STORY *THE MAN FROM THE RESTAURANT* IN THE ASPECT OF THE TEXT HISTORY

Anna A. Skoropadskaya¹

¹ *Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation, san19770@mail.ru*

Abstract. The article examines how Ivan Shmelyov develops the “fathers and children” theme in the process of creating the story *The Man from the Restaurant*. The

main research method is comparative textual analysis. The material for the study was the surviving handwritten and printed draft versions of the story. The topicality of the research is determined by the need for a more detailed study of Shmelyov's early works in order to clarify the origins of the author's method, which was defined as "spiritual realism" and which genetically goes back to neorealism. The novelty of the research lies in the analysis of the draft materials that have never published and have not been completely deciphered, which makes it possible to reconstruct the history of the text in general and the formation stages of the "fathers and children" theme in particular. As a result of the study, it was revealed that the "fathers and children" theme plays an important plot-forming role from the very beginning of the work on the story. The "little man" Yakov Skorokhodov appears not only in the role of a waiter, but also in the role of the father of the family; all the hardships of the "serving" labor, which he endures for many years, are for the sake of providing his wife and children with shelter and food. Conflicts with children, especially with his son Nikolai, become an impetus for the character to make sense of his life. Draft materials contain several versions of conflict scenes, which can be used to trace the evolution of the character of Skorokhodov Sr: in early versions, he is often harsh with his son, giving way to paternal frustration; in subsequent editions, Shmelyov leads the father and the son to reconciliation, which is more emotional rather than ideological. Skorokhodov analyzes his past and reconsiders the present in order to find the reasons for the ever-growing generation gap. The desire to find mutual understanding with his son awakens a true paternal feeling in the character, and through this feeling he finds the spiritual meaning of life. Working on the text, Shmelyov does away with the vast amount of social and everyday details and with the straightforward allusions to the religious context. Thus, Shmelyov subtly weaves references to the archetypal plot about the prodigal son, genetically related to the "fathers and children" theme, into the figurative plot of the story, while cutting out the scene of Skorokhodov Sr's prayer-appeal to God on the night before his son's execution, functionally replacing it with the image of an old man selling mittens and felt snow boots, the one who saved Kolyushka that escaped from prison. The history of the text shows how a social understanding of reality in the spirit of classical realism evolves into a symbolically generalized plot.

Keywords: Ivan Shmelyov, history of text, neorealism, theme of fathers and children, prodigal son

For citation: Skoropadskaya, A.A. (2024) The "fathers and children" theme in Ivan Shmelyov's story *The Man from the Restaurant* in the aspect of the text history. *Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing.* 36. pp. 21–34. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/36/2

Определяя место И.С. Шмелева в литературном процессе, многие исследователи относят его творчество к направлению неореализма¹, течения, воплотившего в себе синтез критического / классического реализма

¹ Так, например, в статье Г.А. Зябревой, рассмотревшей существующие в литературоведении трактовки феномена «неореализм», приведены основные концепции этого понятия: в большинстве из них Шмелев включен в круг писателей-неореалистов [2. С. 180–185].

и символизма / модернизма. Основными чертами неореализма являются смешение стилей, соединение бытийного и социально-конкретного мировоззрения [1. С. 269], сохранение интереса к объективной реальности и актуализация онтологического единства человека со всем сущим, переосмысление литературной традиции, но не отказ от нее.

Повесть «Человек из ресторана», писавшаяся в 1910 г. и изданная в 1911 г., приходится на период окончательного оформления в литературе неореалистических тенденций: по утверждению Т. Давыдовой, «в эти годы у неореалистов возникает концепция “органического” <...> человека, углубляется понимание места “маленького человека” в мире, создается разветвленная типология героев» [3. С. 35]. Неореалистические тенденции формируются внутри социального реализма: социальная проблематика доминирует на сюжетно-образном уровне у многих писателей-неореалистов, в том числе у Шмелева. Именно поэтому повесть «Человек из ресторана» была воспринята современниками и последующими читателями как талантливое следование традициям русской реалистической прозы. Однако оставаясь доминантой стиля и метода, реализм Шмелева пропитывается элементами модернистской поэтики, что закладывает основы духовного реализма.

Обращение к истории текста шмелевской повести помогает определить не только становление писательской манеры, но и укрепление неореалистических тенденций в авторском методе. Рассмотрим это на примере темы отцов и детей, положенной в основу внешнего и внутреннего сюжета произведения и обуславливающей его идейную заданность.

Во всех исследованиях, так или иначе касающихся раннего творчества Шмелева, отмечается его идеологическая и художественная близость с русской классической литературой. Так, тема «маленького человека», актуальная для многих произведений 1900–1910 гг., имеет непосредственную связь с Достоевским [4], тема мещанского существования и пошлой повседневности – с Чеховым [5], тема ухода – с Толстым [6]. В монографических исследованиях (например, [7–9]) связь Шмелева с литературной традицией представлена более концептуально, но и в этих работах большее внимание уделяется зрелым произведениям автора. Повесть «Человек из ресторана» рассматривается как значительное для дореволюционного периода произведение, в котором Шмелев проявил себя последователем традиций русской классической литературы, для которой тема конфликта поколений и заложенный в ее основание архетипический мотив блудного сына имеет концептуальную значимость.

Рукописное наследие И.С. Шмелева достаточно широко представлено в РГАЛИ (подробно об этом – [10]) и РГБ [11]. Сохранившиеся рабочие материалы повести позволяют реконструировать историю текста на стилистическом, сюжетно-образном, идейном уровнях. Подобного рода реконструкцию в своих диссертационных работах частично использовали М.М. Дунаев [12] и А.П. Черников [13], но обилие хранящихся в архиве рабочих материалов дает богатую почву для более детального их изучения с помощью сравнительно-сопоставительного метода текстологического анализа. В частности, интересно проследить смену смысловой парадигмы: художественное исследование низших социальных слоев через «ресторанный текст» [14] все больше наполняется христианско-этическим контекстом, идейный замысел меняет свой вектор с остросоциального на нравственно-психологический.

В черновом автографе, озаглавленном «Записки ресторанный лакея», начало повести сразу погружает читателя в ресторанный мир героя, описывающего тонкости своего «услуживающего» ремесла. В наброске, представляющем свободный план произведения, Шмелев отмечает: «Параллельно съ рестор<анной> жизнью, идетъ жизнь и въ семьѣ автора и его знакомыхъ»¹ [11. Ед. хр. № 15. Л. 14]. Образы детей появляются, когда герой начинает задумываться о смысле своей жизни: спящая дочь (в раннем варианте – сын) пробуждает в нем мысли о будущем:

<p>А за [стѣной досчатой] стѣнкой свернулась калачикомъ [дочурка моя Наташка] Наташа. Тихо такъ дышитъ... Чистенькая и невинная... И спитъ, и видитъ сны. [Какіе сны она видитъ? Что грезится ей?] И задумаешься. Что ожидаетъ [она] ее въ жизни? Ей не останется отъ насъ купоновъ и разныхъ билетовъ, выигрышныхъ и другихъ, и домовъ многоэтажныхъ, и какъ получили [недавно] въ наслѣдство барышни Пупаевы, въ домъ коихъ я тогда [имѣю честь квартировать] квартировалъ [11. Ед. хр. № 15. Л. 21].</p>	<p>Но теперь онъ спитъ, и пусть спитъ крѣпко, потому что у него завтра экзамень безъ протекціи. Господи! Пошли ему... Вотъ теперь ночь на дворѣ черная, и дождь льетъ... и есть которые многіе, не им<ѣютъ> крова и не имѣютъ работы и завтра... И я не знаю отчего это. Когда я не заним<ался> этимъ писаніемъ, ничего и замѣтить не <нрзб>, какая быв. жизнь, и какъ все неправильно, а когда вотъ пишу, сердце у меня ноетъ и слезы жгутъ душу... и обидно становится, почему такъ много горькаго и т. мало сладкаго, почему одни все имѣютъ и стар<аются> давать другимъ, и почему никто изъ умнѣющихъ людей не кричитъ всѣмъ вслухъ, что такъ нельзя [11. Ед. хр. № 15. Л. 15].</p>
---	--

¹ Рукопись расшифрована в рамках реализации гранта РФФИ, проект № 18-012-00381а. В квадратных скобках приводится вычеркнутый Шмелевым текст, полужирным выделен вписанный текст, в треугольных скобках – восстановленный текст.

Дальнейшие варианты показывают, что Шмелев пересматривает повествовательную стратегию: размышления главного героя о своей жизни инициируются уничижительной оценкой его профессии, высказанной сыном:

Конечно, Колушка еще молодъ и не понимает [сути всей] глубины жизни, а вотъ какъ [пожить съ мое] пообогрется да поприглядывается къ людямъ, совѣмъ другое [будетъ говорить] запоетъ. А все-таки обидно было отъ родного сына подобное слушать, очень обидно! Ну лакей, вѣрно... Чтожъ изъ того, что по [назначенію] предназначенію судьбы я лакей! А?

И далее:

Ты, говорить, исполняешь бесполезное и низкое ремесло! Кланяешься всякому прохвосту и хаму! [Не быв. никогда Это образ. то люди – хамы... Это] Пятки имъ лижешь за полтинникъ! А? [Я бы] Лучше бы, говорить, [быль счастливъ, если бы ты былъ простой мужикъ и самъ обрабатывалъ свою землю!] сам<ый> муж<икъ> муж<икъ> ты былъ, землю пахаль!.. [11. Ед. хр. № 15. Л. 18].

Таким образом, тема отцов и детей актуализируется с самого начала и актуализируется через обозначения разрыва, происходящего между главным героем и его сыном.

Семья, жена и дети, являются для Якова Скороходова смыслом жизни – ради них он пропадает на работе, преодолевая физическую усталость и психологические унижения. Но ресторанная служба заполняет собой всё его жизненное пространство: детей он видит урывками, их воспитание проходит практически без его непосредственного участия, и, как следствие, неминуемыми становятся непонимание и конфликты.

В первом варианте повести поколенческий конфликт между отцом и сыном выражен более резко и все более нарастает. Самоубийство Кривого не просто становится отправной точкой семейных несчастий, но выступает катализатором внутрисемейных отношений:

<-> Вы завтра съ директоромъ будете говорить... Держите себя съ достоинствомъ! А то вы всегда [боитесь] привыкли кланяться [, какъ]...

Кольнулъ онъ [этимъ] меня [сильно].

– Ты мнѣ такъ не смѣй говорить, учить... Ты вотъ можеть послѣдняго челоуѣка жалѣешь, какого-то Кривого, который намъ [напакостить хотѣлъ и] напакостиль... онъ [нарочно] назло [намъ] и удавился-то у насъ, а ты съ отцемъ такъ...

А Колушка вытянулъ голову и [кр] шепотомъ такъ: [Какъ вамъ не стыдно,]

<-> А еще [вы] религиозный челоуѣкъ!.. А-а...

Но тутъ я не сдержался [и сердце у меня пошло ныть].

<-> [А ты, говорю, скотъ] Скотъ ты, говорю, а не сынъ **послѣ всѣго!**

А онъ повернулся и пошелъ [Ну хорошо пусть такъ и будетъ] и ушелъ к себѣ въ корридорчикъ, гдѣ спитъ, **и давай взадъ-впередъ** [11. Ед. хр. № 15. Л. 47 об.].

Грубые упреки в адрес сына, с одной стороны, показывают отцовскую обиду на недостаточную верность семье, а с другой – выявляют противоречивость характера самого Скороходова, у которого христианские заповеди, декларируемые на словах, иногда расходятся с делом.

В последующем варианте сцены отсутствует грубая реакция Скороходова на резкость сына:

Сталь я Колюшку успокаивать. Разказаль, что директора видѣлъ и онъ очень ласковъ былъ... а онъ мнѣ вдругъ сердито такъ:

– Вы завтра съ нимъ будете говорить, такъ держите себя съ достоинствомъ<,> а то привыкли кланяться...

Кольнулъ онъ меня этимъ сильно.

– А вотъ ты, говорю, привыкъ [отц] съ отцомъ зубъ за зубъ. Ты вотъ, можеть послѣдняго человекъ жалѣешь, какого-то [11. Ед. хр. № 16. Л. 11].

Теперь конфликт между отцом и сыном не нарастает (в первом варианте Колюшка и Скороходов расходятся по своим углам и больше не разговаривают), а перерастает в примирение¹:

Обнялъ я его въ темнотѣ, и такъ мнѣ его жалко стало... Тепленькій онъ и дрожить въ рукахъ... И передалось ему отъ меня чувство. И онъ прижался и голову мнѣ на плечо положилъ. Поласкалъ я его тутъ молча, по головѣ погладилъ. Одинъ разъ вотъ такъ за всю жизнь и поласкалъ-то отъ всего сердца... Потому что т<a>кое несчастье у насъ было на душѣ, и странно было мнѣ чего-то, словно вотъ случится что необыкновенное. И такъ онъ ко мнѣ притиснился.

И молчали мы... [И ниче] И какъ посидѣли такъ, я и говорю шопотомъ <,> чтобы Луша не знала:

– Попроси завтра прощенія у учителя... Пусть онъ не правъ... Я всего видаль въ жизни<,> [и меня] мнѣ много обидѣ дѣлали... Но ты бери примѣръ съ Исуса Христа и смирись...

– Не могу, папочка... Не могу...

¹ И.А. Беляева, исследовав диалектику отечески-сыновнихъ связей в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», выявила смысловой код темы «отцы и дети»: «Отношения *отцов* и *детей* (здесь и далее курсив автора. – А.С.), даже в случае если они отрицают друг друга, все равно сказываются любовью, в которой есть место и непониманию, и противоречиям, но и – обязательно – пониманию и, в конечном счете *примирению*» [15. С. 12].

Никогда раньше и такъ меня не называль. Даже мнѣ какъ и совѣстно стало и хорошо. Очень ужъ нѣжно онъ меня назваль [11. Ед. хр. № 16. Л. 11 об.].

Однако состоявшееся примирение скорее эмоциональное, а не идейное. Скороходов апеллирует к примеру Иисуса Христа, смиренно принявшего смертные муки и поругание. Но у Колошки перед глазами ежедневный пример собственного отца, через унижения зарабатывающего насущный хлеб:

– Я, говорить, тогда себя не буду уважать и не человекъкъ я послѣ буду... Вы только помните, что я васъ никогда не унижу <?> знайте, говорит<ъ,> что чтобы ни случилось, вамъ сынъ никогда не сдѣлаетъ гадости... Я себѣ слово даль... Вы не знаете, что насъ всѣхъ такихъ, какъ я, называютъ кухаркиными да кучеровыми сыновьями... я знаю... но только... я... [11. Ед. хр. № 16. Л. 11 об.].

Образ Христа, используемый Яковом Скороходовым как пример смирения, углубляет тему отечески-сыновних отношений на символично-философском уровне: Бог-отец и его сын Иисус Христос являют высшее единство, в основе которого заложены вечная любовь и вечная истина: «да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня» (Ин. 17:22–23). Но миропонимание Скороходова-отца еще узко: его мир очерчен границами ресторана и дома, он живет проблемами текущего дня; ежедневно наблюдая пороки ресторанной публики, герой хочет вырваться из этой грязи, но его мечты о светлом будущем (своем и детей) ограничиваются бытовым благополучием (собственный дом, достойная профессия у сына, благополучное замужество у дочери). В свете окончательного заглавия повести особой символикой в устах Колошки наполняется лексема «человек» (не человекъкъ я послѣ буду): в сознании героя это слово принадлежит гуманно-этической, а не социальной сфере.

Конфликт с сыном заставляет Скороходова-старшего оглянуться в прошлое в поисках его причин. Примечательно, как Шмелев разрабатывает логику рассуждения героя:

И что онъ у меня за человекъкъ и откуда у него такія слова. Росъ онъ росъ, и не видаль я его совсѣмъ. Да когда же и видѣть то? На службу ухожу въ [пол-часа 8] восьмомъ часу утра [– спать, потю], одну минуту и видишь, какъ онъ [кни] уроки читаетъ, а придешь **ночью** въ 3^{мь} часу утра – спать. Такъ и не видаль я его совсѣмъ, а ужъ онъ большой. Вотъ кака я [слу] жизнь! И дитя свое не видишь и не знаешь. И выросъ онъ, мой мальчикъ Колька, выросъ и [тво]

не вспомнишь, какой онъ былъ когда маленькій. – Такъ все и прошло, и воротить нельзя, посмотрѣть, [когда же онъ<ъ>] какой же онъ маленькій то былъ, какъ будто у чужихъ росъ. Что же, я дурного въ немъ не примѣчаю. И не балуется онъ, и добываетъ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, [учить] на урокъ ходитъ и все до копейки матери отдасть. И никогда не смѣется [и не гуляетъ даже и] и очень тихій, <нрзб> Любкъ помогаетъ [а) по урокамъ<ъ> б) уроки] по урокамъ [11. Ед. хр. № 15. Л. 5 об.].

В следующем варианте автор вносит некоторые, на первый взгляд, незначительные изменения:

И что онъ у меня за человекъ и откуда у него такія слова. Росъ онъ росъ<,> и не видалъ я его совсѣмъ. Да когда и видѣть-то? На службу уходишь [въ половинѣ восьмого, одну] рано, минутку [всего] **какую** и видишь-**то**, какъ онъ уроки читаетъ, а придешь [въ третьемъ – спать] ночью, спать. Такъ я и не видалъ [я] его совсѣмъ, а ужъ онъ большой. И дитя-**то** свое не видишь и не знаешь! [Вотъ какая жизнь!] И выросъ онъ [большой], мой мальчикъ, Коляка, выросъ и не вспомнишь, какой **же** онъ былъ, когда маленькій... [Маленькій,] На кривыхъ ножкахъ ходилъ... /утюгъ на себя съ <нрзб.> свалилъ.../ Нѣтъ, не вспомнишь... **Точно у чужихъ> росъ**. Такъ [все] и прошло **все**, и [воротить нельзя] нельзя воротить... [Что же, я] Дурного [я] въ немъ **я** не [примѣчаю] примѣчалъ. [И не балуется онъ, и ничего такого нѣтъ, и] Добываетъ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ отъ урока и [все] матери [отдасть] отдавалъ. И никогда даже не [смѣется] смѣялся, [и] тихій [больше,] и скромный былъ... и Наташѣ [помогаетъ] помогать въ урокахъ... И **меня** [любить] любилъ, [знаю, что любить] очень любилъ... А я-то и не приласкалъ[-то] его какъ слѣдуетъ» [11. Ед. хр. № 15. Л. 26].

Рассуждения героя рязнятся не только на стилистическом уровне (второй вариант более приближен к разговорной речи за счет порядка слов и частиц –*то, же*). Шмелев смещает временной ракурс рассуждений Скороходова из настоящего в прошлое: *отдает – отдавал, не смеется – не смеялся, помогает – помогал*. Таким образом, осознанный взгляд отца на сына получает ретроспективный характер: он начинает понимать достоинства своего ребенка, а также то, что Колюшка его любит. Эта безусловная детская любовь, только сейчас осознанная отцом, до этого понимавшим свой родительский долг лишь в материально-бытовом аспекте (обеспечить кровом, едой, одеждой, образованием...), становится толчком к пробуждению духовной ответственности.

Герой-лакей надеется, что образование освободит его детей от бедности и, что главное, унижений. Занимая одно из последних мест в социальной иерархии, Скороходов-старший все свои усилия направляет на то, чтобы обеспечить своим детям лучшую жизнь. Единственную возможность социального лифта дает образование:

И хотя говор., вы всё и лакейск. сословія и даже у васъ [ста] папаша въ простомъ трактирѣ служилъ, но образование все покрываетъ, а ежели онъ да въ инженеры попадетъ, такъ чего же лучше [11. Ед. хр. № 15. Л. 15 об.].

Но унижения преследуют его детей, постепенно накапливаясь и приводя к эмоциональному взрыву. Шмелев подбирает сюжетные подступы к этому взрыву. Так, по одной из его задумок сын оканчивает курс училища и, первый вариант, Скороходов с семьей празднуют это событие дома:

Сынъ кончилъ курсъ, и у насъ нынче пиръ дома. [Буфетчикъ] Какой у насъ скандалъ вышелъ! Господи! Принесъ я вина бутылки двѣ, отъ гостей остались – <...> Откуда? – И пошло... – Обидѣлъ онъ меня, а потомъ поплакалъ... [11. Ед. хр. № 15. Л. 15].

Затем второй вариант – сын отмечает это событие с одноклассниками в ресторане, где работает его отец, что и замечают его товарищи:

Господа, а у него отецъ здѣсь лакеемъ, говорятъ. Онъ говор. имъ... такъ вы не изъ реальн. училища? что съ ними. [Отъ] Ему говор., что трудно держать экзамень, [но и] если случай есть. У него есть случай... [11. Ед. хр. № 15. Л. 15 об.].

Однако последующая разработка сюжета приобретает больший драматизм. Вся глубина и масштабность переживаемых детьми унижений проявляется в ситуации исключения Колюшки из гимназии. Эта ситуация обыгрывается Шмелевым в разных деталях. Так, например, он подбирает причины исключения: плохая оценка, спор с учителем о пожертвовании денег на войну. Общим во всех этих вариантах является острое чувство несправедливости из-за предвзятого отношения со стороны учителей и руководства училища к Колюшке как сыну лакея. В раннем варианте Колюшка рассказывает отцу о всех унижениях, с которыми столкнулся в училище с самого начала:

А онъ какъ [оторвется и на меня грозно] бросить руки да на меня:
– Въ чемъ? въ чемъ? А вы въ чемъ будете извиняться? [Это передъ хамами-то!] Да они носка вашего не стоють! [Вы ихъ не знаете! Они они...] Они меня всё годы мучили... [Они и обращались-то со мной не такъ, какъ съ другими.] [Хамы!] Подлецы они! Владимиръ Николаичъ у насъ, надзирателишка, [его и] онъ всего [четыре] три класса гимназии прошелъ, [малограмотный] а онъ у насъ всёми дѣлами ворочаетъ. [Директоръ у него въ рукахъ, деньги для <нрзб.> занимаетъ...] Взаймы директору даетъ... и директоръ у насъ тряпка.
И давай говорить про свое. Какъ пренебрежительно относился къ нему [и другимъ бѣднымъ] этотъ [мерзавецъ] Владимиръ Николаевичъ [по фамилии

Огненный]. [Тотъ] Онъ самый и былъ, носатый и неприятный [изъ себя] человекъ, который мнѣ объявилъ о [судьбѣ дѣла] Колюшкѣ. [И я не вѣрилъ, не вѣрилъ. Но Колюшка всегда правду говорилъ.]

<—> Меня, говорить, еще съ перваго класса [отъ другихъ] отличали [и не только меня, а] и еще человекъ пять [было]. Еще въ третьемъ классѣ онъ меня [: а. за нео б. за] оборвышемъ назваль [называль]. Я это **хорошо** помню... Въ корридорѣ, когда [ходилъ онъ со своимъ любимчикомъ, котораго] я его любимчика за фискальство [потрепаль] оттрепаль, онъ меня прижалъ въ уголь и шипѣлъ [на меня и кричалъ]: <<«оборвышь, дрянъ! заплатникъ! Я тебя изъ училища вышвырну! Въ [половые тебя] половыхъ тебѣ мѣсто, а ты [, мерзавецъ,] къ намъ лѣзешь..!>> Я [плакалъ] тогда [и] все понималъ и **плакалъ**. [Онъ меня ненавидель] Ненавидель онъ меня. И [ко мнѣ] его любимцы, которые ходили въ свѣтлыхъ парахъ, также относились. [А я все на сердцѣ томилъ. И потомъ, всегда...] И называль онъ меня въ насмѣшку «господинъ [Скомороховъ] Сракоходовъ» – нарочно коверкалъ [мою] фамилию [Скороходовъ]. [И помню, какъ у насъ его рожъ носъ на доскѣ наvertsили онъ меня пыталъ, кто начертилъ, и я не сказала, такъ онъ меня обвинилъ и на три воскресенья меня вызывали! И я плакалъ отъ несправедливости.]

Съ пятаго класса насъ развращаль. Шушукался съ любимчиками и [совѣ] давалъ совѣты насчетъ того... и адреса давалъ... Мерзавецъ! [А меня меня онъ считаль... Вы не знаете... а я знаю...] Онъ про меня [пустилъ тамъ слухъ] распространилъ, что я неестественнымъ порокомъ занимаюсь [и относился гадливо]. Онъ меня вшивымъ называль... [Онъ меня] До ненависти довелъ! Я его видѣть не могъ. У насъ такъ классъ и раздѣлился. Аристократы и мы... [И теперь все кончено.] А сегодня, когда я вышла изъ приѣмной, онъ стоялъ за дверью и слушалъ, и когда я вышла, онъ мнѣ сказалъ [вызывающе] со смѣшкомъ: <<«Какъ дѣла, господинъ Скомороховъ?»>> [И] Ну, такъ я при всѣхъ и сказала – Вы не воспитатель, а мерзавецъ! У насъ самые способные ученики изъ <за> него вылетѣли... [Только] Потому, что [не шли къ нему на поклонъ и были самостоятельны] презирали его. Видите, [что нельзя] все теперь кончено... [И я] А сегодня я послалъ письмо педагогическому совѣту и все **имъ** написалъ [про себя и про другихъ], начистоту. [Я сдѣлалъ, какъ моя совѣсть мнѣ сказала. Потому что я демократъ и хочу быть честнымъ. И скверные анекдоты развращаль.] [11. Ед. хр. № 15. Л. 52–52 об.].

Внося социально-бытовые детали, Шмелев усугубляет картину социального неравенства и несправедливости, в которых живет его семья, но в дальнейшей разработке текста автор отказывается от этих вполне реалистичных подробностей, сосредоточиваясь на внутренних переживаниях героев.

В психологическом плане ситуация с исключением Колюшки из училища окончательно открывает Скороходову глаза на сына: он начинает видеть в нем сложившуюся личность с высокими нравственными ценностями. Его отцовское чувство просыпается в полной мере. Однако открыв

в себе отца, герой теряет детей: сына арестовывают, и он вынужден бежать, скрываясь от властей, дочь покидает родительский дом ради гражданского брака. Эти сюжетные ходы вполне вписываются в архетипичный мотив блудного сына, концептуальная значимость которого для повести отмечена исследователями (так, подробный разбор реализаций мотива «блудный сын» приводится в диссертации Е.В. Параскевы [16. С. 71–111]). Стоит отметить, что анализу подвергается, как правило, окончательная, печатная редакция повести. Между тем черновые материалы позволяют определить, что евангельская притча о блудном сыне изначально рассматривалась Шмелевым в качестве смыслового ядра. Так, в наброске-плане, находящемся в папке № 15, окончание повести прописано как молитва-обращение героя к Богу в ночь накануне казни Колюшки:

Господи! Помяни раба твоего, **отрока** Николая, отрока Николая. Отрок онъ! И ничего не видалъ, и жизни не вид... и [ж] нич. не увидить... Прими его, отецъ, и прости, прими и обойми, Отець... погладь его головушку, бѣдную [больн] головушку, растопи его сердце, очи его открой, удостой свѣта, согрѣй его душу... Дай ему просвѣтленіе... Прости его и прими, какъ сына... въ обителяхъ райскихъ... А я... я» [11. Ед. хр. № 15. Л. 16].

Родительское отчаяние приводит героя к Богу, и Богу он перепоручает своего сына, которому не в силах помочь. Блудный отец Яков Скороходов возвращается к своему Отцу, от которого отошел, погрузившись в мелочность житейских забот и обид.

Однако в дальнейшей разработке сюжета Шмелев отказывается от эпизода с молитвой. Его отчасти заменяет появление старичка – торговца теплым товаром, который на время укрыл бежавшего из тюрьмы Колюшку. Е.В. Параскева объясняет это так: «Герою Шмелёва самому необходимо вернуть корневое представление о вере, чтобы помочь своим детям, и это происходит только после истории со старичком, торгующим тёплым товаром. <...> Возвращение Скороходова к вере, дающей ему силы быть милосердным, происходит не резко, это не прозрение, а долгий путь блужданий по горю, когда обретение себя и веры происходит параллельно с ошибками и испытаниями» [16. С. 79]. Великая в своей простоте мысль, высказанная старичком («Безъ Господа не проживешь <...> Добрые-то люди имѣють внутри себя силу отъ Господа!») пробуждает христианское мировидение героя: его бытовая религиозность превращается в активно-действенное отношение к вере. По замечанию В.Т. Захаровой, «чудо спасения отца и чудо спасения сына» происходит «через явившееся благодаря старичку “сияние правды”» [17. С. 191].

Осознание Божьей воли открывает Скороходову духовные силы в противостоянии социальной несправедливости. И это осознание герой готов передать сыну: «Какое мое суждение – это ужь я знаю-сь. Вот вамъ ресторанъ и чистыя салфетки и зеркала-сь... Кушайте-сь и глядите-сь... А мое такъ при мнѣ и остается, тутъ-сь. Только Колюшкѣ когда... сообщишь изъ себя... Да-сь...».

Итак, традиционная для русской литературы тема отцов и детей встраивается Шмелевым во внешний и внутренний сюжеты повести. С точки зрения событийной канвы произведения тема реализуется через разворачивание поколенческого конфликта, который продиктован прежде всего социально-бытовыми причинами. Идеино-философское наполнение, восходящее к евангельской притче о блудном сыне, с самого начала рассматривается Шмелевым в качестве смысловой доминанты. В процессе работы над текстом писатель отказывается как от обилия социально-бытовых деталей, так и от прямолинейного религиозного ракурса в раскрытии темы. Сосредоточиваясь на нравственно-психологической эволюции героя, Шмелев в русле неореалистических тенденций актуализирует внутренний сюжет и в духе импрессионистической эстетики оставляет в текстовом полотне отсылки к отнологически значимым темам.

Список источников

1. Келдыш В.А. Реализм и неореализм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С. 259–334.
2. Зябрева Г.А. Еще к вопросу о русском неореализме // Вопросы русской литературы. 2015. № 2 (32). С. 180–187.
3. Давыдова Т.Т. Русский неореализм. Идеология, поэтика, творческая эволюция. М. : Флинта – Наука, 2005. 336 с.
4. Щенникова Л.П. Ф. Достоевский и И. Шмелев: компаративистический аспект // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 4 (13). С. 174–180.
5. Дзыга Я.О. Бытописание И.С. Шмелева и традиции русской литературы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 99–105.
6. Черников А.П. «И имя ему лев»: толстовские традиции в прозе И. Шмелёва // Вестник Калужского университета. 2013. № 1-2. С. 88–94.
7. Захарова В.Т. Поэтика прозы И.С. Шмелева. Нижний Новгород : Мининский университет, 2015. 106 с.
8. Коршунова Е.А. Между классикой и модерном: традиция и интертекстуальность в поэтике прозы Ивана Шмелева. Харьков : ФОРМ Бровин А.В., 2013. 216 с.
9. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
10. Герчикова Н.А., Хачатурян Л.В. Личный фонд И.С. Шмелева в РГАЛИ. Незвестная редакция романа И.С. Шмелева «Пути небесные» // Вестник архивиста. 2009. URL: <https://www.vestarchive.ru/issledovaniia/896---a---lr.html> (дата обращения: 05.04.2021).

11. ОР РГБ. Ф. 387. Иван Сергеевич Шмелев. Повести и рассказы 1908–1910 гг. Карт. 4. Ед. хр. 1-18.
12. Дунаев М.М. Своеобразие реализма И.С. Шмелева (творчество 1894–1918 годов) : дис. ... канд. филол. наук. Л. : [б. и.], 1978. 228 с.
13. Черников А.П. Проза И.С. Шмелёва: Концепция мира и человека. Калуга : Калужский областной институт усовершенствования учителей, 1995. 341 с.
14. Кихней Л.Г., Темиршина О.Р. «Все мы бражники здесь...». Ресторанный текст в поэзии Серебряного века // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 212–227. doi: 10.17223/19986645/55/14
15. Беляева И.А. «Отцы и дети» И.С.Тургенева: роман о «вечном примирении» // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 7–14. doi: 10.26710/fk17-03-01
16. Параскева Е.В. Система повествовательных мотивов в художественной прозе И.С. Шмелева : дис. ... канд. филол. наук. Сургут : [б.и.], 2018. 224 с.
17. Захарова В.Т. В преддверии «духовного реализма»: система лейтмотивов религиозно-философского плана в дооктябрьской прозе И. Шмелева // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания: сборник материалов международных научных конференций. М. : ИМЛИ РАН, 2007. С. 187–194.

References

1. Keldysh, V.A. (2001) Realizm i neorealizm [Realism and Neorealism]. In: Keldysh, V.A. (ed.) *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian Literature at the Turn of the Century (1890s – early 1920s)]. Vol. 1. Moscow: IWL RAS, “Nasledie”. pp. 259–334.
2. Zyabreva, G.A. (2015) Eshche k voprosu o russkom neorealizme [More on Russian Neorealism]. *Voprosy russkoy literatury*. 2(32). pp. 180–187.
3. Davydova, T.T. (2005) *Russkiy neorealizm. Ideologiya, poetika, tvorcheskaya evolyutsiya* [Russian Neorealism. Ideology, Poetics, Creative Evolution]. Moscow: Flinta – Nauka.
4. Shchennikova, L.P. (2012) F. Dostoevskiy i I. Shmelyov: komparativisticheskiy aspekt [F. Dostoevsky and I. Shmelyov: A Comparative Aspect]. *Vestnik SPbGUKI*. 4(13). pp. 174–180.
5. Dzyga, Ya.O. (2011) Bytopisanie I.S. Shmelyova i traditsii russkoy literatury [Description of I.S. Shmelyov’s Biography and Traditions of Russian Literature]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2. pp. 99–105.
6. Chernikov, A.P. (2013) “I imya emu lev”: tolstovskie traditsii v proze I. Shmelyova [“And His Name Is Leo”: The Tolstoyan Traditions in I. Shmelyov’s Prose]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta*. 1–2. pp. 88–94.
7. Zakharova, V.T. (2015) *Poetika prozy I.S. Shmelyova* [Poetics of I. S. Shmelyov’s Prose]. Nizhny Novgorod: The Minin University.
8. Korshunova, E.A. (2013) *Mezhdru klassikoy i modernom: traditsiya i intertekstual’nost’ v poetike prozy Ivana Shmelyova* [Between Classics and Modernism: Tradition and Intertextuality in the Poetics of Ivan Shmelyov’s Prose]. Kharkov: FOP Brovin A.V.
9. Lyubomudrov, A.M. (2003) *Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh’ya: B.K. Zaitsev, I.S. Shmelyov* [Spiritual realism in Russian literature abroad: B.K. Zaitsev, I.S. Shmelyov]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

10. Gerchikova, N.A. & Khachaturyan, L.V. (2009) Lichnyy fond I.S. Shmelyova v RGALI. Neizvestnaya redaktsiya romana I.S. Shmelyova “Puti nebesnye” [I.S. Shmelyov’s personal fund in RGALI. The unknown edition of I.S. Shmelyov’s “Heavenly Paths”]. *Vestnik arkhivista*. December. [Online] Available from: <https://www.vestarchive.ru/issledovaniia/896----a---lr.html> (Accessed: 5th April 2021).

11. Department of Manuscripts, Russian State Library. (n.d.) *Ivan Sergeevich Shmelyov. Povesti i rasskazy 1908–1910 gg.* [Ivan Sergeevich Shmelyov. Stories and novellas of 1908–1910]. Fund 387. Box 4. Files 1–18.

12. Dunaev, M.M. (1978) *Svoeobrazie realizma I.S. Shmelyova (tvorchestvo 1894–1918 godov)* [The uniqueness of I.S. Shmelyov’s realism (works of 1894–1918)]. Philology Cand. Diss. Leningrad.

13. Chernikov, A.P. (1995) *Proza I.S. Shmelyova: Kontseptsiya mira i cheloveka* [I.S. Shmelyov’s prose: The concept of the world and man]. Kaluga: Kaluga Regional Institute for Advanced Teacher Training.

14. Kikhney, L.G. & Temirshina, O.R. (2018) “Vse my brazhniki zdes’...”. The restaurant text in the Silver Age poetry]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 55. pp. 212–227. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/55/14

15. Belyaeva, I.A. (2017) “Ottsy i deti” I.S. Turgeneva: roman o “vechnom primirenii” [“Fathers and Sons” by Ivan Turgenev: A novel about “eternal reconciliation”]. *Filologicheskii klass*. 3(49). pp. 7–14. DOI: 10.26710/fk17-03-01

16. Paraskeva, E.V. (2018) *Sistema povestvovatel’nykh motivov v khudozhestvennoy proze I.S. Shmelyova* [The system of narrative motifs in I.S. Shmelyov’s fiction]. Philology Cand. Diss. Surgut.

17. Zakharova, V.T. (2007) V preddverii “dukhovnogo realizma”: sistema leymotivov religiozno-filosofskogo plana v dooktyabr’skoy proze I. Shmelyova [On the eve of “spiritual realism”: The system of leitmotifs of a religious and philosophical nature in I. Shmelyov’s pre-October prose]. In: Spiridonova, L.A. (ed.) *Nasledie I.S. Shmelyova: problemy izucheniya i izdaniya* [I.S. Shmelyov’s Legacy: Problems of Study and Publication]. Moscow: IWL RAS. pp. 187–194.

Информация об авторе:

Скоропадская А.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: san19770@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Skoropadskaya, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: san19770@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.02.2022;
одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 31.10.2024*

*The article was submitted 21.02.2022;
approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 31.10.2024*

Научная статья
УДК 82.02(470), УДК 1751
doi: 10.17223/23062061/36/3

КОНЦЕПТ «ГЛУБИНА» В МОДЕРНИЗМЕ И МЕТАМОДЕРНИЗМЕ. ОТ «ЗАСТЫВШЕЙ ЛАВЫ» МАРСЕЛЯ ПРУСТА К «ШТУКАТУРКЕ» АЛИ СМИТ

Светлана Глебовна Горбовская¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
vard_05@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос изучения глубины в литературе «новой искренности». Новым в данной статье является сравнение двух способов демонстрации глубины – у М. Пруста (в литературе модернизма) и у А. Смит (в литературе метамодернизма). Авторы, исследующие глубину в литературе «новой искренности», не обращаются к примерам из творчества Пруста, что является, на наш взгляд, серьезным упущением при анализе причин «исчезновения аффекта» и «стертости глубины» в литературе постмодернизма.

Ключевые слова: модернизм, метамодернизм, глубина, аффект, Пруст, Али Смит

Для цитирования: Горбовская С.Г. Концепт «глубина» в модернизме и метамодернизме. От «застывшей лавы» Марселя Пруста к «штукатурке» Али Смит // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 36. С. 35–50. doi: 10.17223/23062061/36/3

Original article

THE CONCEPT “DEPTH” IN MODERNISM AND METAMODERNISM. FROM MARCEL PROUST’S “FROZEN LAVA” TO ALI SMITH’S “PLASTER”

Svetlana G. Gorbovskaya¹

¹ St Petersburg University, St. Petersburg, Russian Federation, vard_05@mail.ru

Abstract. The article raises the question of studying the concept “depth” in the literature of metamodernism or “new sincerity”. A lot of research has been devoted

to the literature of metamodernism itself in the last ten years, mainly in foreign literary criticism (Akker, Vermeulen, Constantinou, Gibbons, Timmer). In Russian literary criticism, there are very few such studies, in contrast to the study of metamodernism in philosophy (Pavlov), art history, and psychology. The topic is thus very relevant and insufficiently studied. The subject of the article was the question of depth. Depth is one of the three (apart from affect and historicity) most important (highlighted by foreign authors) concepts on which metamodernism in general, and the literature of metamodernism in particular, is based. The main drawback of foreign studies is the small number of examples from the literature of modernism (and in general of the 19th century), which is referred to by authors who study the literature of metamodernism and consider it, to some extent, to revive some ideas and techniques of literature of the 19th century, primarily modernism. The author of this article has not found any attempts to compare the works of contemporary authors (Wallace, Smith, Beigbeder, Schmitt, Musso), for example, with the works of Marcel Proust. However, if one analyzes “depth” in the works of Ali Smith (first of all), it is simply, in the author’s opinion, necessary to look back at Proust and his searches in the unconscious, at his immersion in himself. Proust’s text is a bottomless depth, which he juxtaposes with the revelation of something ancient buried under a layer of ash in Pompeii (*Sodom and Gomorrah*) (in addition to comparing Paris under the bombs of the First World War with the eruption of Vesuvius in Pompeii). The secrets of the human subconscious, something repressed, forgotten, resemble a world buried under a layer of black ash. The secrets of the human subconscious, something repressed, forgotten, resemble a world buried under a layer of black ash. Until this ash is erased, the world will not manifest. For Proust, the tool for erasing such a layer was the recollection reflex, evoked by taste, sound, tactile associations. Ali Smith has the same effect. Only instead of ash (something natural, involuntary) a layer of plaster appears in her works. Man (postmodern man) himself has erased antiquity, does not want to look back, wants to forget history. Metamodernism is the revival of history, the revival of forgotten feelings, emotions, someone’s long-forgotten stories. This is an attempt to overcome postmodernism as something that makes a person forget something intimate, something important (connected both with the whole History and with the small stories of individual people), forget, in a sense, himself.

Keywords: modernism, metamodernism, depth, affect, new sincerity, Proust, Ali Smith, Akker, Vermeulen

For citation: Gorbovskaia, S.G. (2024) The concept “depth” in modernism and metamodernism. From Marcel Proust’s “frozen lava” to Ali Smith’s “plaster”. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 36. pp. 35–50. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/36/3

В монографии «Метамодернизм: аффект, историчность, глубина после постмодернизма» (2017) [1] Р. ван дер Аккер и Т. Вермюлен выделяют три концепта, на которых, по их мнению, выстраивается литература «новой искренности» и неоромантизма, а также в целом поздняя культура

четвертой стадии капитализма. Это аффект, историчность и глубина. Третий концепт – наиболее красочный, буквальный, даже «визуальный».

Т. Вермюлен сравнивает модернизм с глубиной, а постмодернизм – с поверхностью, которая затянута и скрыла под собой глубину (это напоминает озеро, пруд в безветренную погоду). Сравнение нам кажется не совсем точным, ниже будет пояснено, почему. Метамодернизм же в данном случае занимает позицию «между». Здесь, по мнению авторов монографии, срабатывает значение префикса «мета-» именно как «между», а не как «после» или «вместо»¹ [1. С. 60–65]. Это состояние попытки проникнуть под поверхность, пробить поверхность и попасть в глубину (здесь может возникнуть ассоциация с крючком удочки, которая цепляет рыбу на глубине и тянет ее на поверхность). Это именно состояние попытки – колебания от поверхности к глубине. Или попытки «вытянуть глубину на поверхность» с помощью какого-нибудь приема (как вспомогательного инструмента). Благодаря этому состоянию колебаний между поверхностью и глубиной, данное явление Т. Вермюлен называет не глубиной, а «глубиноподобием», стремлением пробраться в глубину и попытаться вырвать затем это глубинное на поверхность. Это не глубина сама по себе, а ее ощущение, «реконструкция глубины», ее предчувствие.

Прежде всего это рвение оглянуться на «глубинность» литературы XIX в. Но именно только оглянуться. Писать совершенно по-новому, но используя основные критерии, концепты литературы XIX в.: учитывать историчность, чувственность, эмоции (аффект) и каждую деталь, каждый символ, каждое произнесенное в диалоге слово делать не «поверхностным», а глубинным (то есть заключающим в себе множество скрытых на первый взгляд смыслов – выражать невыразимое). Т. Вермюлен отмечает в связи с этим огромное значение, которое придают символам и деталям авторы в литературе метамодернизма. Мы бы назвали это метамодернистским или крайним интертекстуальным символизмом.

Метамодернистская глубина – это особая категория, кульминационная. Она сводит воедино и аффект, и историчность, и саму же глубину. Глубина (помимо семантической «потусторонности») предполагает исторический, чувственный, эмоциональный скрытый потенциал текста и его деталей.

В качестве предмета анализа «глубиноподобия» в монографии Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера выбран роман Али Смит «Как быть двумя» (2014) [2]. Этот анализ осуществляют И. Губер и В. Функ [1. С. 356–386]. Благодаря этому исследованию выделяются основные параметры

1 По мнению Р. ван ден Аккера и Т. Вермюлена, префикс в термине «метамодернизм» может быть интерпретирован в трех вариантах: между, вместо и после.

«глубины» в литературе метамодернизма, на которые следует ориентироваться в дальнейшем при изучении других текстов.

В романе идея глубины заложена как основная, она звучит уже в самом названии – речь идет о том, что кто-то представляет собой двоих, то есть за одним скрывается кто-то еще. Али Смит выстраивает на концепции глубины весь свой сюжет, точнее, наслаивающиеся друг на друга два сюжета, за которыми скрываются целые анфилады других, более мелких сюжетов. Это напоминает метод палимпсеста (написание одного текста на стертом другом).

Один большой сюжет связан с далекой историей XV в., с Италией. Второй – с нашим временем, с Британией. В романе действуют две героини с мужскими именами (художник, скрывающий, что он женщина, Франческо дель Косса, и девочка Джордж), но они как бы слиты в одного Франчешчо (женщину в мужской одежде, составленную из изображения юного гермафродита с фрески Франчески дель Коссы и двух французских певиц 1960-х гг. (Сильвии Вартан и Франсуазы Арди), изображение которых наслоилось на фреску Коссы, одна из певиц похожа на девочку Джордж). В романе два повествования, сливающихся в одно. Али Смит прибегает к методу супергибридности, свойственному изобразительному искусству метамодернизма, она применяет этот метод в литературе (в литературе супергибридность проявляется в слиянии разных стилей и жанров, разных текстов, написанных как бы разными людьми, в поддержании темы глобализма или мондиализма, темы протосинтеза, темы бигендерности и т.д.). Через все эти соединения несоединяемого она показывает, что под каждым из описываемых явлений или персонажей находится нечто другое, невидимое: под мужчиной – женщина, под слоем штукатурки – фрески эпохи Ренессанса, под Францией – Италия, под француженкой – англичанка, под болезненной увлеченностью матери Джордж фресками Франчески дель Коссы скрывается настоящая болезнь, от которой она в итоге умирает, и т.д.

Большое значение имеет в романе А. Смит тема гендерной неопределенности. Она тоже вписывается в концепцию супергибридности. В Италии времен Ренессанса речь идет о положении женщины из простого народа (отец Франческо – каменщик) как нечто несуществующего (несубъекта). В те времена были исключения (например, Кристина Пизанская), но это касалось только женщин из высших социальных кругов, аристократок, детей придворных. Чтобы стать художником, талантливой девушке из простой семьи нужно притвориться мужчиной (именно отец-каменщик дает ей подобный совет). Этот образ напоминает папессу Иоанну, которой удалось (согласно легенде) в образе мужчины сначала

стать нотариусом, затем кардиналом и, наконец, папой Иоанном VIII. В Европе (Англии, Италии) сегодняшнего дня все наоборот. Джордж пытается разобраться в своей гендерности. Она похожа на мальчика, хотя понимает, что является девочкой. Она пытается разобраться, кто она. Для нее нет социальной проблемы – кем быть (женщиной или мужчиной), для нее есть психологическая проблема – кем себя принять. Примером сексуальных отношений становятся для нее отношения матери с ее подругой. Мужчина же (отец) выступает в роли пьяницы (о чем Джордж постоянно вспоминает, пытаясь вытеснить его образ, но он, как наваждение, не уходит). Эта тема неоднократно повторяется в творчестве А. Смит (например, в романе «Осень» [3]).

На примере данного произведения А. Смит видно, как идея глубины объединяет в себе концепты историчности и аффекта. Как отмечалось выше, для литературы метамодернизма большое значение имеют детали-символы. Подобной деталью становится в данном случае штукатурка. Она ассоциируется с постмодернизмом. Постмодернисты как бы покрыли штукатуркой нечто, что скрывается внутри. А. Смит показывает, как из-под штукатурки появляются старинные фрески, а с ними – далекая история, скрывающаяся, например, жизнь и творчество прекрасного забытого художника / художницы Франчески дель Коссы. Благодаря тому, что штукатурка (ложная поверхность) стирается, миру открываются чья-то забытая жизнь и прекрасные фрески. И. Губер и В. Функ называют это слияние глубины с историчностью «бездонной глубиной прошлого на поверхности стен настоящего» [1. С. 384] или «бездонной пропастью формы» [1. С. 377]. Смысл или содержание внутри этой формы при этом неизменно пребывает в процессе сотворения. Историческое открытие (судьба забытого всеми художника эпохи Возрождения), вытянутое на поверхность, влечет за собой массу чувств, эмоций, переживаний, скандалов, даже смерть матери Джордж, что является уже неизбежным (после открытия глубины) проявлением аффекта.

Вот здесь, как нам видится, в этом самом моменте возникает противоречие, связанное с интерпретацией префикса в слове «метамодернизм». Возникает момент, с которым мы не согласны. «Мета-» здесь не только «между», но и «после». В этом вся суть префикса. Он представляет собой «подвижную» категорию. Он и уникален тем, что демонстрирует уже самим термином феномен колебаний (осцилляций). Вытянув все, что скрывалось на поверхности, автор анализирует то, что удалось вытянуть, эти нематериальные «артефакты» глубины. Автор позволяет и читателю интерпретировать то, что удалось выявить. Здесь проявляется наиважней-

шая суть метамоде­рнизма – контактность, реляционность (о ней в моно­графии Р. ван ден Аккера и Т. Вермюлена пишет Н. Тиммер). Автор, де­монстрируя, сопереживание двух героинь друг другу, побуждает и чита­теля сопереживать им, пробуждает в читателе интерес к глубине, скрывающейся под поверхностью.

Штукатурка и фрески перекликаются, на наш взгляд, у А. Смит с дру­гой наслоившейся на глубину поверхностью и другими фресками, намного более ранними. Речь идет о фресках из Помпеи, с которыми М. Пруст в романе-эпопее «В поисках утраченного времени» сопостав­ляет свое стремление найти в глубинах памяти отдаленные фрагменты своих детских переживаний (эти фрески были открыты как раз в тот мо­мент, когда Пруст подрастал, а затем и писал свое великое произведе­ние)¹. На это сопоставление обращает внимание Ж.-И. Татье в книге «Не­ведомое озеро: между Прустом и Фрейдом» (2012) [4]. Он сравнивает психоаналитический метод Фрейда и тот метод воспоминания, который описывает в «Поисках» М. Пруст. Этот «метод» очень напоминает погру­жение в бессознательное, постепенное извлечение из забвения давно утра­ченных переживаний. Хотя З. Фрейд и М. Пруст не были знакомы, нет достоверных сведений, что М. Пруст знал о З. Фрейде, идеи психоанализа уже распространялись, и М. Пруст, общаясь, например, с Ж.М. Шарко (одним из учителей З. Фрейда и другом Адриена Пруста), вполне мог быть осведомлен о последних изысканиях в этой области. «Пруст и Фрейд не встречались, не разговаривали, не читали друг друга (заключает Ж.-И. Татье), но следовали одному и тому же приему: “Лучше понять бу­дущее, погружаясь в источники прошлого, чтобы осветить их и в некото­ром смысле очистить их”» [4. Р. 175].

Больше всего обращений к образу извержения Везувия (сопоставляе­мого Шарлю с войной и бомбардировками Парижа) можно обнаружить в «Обретенном времени» [6]. Также в самом названии романа «Содом и Гоморра» (1921–1922) [7] прослеживается явный намек М. Пруста на по­гребенный город, подразумевающий старый мир в целом, а также чело­веческую память, которая покрыта слоем пепла, т.е. забвением, в частно­сти. Сон и забвение отделяют человека от каких-то давно забытых событий этапами, напоминающими слои. Память открывается посте­пенно, как фрески, найденные в Помпеях, когда-то покрытых слоем пепла из-за извержения вулкана, и являющиеся миру день за днем. У М. Пруста

¹ Начиная систематические раскопки в Помпее археолог Джузеппе Фиорелли (с 1870 г.), фрески на стенах домов Помпеи начал классифицировать немецкий археолог Август Май в 1882 г.

скрывающий информацию слой – это пепел, напоминающий слою штукатурки. В случае с Содомом и Гоморрой речь идет о «священном огне», посланном Богом, чтобы уничтожить эти города, погрязшие в грехе. Этот огонь вполне может восприниматься как извержение вулкана, как пепел, покрывший толстым слоем землю.

Для М. Пруста большое значение имеет критерий естественности, благотворно воздействующий на бессознательное. Память оживает благодаря соприкосновению человека с чем-то живым, искусственным. К примеру, в «Содоме и Гоморре» он говорит о пагубном воздействии на память снотворного (т.е. искусственного способа уснуть). После употребления снотворного из памяти ускользают очень важные детали. Он приводит в пример слова А. Бергсона, адресованные философу Бурту, о профессоре, читавшем курс по истории Древней Греции. Профессор забывает цитаты на греческом языке после того, как принимает перед сном снотворное. Употребляя снотворное, он постепенно теряет связь с древней историей человечества, что символизирует утрату вечной памяти, угрозу потерять нечто глобальное под воздействием искусственного. Искусственный способ засыпания постепенно губит мозг. «Я замечаю, что каждому изменению состояния мозга соответствует частичная смерть» [5. С. 385].

В том же абзаце Пруст упоминает Ш. Бодлера, подразумевая, по всей видимости, его «искусственный рай», сон под воздействием наркотика и обращение к творчеству англичанина Томаса де Куинси. Сам же Марсель (как герой своего произведения) нередко, чтобы уснуть, пьет красное вино. Оно же спасает его (якобы) от астмы. Вино, таким образом, естественное лекарство для улучшения сна. Тот же А. Бергсон в «Содоме и Гоморре» отмечает, что естественный сон на память никак не влияет, не разрушает ее. Видимо естественный сон (по Бергсону в интерпретации Пруста) помогает человеку соединиться не только со своей вытесненной детской памятью, но с памятью до жизни, памятью души, памятью глобальной, общечеловеческой [5. С. 385]. Яркой картиной значимости всего природного, искусственного для М. Пруста стала сцена лицезрения яблонь. Пруст говорит о том, что ни на одной картине яблони не выглядят так прекрасно, как на полотне живой природы: «...как будто всю эту живую красоту искусственно создал некий любитель экзотики и красок. Но она трогала до слез, потому что до каких бы эффектов утонченного искусства она ни доходила, чувствовалось, что она естественна, что эти яблони стоят здесь в открытом поле, словно крестьяне на какой-нибудь из больших дорог Франции» [5. С. 164]. Что касается лавы Везувия, он сравнивает с ней немецкие полки, приближающиеся к Франции. Газовые

атаки, бомбардировки он сопоставляет с воздействием газа и пепла, которые вырываются из проснувшегося вулкана. Полчища солдат придут и заполнят собой города, стирая память о былом, меняя жизнь людей, изменяя устои. Они напоминают ему потоки лавы («la lave de quelque Vésuve allemand») [6. С. 113]. Подобное сопоставление вдвойне живое: лава Везувия – естественный, стихийный слой, покрывающий землю, уничтожающий все на своем пути. Солдаты – тоже есть однородная масса – полки – живых людей. И лава, и полки губят ту землю, куда они стекаются, но они такие же естественные, живые, как все, кто с ними соприкасаются. Живое уничтожает живое. Происходит пусть жестокий, но естественный контакт: кипят эмоции, бушует боль, слышатся крики, плач.

У Али Смит же речь идет о кирпичной стене или штукатурке, под которыми живет память. Память замурована, закрашена. Ее словно нет, раз ее затерли (как говорит мать Джордж): «Но что появилось сначала?.. Изображение внизу или...на поверхности? Первым появилось изображение внизу... Но первым, что мы видим... является изображение на поверхности. А если так, то это, может, означает, что оно появилось раньше всего? И не означает ли это, что другое изображение, если мы о нем даже ничего не знаем, может вообще не существовать?» [2. С. 289]. А. Смит говорит о существовании этого мира, который может не существовать под штукатуркой или стеной, этот мир напоминает рыбу, которая попала на крючок, и мы с трудом вытягиваем ее: «...если, конечно, рыбу можно поймать сквозь стену кирпичную в шесть футов толщиной...» [2. С. 3]. Эта кирпичная стена, по мнению исследователей метамоде­рнизма, символизирует солипсизм постмоде­рна и постмоде­рнизма, закрытость, желание подменить все живое – искусственным, сделать человека частью текста, подражать компьютеру, быть неживым, утратить память о вечных ценностях, об истории, ибо она якобы ассоциируется с тиранами прошлого, с насилием, с утратой свободы. Но А. Смит и ее героиня Джордж хотят пробить эту кирпичную стену, хотят прорваться сквозь штукатурку. Она не усматривает в прошлом лишь власть тиранов и угрозу снова утратить свободы. Она просто хочет вернуть «живую жизнь». Маленькую и одновременно огромную жизнь отдельного человека – личности, несправедливо забытой людьми. Более того, она приводит множество примеров того, как именно современный, якобы свободный человек полностью утратил свободу. Он зависим от всего, что его окружает: от правительств, от законов, от власти толпы, от всевозможных абсурдных установлений современной жизни. Он не принадлежит себе. А. Смит хочет вытянуть ту забытую, стертую жизнь, как рыбак рыбу, – на поверхность. Освободить ее из тюрьмы. Она и ее герои хотят ощущать жизнь, хотят погрузиться в живой, подлинный океан бытия.

И Пруст, и Смит, таким образом, стремятся к одному и тому же – к избеганию или преодолению искусственного, к жизни, полной чувств, эмоций, страстей и бездонной, нескончаемой глубины смыслов. Пруст, уходя от всего искусственного, косвенно предупреждал о возможности постмодерна, Смит призывает бежать от постмодерна, преодолевать его всеми силами, чтобы оставаться именно живым человеком. При этом живое – это вовсе не материальное, предметное, а именно одушевленное, одухотворённое, речь идет о вытягивании из-под штукатурки души человека, а у Пруста – о стремлении защитить душу от поползновений всего сверхматериального, мертвого, заменяющего неживым все живое.

Отличие между лавой / пеплом М. Пруста и штукатуркой у А. Смит – в искусственности штукатурки и природном происхождении пепла. Память имеет естественное свойство отесняться (как бы слоями) – день за днем. Штукатурка напоминает искусственное желание писателей постмодернизма (ибо штукатуркой фрески покрылись в XX в. – веке постмодерна) затереть историю, забыть по собственной воле, объявить все историчное неживым, несуществующим, ненастоящим. Х.Л. Борхес, например, говоря о времени как о «саде расходящихся тропок», настаивал на том, что каждый вариант человека в его бесконечном повторении – неживой, практически текстуальный. Каждое повторение есть отражение. А отражение – нематериально. Его привидения – неживые. У Френсиса Фукуямы также речь идет о конце истории, ибо, если оглядываться назад, открывается множество версий пережитого. И неясно, какая из версий истинная. А. Смит же говорит через образ открывающихся из-под слоя штукатурки фресках – именно о жизни, о давно забытой судьбе живого человека, страдающего, преодолевающего препятствия на пути к осуществлению мечты. Необходимо, чтобы о нем помнили. Потому что он живой. Он вовсе не умер. Смерти нет, если речь идет о жизни души, которая преодолела все физическое и телесное, так сказать, «не прибилась гвоздями к телу» [8. С. 51], как говорил перед смертью Сократ в диалоге «О душе» Платона.

Выводы, к которым приходит А. Смит, в каком-то смысле совпадают с выводами физиков, занимающихся проблемой квантовой механики. Если до 1980-х гг., квантовые миры считались (даже в самой науке – Бор, Эйнштейн) несколько фантастическими, относительными, непредсказуемыми, а значит – не реальными, то в 1980-х гг. это было опровергнуто опытами Алена Аспе. Он заявил, что этот квантовый мир – непредсказуемый, непросчитываемый, невидимый – и есть сама реальность [9. С. 104].

С выводами А. Смит перекликается в каком-то плане и спекулятивная философия, а именно – теория мира после конечности Квентина Мейясу [10. С. 191]. Он, проанализировав философию от Лейбница и Канта до Ницше, утверждает, что мир стоит на грани перехода в стадию «невозврата», и считает (несколько утопически или идеалистически), что пока еще не поздно, нужно вернуться к рассмотрению мира до Лейбница, а именно – к Декарту и Галилею, к рационализму, основанному на принципе дуализма – гармоничного соединения материального с трансцендентным, души с телом, физического с психическим. Подобные тенденции прослеживаются и в заявлениях некоторых европейских и американских общественных деятелей и движений (Greenpeace, Flight Shame, Грета Тумберг, Эд Милибэнд).

Важной деталью, на наш взгляд, является то, что у А. Смит фрески тоже обнаруживаются в Италии, как и у М. Пруста (для М. Пруста Италия – один из наиболее важных культурологических символов). Для европейцев Италия – символ Римской Империи, символ древнего могущества, источник духовной силы. Вполне естественно, что именно там они оба ищут источник изначальной памяти. Только у М. Пруста речь идет о памяти личной, психологической, перетекающей в итоге в глобальную, а у А. Смит – о памяти всеобщей, рассматриваемой через жизнь художника. А. Смит изначально ищет не себя (точнее не только себя), она ищет затерянную историю, живую летопись времен, правду о живых людях. М. Пруст же, осуществляя поиск своих собственных воспоминаний, пробивается в зыбкую жизнь до жизни (в жизнь души), а также к глобальной памяти, к памяти человечества, к истории как материальной, так и духовной. Через поиски своего утраченного времени М. Пруст произвольно породил целый сонм писателей, заикленных на своих внутренних проблемах, не интересных никому извне, да и сами они не интересуются ничем и никем, кроме себя внутри собственных психологических лабиринтов (именно в этом, возможно, Ф. Джеймисон и видит «исчезновение аффекта в постмодернизме») [11. С. 1–54].

М. Пруст одним из первых использует «нейтральный» метод письма, который Р. Барт называет «смертью автора»¹ (хотя эта тенденция просле-

¹ Именно С. Малларме и М. Пруста Р. Барт в эссе «Смерть автора» (1967) приводит в пример как первых писателей, создавших текст, лишенный какого-либо авторского воздействия на мнение читателя, «самоговорящий текст», «нейтральный текст». Р. Барт называл авторов подобных текстов «волшебниками», «шаманами», ибо их дискурс как бы самопроизводится. Воображение интерпретатора дополняет и словно дописывает текст. Потенциальная глубина текста имеет важнейшее значение.

живалась еще до Пруста во французской и вообще в европейской литературе). Он также показал путь внутрь себя, путь от мира внешнего, объективного, в лабиринты внутреннего мира. Этот путь и создал постмодернизм с его крайней погруженностью каждого писателя в свой мир. На наш взгляд, это парадокс М. Пруста. Ведь он явно стремился, как можно тщательней вспомяв жизнь своих тела и души, приблизить нечто далекое и общее, перейти на уровень глобальный, уровень для всех, – именно через естественные источники поиска. Однако итогом, на наш взгляд, стала ложная интерпретация его намерений. Многие авторы эпохи постмодернизма, отталкиваясь от Пруста и его метода, создали тексты закрытые, замкнутые, даже близкие к тому, что можно назвать искусственным дискурсом («автоматическое письмо»¹, роман и драма абсурда, электронное письмо, подражание искусственному интеллекту). То есть они учитывают либо «нейтральное письмо» Пруста (воспринимая этот метод как возможность свободы от множества самых разных условных тиранов), либо берут в расчет его поиски в личном бессознательном. Метамодернизм же с его попыткой вытянуть глубину на поверхность пытается воссоздать, вернуть человеку глубину всего мира, всей истории, естественных человеческих чувств, знакомых каждому, объединяющих человечество. Именно к этому – сквозь поиск в личном бессознательном – и шел М. Пруст. Франчешчо у А. Смит – это боль, кровоточащая рана из прошлого. Он или она есть XV в. в миниатюре, целая эпоха в одном взгляде, проступающем из-под штукатурки, а все фрески – целый затерянный, но живой мир. Ибо этот мир был рожден руками живого человека, художника, который жил, страдал, претерпевал трудности. И, несмотря ни на что, его снова вспомнили спустя пять веков забвения.

Важно отметить, что именно в искусственной штукатурке – суть отличия поверхности, скрывающей глубину у М. Пруста и у А. Смит. Ошибка Т. Вермюлена и его соавторов, как нам кажется, в сравнении поверхности постмодернизма с водной гладью. В том все и дело, что эта поверхность – не природного (естественного) происхождения, а искусственного – «стена шести футов толщиной». Штукатурка фигурирует не только у А. Смит, она появляется в произведениях Д.Ф. Уоллеса [12], о ней пишет и Ж. Бодрийяр [13]. Если даже и сопоставлять поверхность с гладью

У М. Пруста она возникает благодаря бесконечному погружению в бессознательное, в вытесненные временем воспоминания.

¹ Именно не «поток сознания», наполненный эмоциями и чувствами, а «автоматическое письмо», близкое к спонтанным действиям машины.

воды, то это нечто очень густое, заиленное, болотистое, а то и загрязненное (искусственно), через которое трудно пробираться, внутри такой глубины практически ничего не видно. Это не чистый водоем, чье дно видно без усилий.

Аспект глубины порождает свои привидения (так же, как и аффект). Но, в отличие от аффекта (где привидения становятся плодом воображения того, кому недостает общения), в глубине привидения имеют свойство обитать в зоне колебания, в зоне «между» (поверхностью и глубиной). Подобные привидения связаны и с историчностью. Это посланники из прошлого, которые хотят что-то донести до обитателя поверхности (или настоящего). Т. Вермюлен приводит в пример образ «тени отца Гамлета» у У. Шекспира. Она пришла, чтобы донести до поверхности сигнал о своей неутраченной боли. У А. Смит – это образ насильника-отца, который постоянно всплывает в памяти Джордж. Он не уходит. Это как бы тень отца Гамлета наоборот. Не над ним совершили насилие, а он совершил насилие и приходит к своей жертве (дочери, которая ощущает себя сыном). В этой тени тоже чувствуется двойственность, перевернутость. К тому же отца заменила подруга матери. Джордж постоянно пытается вдумываться – кто она? По сути эта женщина как бы заменяет отца, а также представляет собой то, что сейчас во многих странах на Западе принято называть родителем – нечто нейтральное – не отец, но и не мать. Она тоже нечто вроде привидения, но это уже «аффективное привидение» (выдача желаемого за действительное или подмена желаемого тем, что есть или наоборот), как, например, «розовая дама» у Э.-Э. Шмитта [14]. У М. Пруста фигура отца тоже постоянно давит на главного героя. Марсель все время боится отца, думает о нем, сопоставляя себя с Исааком, а его с Авраамом, готовым в любой момент принести сына в жертву. Даже когда отца нет в повседневной жизни (он человек занятой), он незримо присутствует и влияет на Марселя.

У А. Смит есть и другое глубинное (а также историческое или историапластичное) «привидение» – это оживший «голос» или сущность Франческо дель Коссы и части Франчешчо, состоящей из изображения юного гермафродита под слоем штукатурки. Сам или сама Франчешчо – это призрак, некий дух, который является рассказчиком. Оно хочет донести до поверхности рассказ о своей судьбе. Бесполое и бестелесное Франчешчо – это призрак, пришедший из глубины веков и глубины слоев краски и штукатурки, соединяясь с поверхностью из штукатурки и фотографии. Первая часть – гермафродит (соединение мужского с женским) – в глубине, под штукатуркой. Вторая часть Франчешчо (поверхностная – французская певица, похожая на девочку Джордж) ловит этот сигнал из

глубины. Таким образом Франчешчо становится квинтэссенцией – синтезом и символом метамодернистского колебания. Она (или он), а в целом – оно, соединяет в себе глубину и поверхность, прошлое и настоящее. Подобное Франчешчо явление исследователи называют «парадоксом формы» или «двусторонней формой». У М. Пруста подобной двойной или бигендерной фигурой можно назвать Альбертину Симоне – у нее множество прототипов – и мужских, и женских, Марсель подозревает ее связь с Жильбертой Сван и т.д.

И. Губер и В. Функ, анализируя творчество Смит на предмет присутствия в нем метамодернистской глубины, говорят о метареференции. Она выдвигает на первый план эффект «двойственной противоречивости». Через метареференцию происходит реконструкция аутентичности реальности. Это соединение объективного и субъективного, реального и виртуального. Ведь все реальное относительно, а все виртуальное может быть реальным. Как было сказано выше, здесь метамодернисты основываются на «метаксисе» Платона (состояние между двумя крайностями), а также на тезисе Л. Витгенштейна о «выражении невыразимого» или молчании о невыразимом («Логико-философский трактат», 1921). И. Губер и В. Функ говорят также о принципе «а что, если...». То есть автор предлагает нам представить, что под поверхностью (любой поверхностью) скрывается бездонная, бесконечная глубина или кто-то «другой» (если речь идет о человеке). Это также напоминает прием в методе К.С. Станиславского, который называется «предлагаемые обстоятельства».

Для того чтобы показать реконструкцию глубины, необходимо использовать крайне «нечитаемый текст» (подобный текст местами наблюдается у самой А. Смит, а также в произведениях Д.Ф. Уоллеса). Это вспышки эмоций, аффектов, невозможность выразить нечто важное, потому что человека переполняют чувства. Подобный текст наполнен чем-то, что напоминает мутность при взбалтывании воды – там вибрируют различные частицы водорослей, рыб, насекомых, ракообразных. Но невозможно что-то вытянуть на поверхность, не взбаламутив пространство между глубиной и поверхностью. Когда глубина вытянута на поверхность, то происходит ее реконструкция, очищение или возрождение (точнее, возрождение того, что в ней запечатано или скрыто).

Главной целью метамодернизма становится реконструкция смысла, реконструкция постмодернистских руин, превращение нечитаемого текста в читаемый. То есть «нечитаемый текст» в метамодернизме лишь видимость. На самом деле – это лишь операция по распечатыванию или оживлению герметичного постмодернистского дискурса, в котором (ве-

роятно) латентно скрывается модернистский чувственный дискурс. Нечитаемое и плоское должно стать более понятным и выпуклым. Но невозможно воссоздать внешнее, не погрузившись в мутные (зачастую крайне субъективные) лабиринты глубины, всего сновиденческого, фантазийного, виртуального, невидимого внешнему глазу. Но в итоге – реальность заново рождается. Открывается всем, благодаря совмещению внутреннего и внешнего, объективного и субъективного. Это некоторые исследователи метамоде­рнизма называют «смертью смерти автора», «концом конца истории», «возрождением глубины», «новым романтизмом», «новой искренностью» и т.д. И. Губер и В. Функ в этой связи сравнивают книгу с «артефактом» – чем-то, что должно подвергнуться после создания (нахождения) или подвергается внутри (во время создания, т.е. между бытием и небытием) анализу или реконструкции. Т. Вермюлен имену­ет это воссоздание правды или это вытягивание чего-то скрытого на поверхность «правдоподобием». Именно не правдой, а подобием правды, как глубину он имену­ет не глубиной, а лишь колебанием «между», мутным подобием глубины. Ибо метамоде­рнизм – это еще не возрождение чувственности, романтизма, искренности и глубины, а лишь попытка воссоздания всего этого на руинах постмодернистской поверхности. Это процесс вытягивания – вечно колеблющийся, вибрирующий, нечеткий. Возрождение, ясность либо возникнет, либо не возникнет – позднее.

Итак, основными критериями глубины в метамоде­рнистском тексте являются: 1) признаки поверхности (под которой скрывается нечто бесконечное, «пропасть формы»); 2) метареференция – двойственность героя или явления, о котором идет речь (под ложным одним (единым) может скрываться нечто иное (множественное)); 3) призраки прошлого или глубинного; 4) крайняя сложность текста, которая создается не для того, чтобы текст остался нечитаемым и скрытым, а наоборот, чтобы самодешифроваться, реконструировать свой собственный первоначальный смысл (содержание или форму); 5) состояние колебания – либо при описании происходящего, либо через фигуру рассказчика, либо через действующих лиц; 6) применение метода супергибридности; 6) уход в поисках глубины от субъективного к объективному, всеобъемлющему. Данные критерии, выявленные в процессе анализа концепта глубины в модернистских и метамоде­рнистских текстах (на примере творчества М. Пруста и А. Смит), дают перспективу для дальнейшего изучения данного концепта в произведениях других авторов, чье творчество можно отнести к литературе метамоде­рнизма. Кроме того, данное исследование способствует в целом изучению литературы метамоде­рнизма, определе-

нию ее принципиального отличия от литературы постмодернизма и пост-постмодернизма, а также ее устремленности к возрождению ключевых параметров литературы XIX в. (глубины, историчности и аффекта).

Список источников

1. Аккер ван ден Р., Вермюлен Т., Гиббонс Э. Метамоде́рнизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма / пер. В.М. Липки. М. : Рипол-Классик, 2019. 494 с.
2. Смит А. Как быть двумя / пер. А. Яновской. М. : Фабула, 2018. 336 с.
3. Смит А. Осень. М. : АСТ, 2016. 88 с.
4. Tadié J.-Y. *Le lac inconnu. Entre Proust et Freud*. Paris : Gallimard, 2012. 188 p.
5. Пруст М. Содом и Гоморра / пер. А.В. Федорова. М. : Художественная литература, 1938. 552 с.
6. Proust M. *Le Temps retrouvé. À la recherche du temps perdu*. Paris : Gallimard, 1927. 214 p.
7. Proust M. *Sodome et Gomorrhe. À la recherche du temps perdu*. Paris : Gallimard, 1924. 337 p.
8. Платон Федон, или О душе // Полн. собр. соч.: в 1 т. М. : Альфа-книга, 2018. 1311 с.
9. Гриббин Дж. В поисках кота Шредингера. Квантовая физика и реальность. М. : Рипол-Классик, 2019. 352 с.
10. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2017. 194 с.
11. Jameson F. *The Cultural Logic of Late Capitalism*. In *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. London ; Brooklyn : Verso, 1991 [1984]. P. 1–54.
12. Уоллес Д.Ф. Короткие интервью с подонками. М. : АСТ, 2020. 352 с.
13. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М. : Рипол-Классик, 2019. 319 с.
14. Schmitt E.-E. *Oscar et la Dame rose*. Paris : éd. Albin Michel, 2002. 100 p.

References

1. Acker, R., van den, Vermeulen, T. & Gibbons, E. (2019) *Metamodernizm. Istorichnost', affekt i glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. Translated from English by V.M. Lipki. Moscow: Ripol-Klassik.
2. Smith, A. (2018) *Kak byt' dvumya* [How To Be Both]. Translated from English by Ya. Yanovskaya. Moscow: Fabula.
3. Smith, A. (2016) *Osen'* [Autumn]. Translated from English. Moscow: AST.
4. Tadié, J.-Y. (2012) *Le lac inconnu. Entre Proust et Freud*. Paris: Gallimard.
5. Proust, M. (1938) *Sodom i Gomorra* [Sodom and Gomorrah]. Translated from French by A.V. Fedorov. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Proust, M. (1927) *Le Temps retrouvé. À la recherche du temps perdu*. Paris: Gallimard.
7. Proust, M. (1924) *Sodome et Gomorrhe. À la recherche du temps perdu*. Paris: Gallimard.

8. Plato. (2018) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Collection]. Moscow: Alfa-kniga.

9. Gribbin, J. (2019) *V poiskakh kota Shredingera. Kvantovaya fizika i real'nost'* [In search of Schrödinger's cat. Quantum physics and reality]. Translated from French. Moscow: Ripol-Klassik.

10. Meillassoux, K. (2017) *Posle konechnosti. Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude. An Essay on the Necessity of Contingency]. Translated from French. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.

11. Jameson, F. (1991) *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. London; Brooklyn: Verso. pp. 1–54.

12. Wallace, D.F. (2020) *Korotkie interv'yus podonkami* [Brief Interviews with Hideous Men]. Translated from English. Moscow: AST.

13. Baudrillard, J. (2019) *Fatal'nye strategii* [Fatal Strategies]. Translated from French. Moscow: Ripol-Klassik.

14. Schmitt, E.-E. (2002) *Oscar et la Dame rose*. Paris: ed. Albin Michel.

Информация об авторе:

Горбовская С.Г. – доктор филологических наук, доцент кафедры французского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vard_05@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.G. Gorbovskaya, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Department of French Language, Philological Faculty, St Petersburg University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: vard_05@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.11.2022;
одобрена после рецензирования 14.09.2023; принята к публикации 31.10.2024*

*The article was submitted 02.11.2022;
approved after reviewing 14.09.2023; accepted for publication 31.10.2024*

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Научная статья
УДК 070.4
doi: 10.17223/23062061/36/4

«Трибун Страстного бульвара»: языковая личность публициста М.Н. Каткова

Елена Владимировна Первалова¹,
Мария Владимировна Петрушина²

¹ *Московский политехнический университет, Москва, Россия, helenpv@yandex.ru*
² *Институт современного искусства, Москва, Россия, mpetrushina@mail.ru*

Аннотация. Анализируется языковая личность М.Н. Каткова, в 1863–1887 гг. – редактора-издателя «Московских ведомостей». Выявлено, что в ней отразились особенности его мировоззрения, научного и логического мышления, морально-этических представлений, политических взглядов, национально-культурного менталитета. Лингвостилистический и прагматический анализ публикаций Каткова показал, что для его языковой личности характерно разнообразие языковых репрезентаций и многогранность возможностей в выражении смыслов, что стало одной из причин сильного влияния его публицистических текстов на аудиторию.

Ключевые слова: М.Н. Катков, «Московские ведомости», языковая личность, лингвостилистический и прагматический анализ текста

Для цитирования: Первалова Е.В., Петрушина М.В. Трибун Страстного бульвара: языковая личность публициста М.Н. Каткова // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 36. С. 51–70. doi: 10.17223/23062061/36/4

BOOK AND READING IN CULTURE

Original article

“THE TRIBUNE OF STRASTNOY BOULEVARD”: THE LANGUAGE PERSONALITY OF THE PUBLICIST MIKHAIL KATKOV

Elena V. Perevalova¹, Maria V. Petrushina²

¹ *Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation, helenpv@yandex.ru*

² *Institute of Contemporary Art, Moscow, Russian Federation, mpetrushina@mail.ru*

Abstract. The article attempts to analyze the language personality of the authoritative conservative publicist Mikhail Katkov, who in 1863–1887 was the editor-publisher of the influential newspaper *Moskovskie Vedomosti*. The relevance of the stated problem is due to the growing interest in modern science in the study of the conservative press of the second half of the 19th century, its influence on public consciousness and the formation of ideological attitudes of the audience. The scientific novelty of the research consists in the introduction of new, previously unexplored material into scholarly discourse, in the analysis of Katkov’s journalistic texts for the purpose of studying the structure and content of his language personality. The methodological basis of the study consists of works of Yu.N. Karaulov, W. von Humboldt, V.V. Vinogradov, E.D. Polivanov, M.M. Bakhtin, G.I. Bogin, V.A. Maslova, V.V. Ledeneva, T.V. Shmeleva. The level model of language personality proposed by Yu.N. Karaulov was implemented in the study of Katkov’s language personality in the form of a comprehensive analysis of all three components: lexicon, thesaurus, and pragmaticon. The analysis of the thesaurus allowed us to demonstrate how Katkov’s views were embodied in the concepts he implemented, the hierarchy of these concepts, as a result of the publicist’s political preferences. The article presents a full range of language tools and techniques, with special attention paid to metaphor, which allowed us to conclude that Katkov’s texts generated a type of journalistic metaphor new for that time, the main function of which is evaluation. A detailed study of the thesaurus and the lexicon that embodies its features allowed us to conclude that the highest level of Katkov’s language personality – the pragmatist – reflects the national specifics and features of the publicist’s linguistic and axiological picture of the world. In the course of the analysis, it became obvious that a large role in Katkov’s texts, and therefore in the structure of his language personality, is played by various means of syntax. First of all, this represents such an important feature of Katkov as the logical presentation. The main functional type of text used by Katkov is reasoning; the syntactic forms and structures used by the publicist implement a variety of strategies and tactics of persuasion, which allows us to consider his language personality as the quintessence of oratorical skill. It is revealed that the language personality of Katkov reflects the peculiar-

ities of his worldview, scientific and logical thinking, moral and ethical ideas, political views, national and cultural mentality. The linguostylistic and pragmatic analysis of the texts of Katkov's publications allowed us to conclude that his language personality is characterized by a variety of linguistic representations and a variety of possibilities in the expression of meanings, which was one of the reasons for such a strong influence of his journalistic texts on the audience.

Keywords: Mikhail Katkov, *Moskovskie Vedomosti*, language personality, stylistics, pragmatics

For citation: Perevalova, E.V. & Petrushina, M.V. (2024) "The Tribune of Strastnoy Boulevard": The language personality of the publicist Mikhail Katkov. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 36. pp. 51–70. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/36/4

Консервативный публицист Михаил Никифорович Катков (1818–1887), редактор-издатель общественно-политического ежемесячника «Русский вестник» и ежедневной общероссийской общественно-политической газеты «Московские ведомости» – едва ли не самая противоречивая и неоднозначная фигура в истории отечественной журналистики и общественной мысли второй половины XIX в. Трудно найти другого журналиста и публициста, о взглядах и мировоззрении которого современниками высказывались бы столь противоположные мнения. Одни называли его «провокатором», «предателем», человеком, «запятнавшим себя ложью и клеветою», другие – оракулом, судьей, провидцем, «лучшим сыном России». Однако и яростные критики, и восторженные почитатели Каткова сходились в оценке его публицистического таланта и признавали, что он обладает «пером булатным и острым, как кинжал» [1. С. 129]. За страстность, темпераментность и полемическую заостренность его выступления сравнивали с речами Цицерона и воззваниями Козьмы Минина, а его самого называли «трибуном Страстного бульвара», «львояростным кормчим», «московским громовержцем» и т.п. Аудитория могла соглашаться или не соглашаться с энергично и решительно высказываемыми мнениями Каткова, могла негодовать или восхищаться им, но она никогда не оставалась равнодушной и безразличной. Решительность, с какой публицист писал о важнейших государственных вопросах, резкий, язвительный, вызывающий тон его статей, систематическая и смелая критика в адрес самых высокопоставленных чиновников – П.А. Валуева, А.В. Головнина, Н.Х. Бунге, Н.К. Гирса, А.Л. Потапова и др., вплоть до великого князя Константина Николаевича, даже породили остроумное сравнение публициста с юристами, которые «говорили при старых царях разные невменяемые речи» [2].

В настоящей статье предпринята попытка исследования языковой личности Каткова сквозь призму лингвистического и прагматического анализа его публикаций. Актуальность заявленной проблемы обусловлена усиливающимся в современной науке интересом к изучению консервативной печати второй половины XIX в., ее влияния на общественное сознание и формирование идеологических установок аудитории. Научная новизна исследования состоит во введении в научный оборот нового, ранее не изученного материала, в частности, в анализе публицистических текстов Каткова на предмет изучения структуры и содержания языковой личности публициста.

Проблема языкового сознания личности, определяющая и специфику языковой картины мира говорящего, и его концептосферу, отражающую стереотипное и индивидуальное мировосприятие в целом, является перспективным вектором развития филологического знания на протяжении двухсот лет. Еще современник М.Н. Каткова немецкий языковед и философ Вильгельм фон Гумбольдт высказал мысль о том, что «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [3. С. 304], по сути предвосхитив когнитивный и коммуникативный подходы в языковедении. Именно язык определяет и проявляет отношение человека к объективной действительности, преобразуя этот мир в восприятии говорящего и отражая результат постоянного духовного труда. Аспекты языковой личности, репрезентированные в терминах «образ автора», «языковой паспорт», «идиостиль», «авторское начало», «речевая личность», «коммуникативная личность» и собственно «языковая личность», рассмотрены в работах В.В. Виноградова, Е.Д. Поливанова, М.М. Бахтина, Г.И. Богина, В.А. Масловой, В.В. Леденевой, Т.В. Шмелевой, Ю.Н. Караулова и др., которые и стали методологической основой данного исследования. В основу анализа текстов Каткова положена теория о модели языковой личности Караулова, согласно которой языковая личность определяется как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [4. С. 4]. Эта модель дает возможность удачно демонстрировать цельность коммуникативного и когнитивного существования индивида благодаря выделению трех важнейших составляющих: лексикона, тезауруса и прагматикона. Эти три уровня, переплетаясь и взаимодействуя, позволяют составить наиболее полное представление о текстах столь сложного и многогранного автора, как Катков.

Уже первые литературные опыты Каткова в журнале А.А. Краевского «Отечественные записки» были высоко оценены В.Г. Белинским, который в письмах к друзьям восторженно отзывался о них: «Какая даровитость, какая глубокость, сколько огня душевного, какая неистощимая, плодотворная и мужественная деятельность! Во всем, что ни пишет он, видно такое присутствие мысли, его первые опыты гораздо мужественнее моих теперешних» [5. С. 405]. Выдающийся критик, сам великолепно владевший публицистическим мастерством, уже в первых работах своего младшего коллеги (Катков был моложе Белинского на шесть лет) определил черты, ставшие отличительной особенностью его творческой манеры в зрелые годы: «определенность, состоящая в образности» [6. С. 24], «преобладание мысли в определенном и ярком слове». Будущего публициста «Московских ведомостей» уже в юности отличало великолепное умение вести отточенную, острую полемику, убедительно доказывая оппонентам свою правоту и против воли заставляя их соглашаться со своими доводами, – качество, ставшее одной из наиболее характерных особенностей его передовых статей. Белинский, сам великолепный полемист и неукротимый, неистовый спорщик, и здесь признавал превосходство Каткова, при первой же полемической стычке с которым, по его собственным словам, он «отдался ему в плен без противления. Смешно было: хотел спорить и вдруг вижу, что уж нет сил, ни жару, а через 1/4 часа, вместе с ним, начал ратовать против всех, сбитых с толку мною же...» [7. С. 578]. С 1863 г., когда Катков стал редактором «Московских ведомостей», направление и идейное содержание этой газеты определялось исключительно его передовыми статьями. Печатавшиеся из номера в номер на протяжении двадцати пяти лет, они во многом способствовали формированию этого жанра в российской печати. Будучи убежденным сторонником монархии, Катков горячо отстаивал умеренные социально-экономические преобразования при сохранении самодержавия как единственно приемлемой для России формы правления.

Тематический диапазон его выступлений был чрезвычайно широк: взаимоотношения России со странами Западной Европы, Ближнего Востока, Америкой; реформирование системы образования; строительство железных дорог, проблемы высшего женского образования, политические процессы, нигилизм, революционные движения на западе, рабочий вопрос, судебная реформа, хлебная торговля, покровительственная система в экономике, национальная политика России на окраинах империи и т.д. [8]. Сохранились свидетельства о том впечатлении, какое производили эти статьи на аудиторию. Так, смелая и бескомпромиссная позиция

публициста в период польского восстания 1863 г., патриотическое одушевление его выступлений, через которые красной нитью проходила идея государственного единства и призыв защитить большинство населения Царства Польского и западно-русских губерний, обреченного стать жертвой междоусобной славянской войны, – вызвали бесспорное уважение и доверие читателей. «Ежедневно утром целые массы народа толпились перед редакцией в ожидании, что кто-либо из грамотеев, присланных за получением “Московских ведомостей”, прочтет толпе только что отпечатанную статью по польскому вопросу, – вспоминал А.И. Георгиевский, заведовавший редакцией газеты в 1863–1866 гг. – Таких грамотеев оказывалось немало: толпа разбивалась на большое число кучек, покрывавших собой весь Страстной бульвар и жадно внимавших чтению своего грамотея» [9. С. 115]. «Послана к Государю. <...> Люди противного лагеря стараются ее замалчивать. У сочувствующих впечатления наилучшие» [10], – сообщали Каткову из Петербурга о реакции столичного истеблишмента на одно из самых сильных его выступлений 1880-х гг. – статью от 7 октября 1884 г., в которой публицист в свойственной ему наступательной и эмоциональной манере объявлял о долгожданном возвращении правительства к исполнению своих обязанностей по наведению «нового и лучшего правительственного порядка, а с тем вместе нового и лучшего периода в жизни нашего отечества»: «Итак, господа, встаньте: правительство идет, правительство возвращается!.. Не верите?» [11]. Бывали случаи, когда номера «Московских ведомостей» продавались в Петербурге в розницу по несколько рублей за экземпляр. Так, за номер 152 от 3 июня 1882 г. с передовой статьей, написанной в связи с назначением графа Д.А. Толстого министром внутренних дел, столичная публика готова была заплатить по два-три рубля [12. Л. 161], еще дороже – по 6 и 7 рублей за номер [13. Л. 173] – за выпуск от 12 января 1884 г., в котором Катков комментировал распространившиеся в западных газетах слухи о якобы готовящемся изменении государственного устройства России.

Широкий резонанс передовых статей Каткова во многом объясняется спецификой его языковой личности. Ее индивидуальный тезаурус отражает личностный путь публициста, уровень образования, круг интересов, убеждения и представления о мире. Основу данного уровня составляют концепты, которые в анализируемых текстах репрезентируют то, что Каткову было важно в период его журналистской, редакторской и политической деятельности. Тезаурус, представляющий концептуально-когнитивную структуру его языковой личности, реализован в обилии лексики, преимущественно репрезентирующей семантические поля концептов

«народ», «государство», «власть», «патриотизм», «политика», «общество», «образование». Лексемы, раскрывающие перечисленные концепты, часто сопровождаются прилагательными – суперлативами и элативами, характеризующими особое отношение публициста к вышеназванным концептам: «*В поэзии Пушкина найдем мы источники **чистейшего патриотизма***» [14]; «*...имела совершиться **грандиозная антиправительственная демонстрация посредством студентов, нарочито для того подстроенных***» [15]. Перечисленные концепты в большинстве текстов публициста репрезентированы эмоционально окрашенными, экспрессивно-оценочными единицами, сопровождаемыми оценочными прилагательными: *патриотические песнопения, гражданское чувство, просвещенный ум, политический разум, преобразователь, предназначение, внутренне брожение, страдания жертвы, лишения, внутренне недовольство, истинный смысл закона, политическая нравственность, рабское повиновение, взбаламученное общество, благотворная и освободительная миссия, борьба партий, огульное выборное начало, религия нигилизма*, – что придает высказываниям Каткова особую силу, глубокий пафос, демонстрирует абсолютную веру публициста в то, о чем он говорит, а также убежденность в своей способности воздействовать на умы тех, кто его читает.

Тезаурус Каткова иерархичен в силу четко очерченных политических взглядов и убеждений. Принадлежность к консерваторам отражается в его языковой личности преимущественно отрицательно оценочным шлейфом, который сопровождает в его текстах слова и понятия *либерализм, светская жизнь, запад*: «*Сколько убитых семей, потерявших свои лучшие надежды, сколько загублено юношей, которые могли бы быть красой своей родины, сколько бедных девушек, обманутых прельщением “образования”, увлечены в **разврат и политический, и нравственный, и телесный**; сколько жертв этого **quasi либерального режима**, этих нравственных и умственных исправлений, о которых нам проповедают “Русские Ведомости”!*» [15].

Индивидуальный тезаурус Каткова на уровне лексикона характеризуется полным отсутствием сниженной лексики, крайне малым количеством фразеологизмов, при этом абсолютным преобладанием лексики высокой стилистической окраски, обилием метафор, что позволяет согласиться с теми его противниками, которые называли его «громовержцем Страстного бульвара», однако дает основание возразить тем, кто в силу совершенно непонятных причин назвал его «будочником русской прессы». Высочайший уровень владения языком, истоки которого лежат

в том числе и в его первоначальной научной деятельности (о которой почему-то часто забывали его оппоненты), написанная им магистерская диссертация «Об элементах и формах славяно-русского языка» находят свое отражение в указанных выше чертах и прекрасно раскрываются в приведенных ниже примерах.

В следующем примере мы видим один из немногочисленных случаев употребления Катковым фразеологических оборотов: «*Правительственная администрация не знает, в чем заключаются ее обязанности, и с каждым днем **теряет почву и умывает во всем руки***» [16]. И хотя родной фразеологии и главным источником ее пополнения является разговорная речь, здесь мы встречаем фразеологизмы книжные, библейского происхождения, что снова демонстрирует характерные черты лексикона Каткова, сложившиеся под воздействием социальных и интеллектуальных факторов и проявляемые на уровне его тезауруса.

«*Случись в университетских зданиях **истребительный пожар**, лекции закрылись бы сами собою. А разве в Киевском университете в день его юбилея не произошел **пожар**? Разве после того, что там случилось, могла на другой день возобновиться и пойти нормальным порядком мирная академическая жизнь? Разве это не пожар своего рода, и разве не на **поджигателей** должно **пасть проклятие**?»* [15]. Здесь Катков выстраивает сложную комплексную метафору, на тот момент еще не слишком распространенную в употреблении даже признанными классиками русской литературы. Объединяя в одном контексте прямое и переносное значения слова *пожар*, расширяя и усиливая его словом из общего семантического поля *поджигатель*, публицист живописует катастрофическую ситуацию со студенческой дисциплиной, сложившуюся в большинстве высших учебных заведений Российской империи. Коннотативные семы «катастрофа», «уничтожение» позволили создать настолько яркую и действенную метафору, что она впоследствии стала употребляться другими писателями, публицистами и поэтами. В какой-то мере рассмотренный пример можно назвать рождением явления русской публицистической метафоры, яркость, тематическое и функциональное разнообразие которой неоднократно описывались исследователями.

Метафорическое восприятие мира в принципе не слишком характерно для языковой личности Каткова, он предпочитает называть вещи своими именами. Тем не менее в целях повышения красноречия и воздействующей силы периодически применяет в текстах данный троп. Тематически метафоры достаточно разнообразны, в основе переноса и военные термины: «*Вся Европа, за исключением Пруссии, но со включением Португалии и Турции, начала против нас дипломатический поход, угрожавший*

нам войной» [17]; и зоонимы: «... но эта **тля** была же, однако, в силе, эта **тля** воображала же себя близко к полному господству и действовала же она с удивительною самоуверенностью» [17]; и экономическая лексика: «Нам известно только, что несостоятельность в этом отношении была бы доказательством нашего **нравственного банкротства** как исторической нации» [18]; и географические понятия: «Естественно ли ожидать, что университеты благодаря новому уставу превратятся в **цветущий остров посреди взбаламученного моря?**» [11].

Метафоры, составляющие индивидуальный тезаурус Каткова, в абсолютном большинстве выполняют релевантную для публицистической метафоры оценочную функцию. Характерный пример – комплексная метафора болезни: «Скандалы не новость в жизни наших университетов. В Киеве они были паразитичны, как **припадок тяжелой болезни**, случившейся с хозяином, который созвал к себе гостей на веселый пир. Печально было вместо пирса очутиться при **корчах тела**, одержимого **недугом**, который в течение долгого времени замазывался **пальятивными средствами**; но если бы **припадок** оказался **кризисом к исцелению**, то печалиться нечего, а нужно радоваться за **больного**» [11]. Метафора вырастает здесь непосредственно из фигуры сравнения «как припадок тяжелой болезни» и реализуется через обилие лексики семантического поля «болезнь», репрезентирующей разнообразные составляющие процесса: и сам факт, называемый в том числе через синоним с высокой стилистической окраской *недуг* (что на уровне подтекста дает представление о тяжести ситуации); и субъект – *тело, больной*; и симптомы – *корчи, припадок*; и средства облегчения страдания – *пальятивные средства* (правда, не те, которые способны решить проблему, ибо в дословном переводе с латыни *паллиативный* означает «временно облегчающий, но не излечивающий»); и стадии течения заболевания – *кризис, исцеление*. Столь разностороннее образное представление ситуации, сложившейся в учебных заведениях Империи в результате ряда проведенных образовательных реформ, позволяет Каткову весьма наглядно и понятно для большинства читателей продемонстрировать глубину и сложность проблемы, а также необходимость ее преодоления. Поэтому коммуникативная целесообразность столь сложного многокомпонентного стилистического приема в данном случае очевидна.

В арсенале лексикона Каткова не только метафоры. Помимо скрытых сравнений, он употребляет непосредственно фигуры сравнения: «Жизнь его [Пушкина] не кончилась: она была прервана, как **прерывается музыка, когда порвется струна**» [14], – с целью реализации образно-экс-

прессивной функции. Для публициста характерно употребление варваризмов латинского происхождения, латинских выражений, которые демонстрируют высокий уровень образования и интеллектуального развития, сформировавшие его языковую личность: «...и изрекли свое неизбежное *ceterum censeo*¹ о необходимости ввести у нас “правовой порядок”, или, как у них теперь принято выражаться, “общественный контроль”» [19]; «... а палата депутатов – *horribile dictu*² – отнеслась сочувственно к такому ретроградному правительству и громадным большинством голосов уже одобрила первую из этих “чудовищных, вопиющих несправедливостью” мер» [19].

Крайне частотным в структуре лексикона языковой личности Каткова оказался прием лексического повтора. Порой он, многократно повторяя одни и те же слова, одновременно меняя их комбинацию, словно «вбивает» в сознание читателя свои мысли и представления об обществе и государстве, свое видение проблемы и путей ее решения: «Мы были обязаны **действовать** так, как мы **действовали**, **говорить** то, что **говорили**; если бы мы **действовали** и **говорили** иначе, то мы не могли бы не **презирать** себя и заслуживали бы **презрение** всякого честного человека какой бы то ни было партии, из какого бы то ни было лагеря» [20].

Проблематика текстов Каткова, высокая степень полемичности его статей логично демонстрируют присутствие фигуры антитезы в структуре лексикона публициста, воплощаемой также на уровнях тезауруса и прагматикона. Антитеза используется Катковым для реализации самых разнообразных функций. Например, в следующем контексте она помогает охарактеризовать творческий гений Пушкина, его особое божественное вдохновение, которое одновременно и было дано свыше, и явилось результатом длительной и упорной работы над языком и стилем: «**Божественный гость** его души, будивший ее мгновенными посещениями, наконец водворялся в ней **хозяином**» [14]. В другом примере через посредство соответствующих союзов реализована функция сопоставления: «**Разве и в самом деле министр юстиции должен состоять только экзекутором при судебных учреждениях, а не деятельным блюстителем правосудия?**» [16]. Она позволяет Каткову продемонстрировать его взгляды на реформу судебной системы и те возможности, которые могут быть следствием грамотного управления. Рассмотренные выше метафоры также могут становиться основой стилистического приема антитезы, помогая реализовать оценочную функцию: «**Крым, этот цветущий сад России,**

¹ настойчивый призыв (лат.).

² страшно сказать (лат.).

где в некоторых местах земля продается ныне дороже, чем в столичном городе Москве, сто лет тому назад был **громадною тюрьмой**, которая похищала муштин и женицин всей восточной Европы, **притоном** нескольких десятков тысяч разбойников, которые делали невозможным какое бы то ни было развитие на 500 и более верст от черноморского берега» [18]. Здесь положительно оценочная прагмема «цветущий сад», противопоставленная отрицательно оценочным прагмемам «тюрьма» и «притон», позволяет Каткову наглядно, через всем понятные образы продемонстрировать положительные изменения, произошедшие в Крыму после вхождения его в состав Российской империи. Причем явно перевешивающая по объему отрицательно оценочная сторона лишь усиливает позиции положительно оценочной, в том числе и за счет того, что структурно положительная оценка стоит в начале рассуждения. Это демонстрирует особенности языковой личности, которые, выходя за рамки тезауруса, проявляют себя на уровне прагматикона.

Вообще прагматикон языкового индивида отвечает «за понимание позиции, места человека (говорящего) в мире», определяется «мотивами, интересами, оценками и поведенческими установками личности» [21. С. 155]. Как мотивационный уровень он отражает мотивы и цели языковой личности. Это высший уровень ее существования, который конструируется средствами лексикона и тезауруса и реализуется на уровне всего корпуса текстов данной языковой личности. Прагматикон как «прагматико-экстралингвистический уровень предполагает владение культурной базой, обеспечивающей реализацию коммуникативных потребностей личности» [22. С. 29]. Поэтому традиционно в качестве единиц прагматического конструкта выделяют прецедентные тексты и имена. Объем таковых в языковой личности Каткова невелик, что, вероятно, объясняется в целом невысокой степенью прецедентности текстов русской литературы и публицистики XIX в. Тем не менее Катков может позволить себе блеснуть цитатой из Экклезиаста: «*Ничто не ново под луной*» [17], предварив ею статью, в которой рассуждает об очередном «дипломатическом походе» Европы на Россию. Прецедентный текст в данном случае не только демонстрирует уровень образования Каткова, но своим происхождением вводит и усиливает мысль о том, что подобное случается далеко не в первый и не в последний раз.

Национально-культурная специфика языковой личности Каткова проявляется в употреблении имен русских исторических деятелей и деятелей культуры: «*Богдан Хмельницкий, Екатерина, Пушкин – знаменательные имена, обозначающие лестницу восхождения России от безвест-*

ного, полуазиатского государства на степень великой европейской державы и цивилизованной нации!» [18]; прецедентных имен героев произведений русской литературы: «...и снова начинают выходить на свет **Кукинины, Базаровы, Аркадии Кирсановы**» [20]; «Но почему нашим доктринерам кажется, что управление, происходящее из выборов, есть дело очень либеральное, “субдительное сюперфлю”, как говорил гоголевский **Ноздрев**, желая сказать что-то очень хорошее?» [16].

По меткому замечанию Н.А. Бердяева, «человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин» [23. С. 85]. И Катков, описывая вклад Пушкина в становление русского литературного языка, использует прецедентные тексты глубоко национального фольклорного происхождения: «*Литературный язык совершает долгий путь образования. Когда пришел Пушкин, литературный язык был готов, но он был **спрыснут только “мертвю водою”**. Поэзия Пушкина была ему **“живою водою”**» [14], – именно эти цитаты из русских сказок позволяют публицисту образно и экспрессивно продемонстрировать читателю, чем был русский язык до Пушкина, вдохнувшего в него жизнь и вознесшего наш язык на совершенно новый высочайший уровень точности, красоты и выразительности.*

Однако прагматикон реализуется разнообразными средствами, в том числе и с помощью ресурсов грамматического уровня лексикона, что проявляется в структуре текстов Каткова весьма разнообразно. Возможно, его филологическое образование, редакторская деятельность заставили его взглянуть на эти, казалось бы, сухие средства под другими углом и уловить тот потенциал грамматики, который будет по-настоящему раскрыт и использован гораздо позже уже в современных нам медиатекстах. В следующем примере Катков использует прием нанизывания отрицательных и определительных местоимений, чередование утвердительных и отрицательных предикативных частей в структуре синтаксической антитезы: «*В нем **все** пополняется одно другим и **нет ничего**, что искупалось бы каким-либо печальным недостатком; в нем **все** поднимает ваше чувство и **ничто** не роняет его; как бы вы ни подошли к нему и чего бы вы ни затребовали, **везде** и **во всем**, много ли, мало ли он даст вам, но **нигде** он у вас **ничего** не отнимет, **нигде** и **ни в чем** не оскорбит вас» [24], – такого рода приемы на уровне восприятия обладают высокой степенью убеждения, чем и пользуется публицист, демонстрируя свои крайние консервативные взгляды и абсолютную категоричность, но не давая под натиском грамматической конструкции опомниться и заставляя капитулировать свою аудиторию. Следующий пример демонстрирует то,*

как филигранно Катков применял возможности русской грамматики: «А между тем пред современным русским обществом находится еще несколько старых счетов, которые оно **обязано и обязалось** уплатить» [18], – взаимодействие форм страдательного и средневозвратного залогов, подчеркнутое лексическим повтором, репрезентирует тонкие различия между паронимами *обязанность* (т.е. долг) и *обязательство* (т.е. обещание, договор). Первое – безусловно, второе есть результат добровольного согласия, и, по мысли публициста, в сознательном гражданском обществе должно присутствовать и реализовываться и первое и второе. Столь тонкий подтекст, безусловно, под силу сформировать только языковой личности истинного мыслителя, философа и знатока родного языка.

В отличие от тезауруса, прагматический уровень репрезентирует не просто языковую картину мира, а отражает индивидуальное аксиологическое мировоззрение. «Для Каткова было характерно идеалистически-романтическое восприятие действительности (наличие чёткого идеала должного) в сочетании с рационализмом и практичностью (жить и действовать нужно в настоящий момент)» [25. С. 34]. Возможно именно поэтому в структуре прагматикона его языковой личности эксплицитная оценка превалирует над имплицитной. Присутствие положительной и отрицательной оценки в его публикациях демонстрирует интенцию объективного миропредставления, однако преобладание критических целей и задач перетягивает чашу весов в сторону стратегии критики и неодобрения.

Мелиоративная лексика в публикациях Каткова представлена преимущественно словами-функциями и словами-прагмемами: *плодотворная сила патриотизма; все, что только есть лучшего, умного и дельного в Европе; великое, беспрецедентное народное движение; смиренное духом, простое и некичливое в своем величии*. Давая положительную оценку событию или герою, публицист, как правило, выбирает всем понятные, давно принятые в обществе как часть стереотипной аксиологической картины мира качества и характеристики: «Сегодня ровно сто лет минуло со дня рождения Карамзина. **Доброе, честное, славное имя, столько же честное, сколько и славное!**» [24], – часто положительно оценочное высказывание усиливается за счет дополнительных средств и приемов, в данном примере это градация и сопоставление.

Пейоративная лексика богаче по своей палитре. Здесь присутствуют не только функции и прагмемы, но и слова-коннотации: *французские газеты еще зарабатывают полученную ими мзду; вяло повторяют избитые фразы; история не представляет примера более возмутительного положения дел; недавний позор России; Никто более его не был чужд*

того **поверхностного** и **пошлого** либерализма, который служит верным признаком **умственной незрелости** людей и **политической незрелости** обществ; наши **умники**; **хлыщи** либерализма; **петербургский мундирный** либерализм; признак **зловредного** парламентаризма; прося принять меры к прекращению беспорядков, чинимых **шайкою негодяев**, **позорящих** университет и звание студента; Пора же кончить эту **гнусную** эксплуатацию учащейся молодежи; **вся та революционная гниль** и т.п.

При реализации отрицательной оценочной интенции Катков изредка позволяет себе употребление лексики сниженной стилистической окраски и даже инвектив: **«Бараны петербургской печати, вчерашние патриоты, сослужили хорошую службу России в эти трудные для нее минуты...»** [26]. Но чаще он все-таки применяет в отношении сниженной лексики отстранение – включает такие элементы в кавычки и/или использует извинительные комментарии: **«... и эту непонятную терроризацию, посредством которой всякий мальчишка, наконец, всякий негодяй, всякий “жулик” (sit venia verbo¹) мог приводить в смущение самые бесспорные права, самые положительные интересы, наконец, логику здравого смысла»** [17].

Случаи усложнения оценочных интенций через употребление средств имплицитного характера также имеют место в структуре прагматикона Каткова, они не столь частотны, но не менее разнообразны: **«Ни один из серьезных политических людей в Европе не назовет теперь этого мятежа народным восстанием, из которого может выйти что-нибудь положительное»** [17]. В данном примере синонимы **мятеж** и **восстание** выступают в функции антонимов как структурные элементы антитезы за счет присутствия в семантической структуре лексемы **мятеж** коннотативной семы отрицательной оценки. В нашей языковой картине мира прочно закрепилось представление о том, что восстание может быть борьбой за убеждения, за улучшение жизни людей, в то время как **мятеж** воспринимается как борьба за личные выгоды и привилегии. Тонкое языковое чутье позволило Каткову продемонстрировать в приведенном примере эту разницу, сделав ее ярким средством выражения своего негативного отношения к событию.

Ироническая оценка может быть выражена через прием антифразиса: **«Но вот в Брюсселе является большая книга, плод долгого и усидчивого труда, сочиненная остроумным автором многих книжек, скрывающим себя под курьезным псевдонимом Скедо-Феротти (как следует произносить, судя по итальянской структуре этого имени), или Шедо-Ферротти**

¹ да будет позволено сказать так (лат.).

(если следовать немецкому выговору, которому следует и сам автор» [20]; антифрастическое значение и отрицательная трансформация прилагательных *долгий*(=*недолгий*), *усидчивый*(=*неусидчивый*) и *остроумный*(=*неостроумный*) реализованы за счет окружающего шуточного контекста (Катков уделяет много внимания абсолютно неважным деталям написания и произношения имени оппонента), также понять и оценить прием помогает знание самой ситуации, о которой идет речь.

В следующем примере оценочная функция высказывания реализована не только за счет наличия сем положительной и отрицательной оценки в семантической структуре антонимов *честность/подлость* и *клеймить/величать*, но и благодаря специфической синтаксической конструкции, в которой переплелись лексический повтор, хиазм, сложность цепочки противительных и соединительных синтаксических отношений: *«Разве не давлением действуют агитаторы на нетвердые и робкие умы, извращая нравственные оценки и клеймя честность подлостью, а подлость величая честностью и преступные действия вменяя в заслугу?»* [15]. Данный пример демонстрирует огромную роль, которую в структуре прагматикона, да и в целом в структуре языковой личности Каткова играют синтаксические ресурсы русского языка.

Катков прекрасно понимал силу формы выражения в публицистике, ее потенциал. И хотя предпочитал демонстрировать свое мнение и оценку открыто, не брезговал богатством и выразительностью русского синтаксиса. В его статьях очень часто употребляется фигура градации: *«Люди самые серьезные, глубокие политики, правители государств, считали возможным обмануть нас комедией торжественных заявлений целой Европы и угрозами самой несбыточной европейской войны»* [20]; *«Ему [Пушкину – п.а.] не доводилось спасать Отечество от врагов, но ему было дано украсить, возвысить и прославить свою народность»* [14]. Причем встречаются примеры, в которых на протяжении одного высказывания градация может быть применена несколько раз, а эмоциональное напряжение фразы усилено инверсией: *«С некоторых пор развилась у нас страсть, беспримерная и в наших собственных летописях, и в летописях целого мира, – страсть бранить, порицать и отрицать в себе все, предавать в себе все поруганию и осмеянию, все в себе терзать и уничтожать»* [27].

Парадоксальным образом средства синтаксиса становятся для Каткова и средством выражения эмоций, экспрессивно окрашивая его публикации, и одновременно средством, позволяющим реализовать в его текстах абсолютное царство логического рассуждения. Примером первой функции может служить активное использование анафоры: *«Только одно чувство унес он в могилу неудовлетворенным, только одна его заслуга не*

только не была оценена, но и не могла быть понята в его время, **только одна** идея, которую он глубоко питал в своем русском сердце и которая так могущественно властвовала над его русским умом, осталась без исполнения и была для него **только** источником благородных гражданских страданий» [24].

Часто мы можем встретить сочетание анафоры и вопросительных конструкций. Причем в зависимости от целей, которые преследует Катков, это будут либо серии (короткие или длинные, порой очень длинные) риторических вопросов, вопросительно-утвердительных или вопросительно-отрицательных структур: «**Неужели** все эти перемены, совершившиеся за последние сто лет в восточной Европе, не увеличили суммы всемирного блага, и **неужели** мы не имеем права гордиться ими как делом в значительной мере наших рук? **Неужели** европеец, безопасно плывущий по Черному морю, станет отрицать, что оно открыто для цивилизованного мира лишь со времени Екатерины? **Неужели** он не поймет, что этих флотов, нагруженных столькими ценностями, которые в продолжение целого лета стоят и движутся ввиду Одессы, Таганрога, Бердянска, Мариуполя и Ейска, не было бы, если бы Крым и Новороссия были и теперь, чем они были сто лет тому назад?» [24]; либо собственно вопросительные конструкции, в которых Катков затем дает четкие аргументированные ответы: «*Итак! Где же зло? Был мятеж, и мятеж подавлен: неужели это зло? Была фантазмагория революции, были призрачными опасения войны, этого нет в настоящее время: неужели это зло? Россия казалась при последнем издыхании, теперь она является сильной: неужели это вред? Где же пагубные перемены, происшедшие в положении нашего Отечества за тот краткий промежуток времени, который так заботит брюссельского публициста? Перемен к худшему мы не видим; видим только перемены к лучшему*» [20].

Серии вопросов, которые, по сути, являются утверждениями, начиная с очевидного, усыпляют бдительность аудитории, подводя ее незаметно для нее самой к абсолютному капитулирующему согласию с мнением и оценкой Каткова. Вопросно-ответная форма же преследует несколько иные цели – предложить читателю рассуждать вместе, вести его за собой, демонстрируя открытость мысли и доказательность утверждений, в отличие от первых рассмотренных выше случаев, где аргументировать ничего не требуется. Логизированный синтаксис, чередование фактов и противопоставленных им риторических, вопросительно-отрицательных конструкций во втором примере убеждает читателя в правоте оратора.

Рассуждение, убеждение, аргументация, логизированный синтаксис крайне характерны для языковой личности Каткова, вследствие чего его

тексты изобилуют сложными синтаксическими конструкциями, в них часто встречается сложная разветвленная сеть разноподчиненных придаточных, выражающих разнообразные синтаксические отношения: уступительные, изъяснительные, атрибутивные, целевые. Так, в следующем примере Катков употребляет номинативное односоставное сложное предложение с нанизыванием однородных предикативных частей и, называя события, превращает их в сознании читателя в неопровержимые факты: *«Что же мы видим в начале прошлого года? Мятеж, кровопролитие, тайные политические убийства, казни, бесславие и позор, уничтожение, какого Россия не запомнит; русское имя, преданное всеобщему поруганию; вопрос, поднятый о самом существовании русского государства и русского народа; удушливая атмосфера будто перед грозой; самое несбыточное, казавшееся возможным, самое очевидное, казавшееся действительным»* [20].

Проведенный анализ публикаций Каткова позволяет сделать вывод, что его языковая личность есть отражение и преломление всех свойств и талантов его человеческой личности: мировоззрения, научного и логического мышления, высокого уровня интеллекта, морально-этических представлений, политических взглядов, национально-культурного багажа. Языковая личность Каткова отличается разнообразием языковых репрезентаций и многогранностью возможностей в выражении смыслов, что позволяло публицисту полностью реализовывать поставленные цели в своих публицистических текстах. Французский историк А. Леруа-Болье уже после смерти Каткова писал, что он «не принадлежал ни к какой партии и ни к какой школе: для этого он был слишком своеобразен, слишком независим, слишком исключителен. <...> Он был скорее трибуном, могучий голос которого вдохновлялся национальными чувствами, а не политическими формулами или отвлеченными теориями» [28. С. 201]. Все эти черты нашли свое отражение и в его языковой личности, которую публицист столь осознанно и целенаправленно создавал.

Список источников

1. Головин К.Ф. Мои Воспоминания. Т. 2. СПб., 1910. 274 с.
2. Любимов Н.А. Письмо М.Н. Каткову. 24 марта 1884 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 6. Ед. хр. 31.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 397 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : РКИ, УРСС Эдиториэл, 2010. 264 с.
5. Белинский В.Г. Письмо Н.В. Станкевичу от 29 сентября – 8 октября 1839 г. // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 11. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 718 с.

6. Белинский В.Г. Письмо В.П. Боткину от 1 марта 1841 г. // Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1956. 596 с.
7. Белинский В.Г. Письмо В.П. Боткину от 11 декабря 1840 г. // Полн. собр. соч. Т. 11. М., 1953. 718 с.
8. Первалова Е.В. «Русская Times»: газета «Московские ведомости» под редакцией М.Н. Каткова (1863–1887). М. : Изд-во Мосполитеха, 2020. 407 с.
9. Из воспоминаний А.И. Георгиевского // Литературное наследство. Т. 97, кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 1989. 711 с.
10. Любимов Н.А. Письмо М.Н. Каткову. 30 октября 1884 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 6. Ед. хр. 31.
11. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 7.10.1884. № 278.
12. Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 6 июня 1882 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 31.
13. Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 18 января 1884 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 31.
14. Из «Русского вестника» 1856 года // Особое прибавление к № 155 «Московских ведомостей». 6.06.1880.
15. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 10.10.1884. № 281.
16. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 20.10.1884. № 291.
17. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 1.12.1879. № 306.
18. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 4.08.1871. № 168.
19. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 6.02.1883. № 37.
20. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 5.09.1864. № 195.
21. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М. : ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
22. Иванова С.В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности. Уфа : РИО БашГУ, 2004. 132 с.
23. Бердяев Н.А. Судьба России. Самосознание. Ростов н/Д : Феникс, 1997. 541 с.
24. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 2.12.1866. № 254.
25. Попов Э.А., Велигонова И.В. М.Н. Катков: социальный портрет в контексте меняющейся эпохи (к постановке проблемы) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4. С. 31–36.
26. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 12.04.1878. № 95.
27. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 4.10.1863. № 214.
28. Леруа-Болье А. «Journal des Débats». Отзывы французской, бельгийской и итальянской печати. Памяти М.Н. Каткова // Русский вестник. 1887. Кн. 7. С. 200–203.

References

1. Golovin, K.F. (1910) *Moi vospominaniya* [My Memories]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.].
2. Lyubimov, N.A. (1884) *Pis'mo M.N. Katkovu. 24 marta 1884 g.* [Letter to M.N. Katkov. March 24, 1884]. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. Box 6. Files 31.
3. Humboldt, W. (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. Translated from German. Moscow: Progress.
4. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. Moscow: RKI, URSS Editorial.
5. Belinskiy, V.G. (1956a) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 11. Moscow: USSR AS.
6. Belinskiy, V.G. (1956b) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 12. Moscow: USSR AS.
7. Belinskiy, V.G. (1953) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 11. Moscow: [s.n.].
8. Perevalova, E.V. (2020) "Russkaya Times": gazeta "Moskovskie vedomosti" pod redaktsiei M.N. Katkova (1863–1887) ["Russian Times": The newspaper "Moskovskie Vedomosti" edited by M.N. Katkov (1863–1887)]. Moscow: Mospolitekh.
9. Georgievskiy, A.I. (1989) Iz vospominaniy A.I. Georgievskogo [From the memoirs of A.I. Georgievsky]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 97(2). Moscow: IWL RAS.
10. Lyubimov, N.A. (1884) *Pis'mo M.N. Katkovu. 30 oktyabrya 1884 g.* [Letter to M.N. Katkov. October 30, 1884]. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. Box 6. Files 31.
11. [Katkov, M.N.]. (1884) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 7th October.
12. Markevich, B.M. (1882) *Pis'mo M.N. Katkovu. 6 iyunya 1882 g.* [Letter to M.N. Katkov. June 6, 1882]. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. Box 31.
13. Markevich, B.M. (1884) *Pis'mo M.N. Katkovu. 18 yanvarya 1884 g.* [Letter to M.N. Katkov. January 18, 1884]. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. Box 31.
14. Anon. (1880) Iz "Russkogo vestnika" 1856 goda [From the "Russkiy vestnik" of 1856]. *Special addition to № 155 of "Moskovskie vedomosti"*. 6th June.
15. [Katkov, M.N.] (1884a) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 10th October.
16. [Katkov, M.N.] (1884b) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 20th October.
17. [Katkov, M.N.] (1879) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 1st December.
18. [Katkov, M.N.] (1871) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 4th August.
19. [Katkov, M.N.] (1883) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 6th February.

20. [Katkov, M.N.] (1864) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 5th September.

21. Karaulov, Yu.N. (1999) *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'* [Active grammar and associative-verbal network]. Moscow: IRL RAS.

22. Ivanova, S.V. (2004) *Lingvokul'turologicheskiy analiz pragmatikona yazykovoy lichnosti* [Lingvocultural analysis of the pragmatics of linguistic personality]. Ufa: BashSU.

23. Berdyayev, N.A. (1997) *Sud'ba Rossii. Samosoznanie* [The Fate of Russia. Self-Awareness]. Rostov on the Don: Feniks.

24. [Katkov, M.N.] (1866) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 2nd December.

25. Popov, E.A. & Veligonova, I.V. (2012) M.N. Katkov: sotsial'nyy portret v kontekste menyayushchey epokhi (k postanovke problemy) [M.N. Katkov: Social Portrait in the Context of a Changing Era (towards the Formulation of the Problem)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4. pp. 31–36.

26. [Katkov, M.N.] (1878) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 12th April

27. [Katkov, M.N.] (1863) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 4th October

28. Leroy-Beaulieu, A. (1887) "Journal des Débats". Otzyvy frantsuzskoy, bel'giyskoy i ital'yanskoy pechati. Pamyati M.N. Katkova ["Journal des Débats". Reviews of the French, Belgian and Italian press. In memory of M.N. Katkov]. *Russkiy vestnik*. 7. pp. 200–203.

Информация об авторах:

Первалова Е.В. – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой журналистики и массовых коммуникаций им. М.Ф. Ненасева Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: helenpv@yandex.ru

Петрушина М.В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Института современного искусства (Москва, Россия). E-mail: mpetrushina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Perevalova, Cand. Sci. (Philology), docent, head of the Department of Journalism and Mass Communications named after M.F. Nenashev, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

M.V. Petrushina, Cand. Sci. (Philology), docent, associate professor, Institute of Contemporary Art (Moscow, Russian Federation). E-mail: mpetrushina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.04.2023;
одобрена после рецензирования 02.09.2023; принята к публикации 31.10.2024*

*The article was submitted 21.04.2023;
approved after reviewing 02.09.2023; accepted for publication 31.10.2024*

Научная статья
УДК 82.3(571.1/.5)+316.7
doi: 10.17223/23062061/36/5

КОНЦЕПТЫ «ГОРОД» И «ДЕРЕВНЯ» В СИБИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА СИБИРИ

Ирина Федоровна Гнусова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, irbor2004@mail.ru*

Аннотация. При помощи концептологического анализа исследуется репрезентация социокультурного пространства города и деревни в произведениях сибирских писателей XIX в. Рассматриваются исторические предпосылки специфического воплощения городского и сельского топосов в сибирской прозе. Анализируется феномен «города–деревни», а также разница в литературном воплощении понятий «село» и «деревня». Подчеркиваются признаки идеализации народной среды и крестьянской общины в художественных произведениях и публицистике областников.

Ключевые слова: литература Сибири, культурный ландшафт, концепт, город, село, деревня, Н.И. Наумов, И.В. Омуревский

Благодарности: результаты исследования были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Гнусова И.Ф. Концепты «город» и «деревня» в сибирской литературе XIX века: к проблеме формирования социокультурного ландшафта Сибири // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 36. С. 71–93. doi: 10.17223/23062061/36/5

Original article

CONCEPTS “CITY” AND “VILLAGE” IN SIBERIAN LITERATURE OF THE 19TH CENTURY: TO THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE SOCIOCULTURAL LANDSCAPE OF SIBERIA

Irina F. Gnyusova¹

*¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
irbor2004@mail.ru*

Abstract. Conceptological analysis allows considering the phenomenon of the literary embodiment of urban and rural space as a representative of the sociocultural landscape of Siberia. Siberian material is extremely interesting for the study of the concepts “city” and “village” because of the historical reasons: the formation of sociocultural space here was not the same as in the European territory of Russia. To analyse the representation of the concepts “city” and “village” in Siberian literature, the author used fiction prose and some publicistic essays by G.N. Potanin, N.M. Yadrintsev, N.I. Naumov, I.V. Omulevsky, S.I. Cherepanov, M.V. Zagoskin, D.A. Ponikarovskiy, A.K. Ordynskiy. The recognised artistic level, proximity to the circle of Siberian regionalists and wide regional coverage were criteria of selection. The analysis of the sources showed a very weak representation of the studied concepts. This is especially true for the semantic field of the concept “city”: in the works of Siberian authors one can find only its separate peripheral features. The core semantics of the concept “city” (the presence of something) is actualised in the opposite way: even a minimal description of the city is given by means of a detailed enumeration of what is missing in it. The interpretation of the concept “city” is carried out with the help of irony, hyperbolisation, general satirical pathos, constant opposition of the real and the desired. The opposition of the city to the countryside and nature, traditional for literature, is almost invisible in Siberian literature. On the contrary, cities are almost indistinguishable from the countryside: the phenomenon of “town-village” emerges. The interpretation of the concept “village” in Siberian prose is more traditional compared to the urban topos. The concepts “bourgade” and “village” are considered as peripheral meanings of the same concept. However, there is a significant difference between their representation in Siberian literature: for example, in the external appearance of the bourgade authors usually note signs of prosperity and similarity to the city. The description of the village emphasises the poverty of peasants, their oppression by traders and officials, as well as the lack of culture and social life. The interpretation of the concept “village” in Siberian prose also contains an element of idealisation, traditional for Russian literature. This is especially noticeable in the fiction and journalism of Siberian regionalists, whose ideal was the peasant community, especially the Old Believers. In general, two main tendencies can be distinguished in the representa-

tion of the concepts “city” and “village” in Siberian prose. On the one hand, Siberian writers follow the traditions of “big” Russian literature – first of all, connected with the works of Nikolai Gogol and the natural school. On the other hand, Siberian prose reveals many specific features. This is especially noticeable in the interpretation of the concept “city”, which paradoxically merges with both natural and rural space and is even partially “absorbed” by them.

Keywords: Siberian literature, cultural landscape, concept, city, bourgade, village, N.I. Naumov, I.V. Omulevsky

Acknowledgments: The results of the study were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Gnyusova, I.F. (2024) Concepts “city” and “village” in Siberian literature of the 19th century: To the problem of the formation of the sociocultural landscape of Siberia. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 36. pp. 71–93. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/36/5

Художественное воплощение пространства города и деревни (или шире – провинции) имеет давнюю историю изучения. Внимание исследователей особенно привлекал так называемый городской текст: достаточно назвать фундаментальные работы Ю.М. Лотмана [1], В.Н. Топорова [2], Н.Е. Меднис [3]. При этом город и деревня очень мало исследовались как концепты¹ и даже не были упомянуты в восьмитомной «Антологии концептов» под редакцией В.И. Карасика и И.А. Стернина [9]. Однако именно концептологический анализ позволяет наиболее полно рассмотреть феномен литературного воплощения городского и деревенского пространства как репрезентанта социокультурного ландшафта Сибири.

Сибирский материал чрезвычайно интересен для исследования концептов «город» и «деревня» в силу исторических причин. Само формирование социокультурного пространства за Уралом происходило не так, как на европейской территории России. Главное отличие подчеркивает в своей монографии Ю.М. Гончаров, указывая, что «первые сибирские города не выросли естественным путем из деревень, а возникали раньше сельских поселений» [10. С. 4]. При этом городами они назывались весьма условно, поскольку, как доказывает в своей статье Д.Я. Резун, «в течение почти всех трех столетий они развивались как колонизационные типы городских поселений» [11]. К середине XIX в. сибирские города,

¹ Можно отметить разве что главу о городе в «Антологии художественных концептов русской литературы XX века» [4]; совсем небольшой раздел «Город-посад (торговый)» в словаре Ю.С. Степанова [5. С. 677–679]; статьи Н.А. Беловой [6], Н.В. Коротковой [7] и лингвистическое исследование Т.А. Бурмистровой [8].

конечно, уже не были пограничными крепостями, однако отголоски этой сравнительно недавней истории все еще ощущались их жителями. Такой пример описывает Н.М. Ядринцев в своем рассказе «Калмычка» (1897), основанном на детских воспоминаниях:

Мы жили в маленьком пограничном городе Сибири, когда-то бывшей крепости. Но полуразрушенная крепость и заржавленная пушка, в которую мы совали тряпки и камни, уверенные, что сколько не заряжай ее, она не выстрелит, напоминала мне впоследствии крепостцу в «Капитанской дочке» Пушкина [12].

Другой особенностью городов и сел Сибири в XIX в. было то, что их статус часто был весьма условным. Это, впрочем, характерно для всей дореволюционной России, в которой, как указывает В.А. Скубневский, «не было законодательно оформленного критерия статуса города», и численность населения не имела в этом вопросе решающего значения. Поэтому «нередко внегородские торгово-промышленные центры превосходили по числу жителей и экономическому развитию официальные города» [13. С. 69], что доказывает и статистика, приведенная исследователем: на 1897 г. из 43 городов Сибири в 14 население не превышало 2 тысяч человек. При этом в 155 населенных пунктах насчитывалось более 2 тысяч жителей в каждом: например, в Новониколаевске всего через четыре года после начала строительства железнодорожного моста через Обь было уже 8,5 тысяч жителей.

Эта ситуация давала жителям возможность самим оценивать, какой населенный пункт мог претендовать на статус города. С горькой иронией подобный пример демонстрирует Н.И. Наумов в своем очерке «Паутина» (1880) – о селе Т...¹, разбогатевшем за счет рабочих расположенного рядом золотоносного прииска:

– Увидел как народ-то, што Терентий... фортуна приманил к себе, повалил сюда на жительство, да теперича из поселка-то вон какое село выровнялось, с иным городом поспорит! <...> Ведь тут одних мангазеев с товарами, сударь, боле двадцати насчитываем! Чем не город?.. А кабаков – и-и-и, Господи, твоя воля!.. Да каждый дом – кабак и блудное место, – вот как по правде-то говорить надоть! [14. С. 191].

Одно отличие между городом и селом, тем не менее, было существенно: помимо административной, торговой и промышленной функций, сибирские города играли важную культурно-просветительскую роль. Как указывал Г.Н. Потанин в своей статье «Города Сибири», в них «исключительно

¹ Тисуль, ныне поселок городского типа, районный центр в Кемеровской области.

сосредоточены все интеллигентные силы этого края» [15. С. 69]. Потанин объясняет это исторически сложившимися факторами:

Земство в европейской России обогатило деревенскую среду интеллигенцией; оно усеяло эту среду учителями, докторами и техниками. В Сибири, вследствие отсутствия земских учреждений, деревня живет без интеллигенции. Поэтому вся умственная и культурная жизнь в Сибири ограничивается городами, в деревнях же сплошная умственная пустота [15. С. 69].

Сельское население при этом составляло подавляющее большинство в Сибири (по данным В.А. Скубневского, 93% в 1863 г. и 92,7% в 1897 [13. С. 190]) и постоянно росло, в том числе в связи с активизацией переселения сюда крестьян после отмены крепостного права. Историческое отсутствие крепостничества и, соответственно, поместного дворянства также отличало сельскую среду за Уралом от деревень европейской части России. Из-за этого в сибирской литературе была невозможна реализация ни одной из художественных моделей провинции, которые выделяет, например, в своей статье Н.В. Короткова: ни «радищевская» («деревня помещичье-крестьянская»), ни «карамзинская» – «деревня идиллически-дворянско-усадебная» [7. С. 23]. Скорее, как будет показано далее, в изображении сибирского села (как и города) преобладают гоголевские традиции, в своем классическом варианте характерные для реализации концепта «провинциальный/уездный город»¹.

Для анализа репрезентации концептов «город» и «деревня» в сибирской литературе были использованы художественная проза и отдельные публицистические очерки Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, Н.И. Наумова, И.В. Омурлевского, С.И. Черепанова, М.В. Загоскина, Д.А. Поникаровского, А.К. Ордынского. Критерии отбора совпадали с теми, что были выработаны в нашем предыдущем концептологическом исследовании сибирской литературы [16], – признанный художественный уровень, близость к кругу областников, широкий региональный охват.

Анализ источников сразу показал очень слабую представленность исследуемых концептов. Особенно это касается семантического поля концепта «город»: в произведениях авторов-сибиряков можно обнаружить лишь его отдельные периферийные черты. С одной стороны, это может объясняться общелитературной тенденцией: Н.Е. Меднис указывает на то, что очень немногие провинциальные города России «образуют свои литературные сверткесты» [3] – она приводит в пример разве что «Пермский текст», которому посвящено исследование В.В. Абашева [17]. Сибирская литература XIX в. полностью подтверждает это: ни один автор

¹ Об этом пишет в своей статье Н.А. Белова: [6. С. 90].

не сделал какой-либо известный город на территории Зауралья предметом изображения или хотя бы местом действия (только в начале XX в. В.В. Курицын изменит положение, опубликовав под псевдонимом Некрестовский свой авантюрный роман «Томские трущобы»).

С другой стороны, создается впечатление, будто сибирские писатели сознательно избегают описания городов в своих произведениях. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев пишут роман «Тайжане» о жизни на прииске, народные рассказы Н.И. Наумова почти всегда посвящены сельской глубинке, а действие произведений И.В. Оммулевского чаще всего происходит на почтовых станциях. В романе «Шаг за шагом» писатель, впрочем, делает родиной героя некий Ушаковский, «один из лучших губернских городов Восточной Сибири» [18], но в этом он скорее тоже следует за «большой» литературой, где при описании провинции местом действия становились вымышленные города (Миргород Гоголя, Скотопригоньевск Достоевского)¹.

Обратившись к словарю В.И. Даля, мы можем обнаружить несколько основных значений слова «город» в XIX в. К исследуемому концепту имеют отношение два из них: «крепость, крепостца, укрепленное стенами место внутри селения, кремль» и «населенное место, признанное за город, городом, которому правительство дало городское управление» [20. Т. 4. С. 337]. Интересно, что слово «город» могло употребляться и метафорически – «в значении всего общества или всех обывателей города» [20. Т. 4. С. 337].

Ядром концепта, безусловно, следует признать значение «населенное место, признанное за город» правительством. В определении Даля очевидна семантика наличия чего-либо, выделяющего город как населенный пункт: ему «дано городское управление». Это же присутствие, наличие определенных функций и соответствующих учреждений, отличающих город от села, мы найдем и в любой современной словарной статье: «Крупный населённый пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр района, области, округа и т.п.» [21].

Однако в прозе сибирских писателей эта ядерная семантика концепта «город» актуализирована противоположным образом: хоть какое-то ми-

¹ Впрочем, биографы Оммулевского любят подчеркивать, что Ушаковский – вовсе не обобщенный образ: за этим вымышленным топонимом скрывается родной город писателя: «Бунт рабочих, который описывается в романе, происходит на Ельцинской фабрике. Река Ушаковка пересекает Иркутск и впадает в Ангару. Известно, что недалеко от Ушаковки стоял дом, где жил Оммулевский. Отсюда достоверно, что Ушаковский – Иркутск, Ельцинская фабрика – Тельминская фабрика, одна из старейших в Иркутской губернии» [19].

нимальное описание города здесь дается при помощи подробного перечисления того, что в нем отсутствует. Ярким примером является неоконченная повесть И.В. Омулевского «Софья Бессонова» (1883). Герой повести, молодой выпускник Петербургского университета, совершенно произвольно выбирает некий губернский город Н. для прохождения службы. На Сибирь как место его расположения косвенно указывает тот факт, что герой три недели дожидается ответа на свой запрос и полагает, что ответ пришел очень скоро; а также упоминание о том, что «до климатических условий ему пока еще не было никакого дела» [22]. Однако по приезду в город Н. герой обнаруживает, что начальство пока не может подыскать ему никакой работы, а вице-губернатор откровенно жалеет о решении молодого человека променять Петербург на провинцию. Все, что ожидает его здесь, по мнению чиновника, – тоска и безделье:

– Право, иногда на меня находит здесь такая тоска, что не знаешь, куда деваться, хотя дела полны руки... Если вы не привезли с собой книг, так вам на первое время, пока вы не догадались их выписать, придется в свободные минуты для собственного развлечения или бить мух или слушать разные городские сплетни: библиотеки здесь нет, книжного магазина – тоже, а о возможности маскарадов в городском обществе здешняя публика еще не догадывается; на вашу долю остается... музыкальные вечера с танцами в дворянском собрании по вторникам, да самый плохонький оркестр в губернском саду по воскресеньям. Заметьте к этому еще, что здесь не танцуют, а спят, разумеется, с открытыми глазами – из приличия не гуляют в саду для собственного удовольствия, а чинно и бестолково прохаживаются совершенно, как по обязанности, вроде часового на гауптвахтах... [22].

В этой печальной картине, написанной в традициях натуральной школы, очевидно, акцентируется не только физическое отсутствие культурных учреждений, необходимых для города, но и духовная пустота местного общества. Об этом же пишет и А.К. Ордынский в своей юмористической «сибирской легенде» «Привидение на заимке» (1862), опубликованной под псевдонимом «Язон Аргонавтов»: в самом начале повествования он указывает на то, что «жизнь и судьба многих в нашем городе походят на судьбу улиток водных» [23]. Хотя рассказ посвящен интрижке молодой замужней женщины с губернским секретарем и трагикомической попытке ее разоблачения, Ордынский делает акцент на том, что героиней движут не столько чувства, сколько расчетливость. А потому пространственный авторский пассаж об исключительной нравственности обитателей сибирского городка звучит не только как ирония: Ордынский констатирует, что в городе нет подлинной жизни, и материальные интересы здесь не допускают искреннего чувства:

Нужно вам знать, что наш город – единственный в своем роде. Вы не услышите здесь никаких скандальных историй. Ловеласов, Дон Жуанов, Армид и Кларисс здесь от века не бывало. Нравственность наших чиновниц, купчих и гражданок вошла далее в поговорку. У нас нет ни любви, ни интриги, ни бегства из дома родительского, ни препятствий неодолимых к супружеству. У нас вечера проходят не только без любезностей, но даже и без танцев. Нежных чувств и рокового влечения между обоими полами, по самым вернейшим справкам, не оказывается. <...> Причиною такой удивительной апатии есть нечто иное, как то, что мужчины, вероятно, не стоят быть любимыми искренно и сильно, а женщины не позволяют до себя дотрагиваться мужчинам не потому, чтобы они боялись вспыхнуть от этого прикосновения, но потому... что от него могли бы измяться оборки их воротничков, или даже просто... чересчур накрахмаленные юбки [23].

В другом своем рассказе «Борода и кринолин» (1862), напечатанном под псевдонимом «Аполлон Приканский»¹, Ордынский упоминает об апатии горожан уже в социально-критическом контексте. Повествование начинается с того, что рассказчик, сидя у окна своего городского дома, созерцает непроходимую грязь, которую он также называет «болотом» или «зыбунном» (очевидный аналог «удивительной лужи» из гоголевской «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). Это «болото», как выясняется далее, – единственная достопримечательность города, в котором все остальное только проектируется новым городничим. Вот только «окультуривание» оказывается совсем не первостепенной нуждой обывателей, изнемогающих от бытовых трудностей, – здесь ирония автора направлена уже на городскую власть:

В богоспасаемом нашем граде уже разнеслись слухи, что новый городничий взялся устроить благородное собрание, воскресную школу, завести городскую библиотеку, учредить театр, литературные вечера и живые картины. Дай Бог, что бы все это осуществилось, за исключением живых картин, до которых я, – природный сибиряк и старовер, – не слишком большой охотник. Видно, что новый городничий – человек с высшим взглядом, поборник современного движения. Вот этаких-то отцов благодетелей и надо нам! Авось его высокоблагородие хоть мельком бросит «взгляд» на эту грязь, которую я ежедневно люблю и которую все проходящие зачерпывают в калоши. Авось он подвинет сонные умы и апатические руки здешних обывателей к уничтожению этой заповедной грязи несколькими возами гальки, щепок или просто даже мусору [25].

Очевидно, что интерпретация концепта «город» происходит в приведенных отрывках с помощью схожих художественных средств – иронии, гиперболизации, общего сатирического пафоса, а главное – постоянного

¹ Принадлежность этого рассказа А.К. Ордынскому была установлена А.В. Смольяниновым [24. С. 57].

противопоставления реального и желаемого, наличия и отсутствия. При последовательном чтении этих характеристик сибирского города можно обнаружить и своеобразную градацию: мысль об отсутствии в них хоть какой-либо общественной культуры становится всё более резкой и категоричной: «не танцуют, а спят»; «не только без любезностей, но даже без танцев»; наконец, нет уже ни танцев, ни «благородного собрания», а есть только одно «болото».

Однако если в художественной прозе бездуховность и «вялая жизнь» [15. С. 90] (по выражению Г.Н. Потанина) сибирских городов показаны путем сатирической актуализации того, чего в них нет, то авторы публицистических статей выражались куда более прямолинейно. Примером может служить описание уездного города Мариинска в корреспонденциях Д.А. Поникаровского, который более известен своим творчеством барнаульского периода. В первых же строках одной из статей 1885 г. Поникаровский прямо заявляет: «Город наш очень мал, но замечателен воровством и разными мошенничествами» [26. С. 260]. В другой публикации писатель дает более развернутую характеристику Мариинска: «Город наполнен нищими и разным сбродом: это пролетарии, слывущие здесь под именем жиганов; такие несчастные лишены крова, пищи и одежды, хотя они могут работать; контингент их состоит из ссыльных дворян, чиновников, офицеров и других разночинцев, не умеющих или не знающих как пристроить себя в нашем маленьком городке» [26. С. 258].

Здесь же автор описывает и то, как протекает досуг остальных, вполне благопристойных жителей Мариинска: «Как только... наступили длинные зимние вечера... наше так называемое образованное общество занялось игрой в карты: играют женщины и мужчины, играют молодые и старые; играют в карты во все возможные игры с вечера до утра; играют со страстью, с увлечением, с забвением своих обязанностей как членов общества, так и матерей семейств» [26. С. 258]. Вполне очевидно, что никаких культурных учреждений в городе нет.

Авторы статьи «Город» в «Антологии художественных концептов русской литературы XX века» подчеркивают, что этот концепт всегда существует в определенной системе оппозиций, антиномий: он «вбирает в себя идеалы и антиидеалы, трактуется в отношениях с душой конкретного индивида и с социальной действительностью в целом» [4]. Также город обычно находится в оппозиции к деревне и природе. Однако в сибирской прозе идеалом, противопоставляемым «сонному» облику провинциального города, становится исключительно столица, Петербург («Я никогда не мог быть равнодушным к Петербургу и никогда не при-

выкну к провинции, хоть и семейный человек», – подчеркивает вице-губернатор в повести Омулевского). Оппозиция же деревне и природе почти не заметна. Напротив, города в произведениях сибирских писателей оказываются почти неотличимы от сельской местности – здесь семантические поля этих концептов неожиданно пересекаются.

Такой феномен города-деревни отчетливо виден в повести С.И. Черепанова «Сибирячка» (1855), герой которого, молодой подполковник Дутиков, едет в Кяхту с целью «жениться на богачке» [27]. Удачно встретив по пути местного купца, герой спрашивает его о приграничном городке и получает характерный ответ:

- Скажите, большой это город?
- Деревушка-с.
- Как?
- Так-с, маленькая, – домов тридцать.¹
- Только?
- Только-с [27].

Городской пейзаж, который открывается Дутикову наутро после приезда в Кяхту, снова содержит авторскую иронию по поводу ее формального статуса: «Между тем уже рассвет начал озарять небольшую группу деревянных домов, величающуюся городом, на основании пословицы – на безрыбье и рак рыба» [27]. То, что Кяхта гораздо ближе к селу, выдает и описание местности, в которой человеческие жилища совершенно теряются на фоне величественной природы: «Окруженное гольми песчаными горами, оно [место, где стоит город] ничто иное как песчаная насыпь, по которой едва струятся два ручейка; один из них носит название Кяхты, а другой... Грязнухи, тогда как по обе стороны этого места текут две прекрасные реки – Чикой и Селенга, с обширными, лежащими по берегам их равнинами; также не далеки несколько меньшие реки Джиды и Киран» [27].

Аналогичный фокус на сельском и природном ландшафте в описании города присутствует и в «Софье Бессоновой» Омулевского. Герой повести, скучающий в гостинице после неприятных откровений вице-губернатора, решает прогуляться и почти сразу – пройдя два-три переулка – оказывается у реки. Открывшийся ему вид на окраину является единственным описанием губернского города Н. в повести, и этот пейзаж почти не имеет урбанистических черт:

¹ То, что приграничная Кяхта чрезвычайно мала, но герой обоснованно рассчитывал найти там богатую невесту, подтверждает Г.Н. Потанин в статье «Города Сибири»: «Кяхта состоит из десяти-пятнадцати домохозяев; каждый из них почти миллионер; это комиссионеры по чайной торговле» [15. С. 91].

По ту сторону реки тянулись в один ряд однообразные деревянные домики деревенской постройки, за ними, несколько в гору, пестрели огороды, а еще выше зеленелся мелкий березовый лес; немного правее, там, где оканчивался ряд домиков... (река) круто поворачивала за гору... и потом за этой самой горой пропадала из виду [22].

Таким образом, если в классическом литературном описании город, «спроектированный по определенным законам, построенный по выверенным чертежам, своей четкостью, размеренностью и планировкой противопоставляется непредсказуемой природе» [28. С. 127], то в сибирской прозе искусственное пространство города нераздельно с естественным, природным началом, которое даже преобладает в его облике. Это особенно заметно при описании городов-крепостей, сохраняющих остатки исторического пейзажа и тем самым актуализирующих первое значение города по словарю В.И. Даля: «крепость, крепостца, укрепленное стенами место». Такова, например, «высокая крепостная стена, сложенная из дикого камня», окружающая уездный город К.¹ в неоконченном рассказе Н.И. Наумова «Святотатец»²: «Когда-то грозный оплот, охранявший от набегов кочующих инородцев возникший в старину городок, или острог, как говорится в летописях, – крепость эта, построенная при царе Михаиле Федоровиче, представляла собой жалкие развалины» [29. Т. 3. С. 378]. Сливаясь в сумерках с окружающим ее пейзажем, древняя стена словно сама становится частью природы: она стоит на «крутой, извилистой горе», у подножия которой, «в широкой долине, защищенной со всех сторон горами, лежал городок»³ [29. Т. 3. С. 378].

Столь же органичной частью природы становится к XIX в. и упомянутая «полуразрушенная крепость» в рассказе Н.М. Ядринцева «Калмычка»:

Здесь... было все патриархально, и давно мирная крапива обвила и застлала воинственные бастионы. Трубил здесь старый горнист только «на кашу», и барабан скорее укладывал спать, отбивая свою зарю каждый вечер, чем звал на бой «воина». Самые воины, бродившие здесь, были в выпетших

¹ Кузнецк, ныне Новокузнецк.

² Точная дата создания неизвестна, поскольку при жизни писателя рассказ не был опубликован. Вероятнее всего, он был создан Н.И. Наумовым в последние годы (писатель умер в 1901 г.) (см.: [29. Т. 3. С. 399]).

³ Характерно, что после этой лирической преамбулы Наумов начинает характеристику самого города с того же приема «констатации отсутствия»: «В Сибири до настоящего времени в уездных городах не существует гостиниц, в которых мог бы останавливаться приезжий, в них нет даже сколько-нибудь сносных постоялых дворов...» [29. Т. 3. С. 378].

сюртуках нараспашку, без нашивок и погонов, какие-то отставные и заштатные. К городу не подступал неприятель, но его посещали дикие сыны окружающих степей, калмыки и киргизы, пригоняя баранов, приезжая на длинношеих верблюдах за покупками, и привозили разные продукты. От этого город в моих воспоминаниях носит полуазиатский характер [12].

Однако мирная картина детских воспоминаний повествователя уже не скрывает того, какое оскудение пришло на место героическому прошлому военных форпостов. Дробь барабана парадоксально «укладывает спать» (еще одна отсылка к расхожей в сибирской прозе метафоре жизни-сна), а «воины», скорее напоминающие по виду городских пьяниц, не маршируют, а «бродят» по бастионам. Город-крепость превращается в восточный базар: бараны и верблюды в его описании становятся экзотическим эквивалентом тех свиней, гусей и петухов в присутственных местах, которые, по В.Ш. Кривоносу, являются одной из ярких характеристик гоголевского уездного города. В своей монографии исследователь указывает, что благодаря образам животных «значение “дикости” приобретают и уездные локусы» [30. С. 208].

Эта аллюзия перекликается и с дальнейшими событиями рассказа, где купленную у собственных родителей девочку-калмычку держат в богатом чиновничьем доме за «рабу», а потом насильно выдают за старого запойного кучера. Дикость и жестокость, таким образом, оказываются чертами вовсе не «сынов степей», а образованного русского семейства.

Интерпретация концепта «деревня» в сибирской прозе оказывается гораздо более традиционной по сравнению с городским топосом, представленным преимущественно периферийными значениями. Отметим, что и в словаре Даля не обнаруживается никаких дополнительных определений: село – «обстроенное и заселенное крестьянами место, в коем есть церковь» [20. Т. 4. С. 156]; деревня – «крестьянское селенье, в котором нет церкви» [20. Т. 1. С. 382]. Мы склонны рассматривать два эти понятия как периферийные смыслы одного и того же концепта. Однако между их репрезентацией в сибирской литературе есть существенная разница: так, во внешнем облике села авторы обычно отмечают признаки благополучия и сходство с городом (здесь продолжает проявляться феномен города-села). А в описании деревни больше делается акцент на бедности крестьян, их притеснении торгашами и чиновниками, а также отсутствии культуры и общественной жизни – в этом обнаруживается сходство с репрезентацией города.

Наиболее ярким примером изображения зажиточного села является уже упомянутый очерк Н.И. Наумова «Паутина». Его уникальность, которая и становится главной темой объемного произведения, уже при

въезде бросается в глаза рассказчику. Заметно, что, в отличие от городов, деревенское пространство описывается в сибирской прозе подробно и основательно:

Посередине села стояла высокая каменная церковь, и купол её, обшитый белой жостью, ярко горел теперь от солнечных лучей. Спустившись с холма, мы въехали в широкую прямую улицу, обнесенную по обеим сторонам низенькими, иногда покосившимися и вросшими в землю избушками, среди которых то по одну, то по другую сторону улицы неожиданно вырастал перед глазами высокий одноэтажный или в два этажа дом, с балконами, покоившимися на затейливо выточенных колоннах, с резными, ярко раскрашенными ставнями и плотными деревянными заборами [14. С. 173].

Чуть позже, передавая свое впечатление местному торговцу, рассказчик признает, что «село по большинству своих зданий скорее походит на город», добавляя: «В первом еще селе я встретил такое обилие лавок» [14. С. 174]. Таким образом, выделяется два признака, маркирующих отличие городского пространства от сельского: двухэтажные дома с балконами и активная торговля. Именно такое, схожее до мелочей описание зажиточного села Завидова¹ дает в неоконченном романе «Попытка не шутка» (1873) И.В. Оммулевский:

Чем дальше следовал тарантас, тем чаще плетеные заборчики стали уступать место настоящим тесовым заборам; начали появляться уже дома городской постройки, в два этажа, непременно с балкончиком наверху, а внизу изредка встречались скромные приюты сельской торговли; промелькнул наконец и веселенький деревенский трактир с какой-то замысловатой аллегорией, неумело намалеванной на покосившейся вывеске [31].

Совсем другую картину рисуют писатели при изображении деревень. Здесь в семантическое поле концепта регулярно включаются такие эпитеты, как убогий, ничтожный, жалкий, глухой, тоскливый, унылый, безжизненный. Репрезентативными в этом отношении являются два рассказа, опубликованные с разницей в четыре года: «Блудный сын» Г.Н. Потанина (1878) и «Фургонщик» Н.И. Наумова (1882). Сюжет обоих произведений связан с поездкой городского жителя в отдаленную деревню – правда, герой Потанина отправляется туда добровольно, с целью увидеть родные места, а автобиографический рассказчик Наумова оказывается в деревенской глуши по делам службы: он едет расследовать убийство. Однако оба героя имеют вполне реалистичное представление о том,

¹ Вымышленный топоним, как и Медведевский уезд, в котором село расположено.

что их ожидает: «блудный сын» Потанина помнит, что его родная деревня – «незначительное и незамечательное захоlustье» [32], а чиновник Наумова скрепя сердце отправляется по осенней распутице в «глухую деревнюшку» [29. Т. 3. С. 3].

Удаленность и труднодоступность деревень – еще один общий репрезентант концепта: герой Потанина почти уподобляется паломнику, отправляясь на родину пешком, и в итоге «не один месяц прошел прежде» [32], чем он достигает деревни Кислое Озеро. Путь чиновника в рассказе Наумова гораздо более реалистичен, но не менее труден: «...Пришлось... ехать почти безостановочно двести верст по таким путям, воспоминание о которых и теперь еще нередко вызывает во мне дрожь» [29. Т. 3. С. 3].

В рассказе Потанина большое место уделено мечтаниям и воспоминаниям героя в пути, и именно на фоне этих идиллических представлений вид родной деревни оказывается полной неожиданностью для него: «Эта груда ничтожных домишек с дерновыми крышами поразила меня, издали уже заметно, что ждет внутри улиц; с защемленным сердцем вхожу в улицу – домишки низкие, поражают убожеством» [32]. Для героя Наумова посещение подобных отдаленных уголков – привычное дело, но его ужасает другое: он не знает, как скоро сможет выбраться оттуда из-за погодных условий: «В глухой деревнюшке, имевшей не более пятнадцати дворов и заселенной наполовину инородцами, я должен был выжить более недели, не имея ни чаю, ни сахару, ни табаку, а главное – писчей бумаги, запас которой уже истощился у меня, вследствие чего остановилось и производство следствия; послать же за бумагой в ближайшую волость нарочного было невозможно, так как реки сплошь были покрыты массами льда, а наступившая оттепель не обещала скорого рекостава» [29. Т. 3. С. 3].

Героя Потанина угнетает то, что односельчане не помнят его, а родной дом, овеянный детскими воспоминаниями, превращен в грязную контору; рассказчик Наумова страдает от вынужденного безделья – однако их пребывание в глухой деревне вызывает схожие чувства: огорчение, горечь, тоску, скуку, уныние, боль. Впрочем, «Блудный сын» больше пронизан сентиментальным пафосом: в финале герой плачет, не найдя на старом кладбище могилы матери, и рассказ заканчивается патетически: «Тупая боль все более сжимала мое сердце. Я чувствовал, что я стою над трупом моего детства...» [32].

Чиновник в «Фургоншике» далек от таких возвышенных чувств: его тяготит только вынужденная остановка на пути домой. Деревня поздней осенью предстает в описании Наумова как минус-пространство, откуда ушла какая-либо жизнь, где отсутствует всякое движение. Как и герой

Потанина с его былинным путем на родину, здесь рассказчик будто превращается в фольклорного персонажа, месяцами ожидающего у окна какой-либо перемены:

...Я сидел в отведенной мне избе у окошка, тоскливо поглядывая на поля, засыпанные снегом, и на чахлый обнаженный кустарник, тянувшийся неправильными линиями в даль, подернутую густо синевую наступивших сумерек; в воздухе порошил снежок, лениво волнуясь и падая на землю; в деревеньке все было тихо, точно в ней замерла всякая жизнь, и только однообразное карканье вороны, сидевшей где-нибудь на плетне и собиравшейся лететь на ночлег, нарушало навевавшую уныние тишину... [29. Т. 3. С. 3].

Этот унылый пейзаж свидетельствует и еще об одной традиционной особенности репрезентации концепта «деревня»: его тесной связи с природой и с календарным циклом. В изображении города время года не слишком заметно – но для деревенского топоса оно принципиально. Поэтому если на городского чиновника безжизненность деревни поздней осенью действует угнетающе, то для крестьян это естественное время отдыха от полевых работ.

А вот зима оказывается опасна и для сельских жителей: так, М.В. Загоскин в своем рассказе «Яблоня и яблочко» упоминает, что в это время расчетливый главный герой охотно давал односельчанам денег взаймы под будущие работы – а «мужики, у которых в большинстве доставало хлеба только до Рождества и не было денег на выпивки, сами лезли в петлю» [33]. Оттого так радостно наступление весны, дающей надежду на новый урожай. Это всеобщее весеннее ликование, в котором сливаются человек и природа, изображает Д.А. Поникаровский в рассказе «Сибирская Калифорния» (1882). Впрочем, акцент писатель здесь делает еще и на той «умственной пустоте», о которой упоминал в своей статье Г.Н. Потанин:

В 187* году, в южной части –ской губернии весна наступила так рано, что к Николину дню луга покрылись травой и из распустившегося, одетого пышной зеленью леса, несся аромат цветущей черемухи. Вернувшиеся ласточки весело защебетали, купаясь в яркой, безоблачной синеве неба, парни и девушки высыпали на улицу в летних костюмах, с гармониями, балалайками и песнями. Нигде не ждут весны с таким нетерпением, как в глухой провинции, и нигде так весело не приветствуют ее появление, как там, в этих забытых Богом и людьми уголках, где каждый поневоле живет исключительно своей внутренней жизнью, по недостатку живых, общественных интересов [26. С. 156].

Не во всех деревнях, однако, сезонность имеет одинаковый характер: в рассказе Наумова «Паутина», например, показано, что в селе, отказав-

шемся от сельскохозяйственных забот ради «оплетения» приисковых рабочих, действует свой собственный календарный цикл. Летом село поражает рассказчика парадоксальной «пустынностью и безжизненностью» [14. С. 186], а в середине осени, когда рабочие возвращаются с прииска, народ толпится на улицах днем и ночью: «всюду было заметно оживление: окна домов были ярко освещены, по улицам сновал народ, слышались говор, песни, ругань» [14. С. 199].

Деревня вписана не только в природное время, но и в природное пространство: большинство сибирских авторов любят гармоничность расположения поселений на склонах холмов или берегах рек. Если в реализации концепта «город» активное включение природного пространства кажется аномалией, то для деревни оно становится показателем нормы, проявлением естественного миропорядка. Так, например, в рассказе «Горная идиллия» (1880) описывает Наумов алтайскую деревню, населенную теленгутами¹:

Красивее местности, окружающей О...ий улус, мне редко доводилось встречать... Улус, имеющий до семидесяти дворов, раскинулся в живописном беспорядке на высокой горе, заросшей лесом, и по уступам ее. Со всех сторон его окружают гряды гор, постепенно возвышающихся одна над другой, поросших густым черным лесом, и самые дальние из этих гряд, или, вернее, волн застывшего каменного моря, всегда почти покрыты синеватою дымкой. За последнею синеею чертою этих гор в лазурном безоблачном небе уже резко вычерчиваются снеговые вершины Алтая. <...> [14. С. 383].

...Предо мною раскинулась широкая поляна, тянувшаяся по всему протяжению горы, застроенная чистенькими одноэтажными домиками в два и три окна, обнесенными досчатыми заборами и хозяйственными пристройками. Это и был О...ский улус... не отличавшийся своим наружным видом от русской деревни [14. С. 385].

Однако эта природная гармония, эстетическое совершенство часто скрывает страшные социальные уродства. В «Горной идиллии», например, рассказчик узнает, что и приезжающие чиновники, и купцы, и даже окрестные русские крестьяне – все разоряют и спаивают инородцев, нередко доводя деревню до массового голода. На схожем контрасте построен и другой известный рассказ Наумова «Деревенский торгаш» (1872). Хотя в нем почти нет природных пейзажей, писатель также изображает гармоничную картину народного единения в преддверии храмового праздника Спаса, радостную атмосферу приготовлений к светлому дню, в которую вовлечены все без исключения:

¹ Тюркская этническая группа, один из коренных народов России.

Задолго еще до рассвета и в богатых домах, и в бедных избах обитателей села Локти проснулась в этот день жизнь, но не обыденная с ее незатейливыми требованиями, а полная предпраздничных приготовлений и хлопот. Везде мыли и выскабливали полы, лавки и подоконья, подбеливали печи и стены. Из труб клубами валит дым, разнося по селу жирный запах варившихся щей или приготовляемого студня. То на том, то на другом дворе раздавался жалобный предсмертный крик закалываемого поросенка или курицы или тревожное га-а-га-а-га избежавшего поимки гуся. Около изб на шестах, продернутых между плетней и заборов, проветривались нарядные платья и шушуны, вынимаемые из кованых сундуков только в годовые праздники.

Пологий берег речки, протекавшей за селом, тихий и пустынный в другие дни, ожил от кипевшей на нем деятельности; ярко сияли медные самовары, иконы и кресты, вычищенные для праздника квасною гущей с песком; говор и смех чистивших их женщин и девушек... визг и плескание детей, бродивших в воде с засученными на груди рубахами... [14. С. 29–30].

Основной же сюжет рассказа связан с деятельностью одного из самых ярких образов «миродов» в творчестве Наумова – торгаша по прозвищу Пегля, обирающего крестьян и наживающегося на их нужде. Социальная проблематика вообще неотделима от изображения деревни – ее можно считать ядерной в репрезентации этого концепта не только в сибирской, но и во всей русской литературе. В произведениях Наумова она представлена особенно ярко: почти каждый его рассказ обнажает какую-либо грань социальной несправедливости в жизни простого народа.

Однако несмотря на это, в интерпретации концепта «деревня» в сибирской прозе содержится и традиционный элемент идеализации. Н.А. Белова отмечает, что эта тенденция существовала в русской литературе XIX в. наряду с изображением провинции как воплощением «дикости и абсурда бытия»: провинциальное символизировало еще и «естественное, природное начало, противопоставленное испорченности, искусственности столичной жизни» [6. С. 90].

В сибирской прозе, где нет столь отчетливой оппозиции городского и деревенского топосов, эта тенденция проявляется лишь в малой степени. Так, И.В. Оммулевский в своих неоконченных «Рассказах в осенние вечера» (1883) указывает на недоверие деревенских жителей к городу, который ассоциируется у них исключительно с безнравственностью. В центре рассказа – обаятельный молодой ямщик Андроха Мальшев, который отправляется в город на заработки, чтобы скопить денег на собственную тройку. Там он «вел себя все время безукоризненно... отказываясь упорно от всяких городских соблазнов» [34]. А когда через три года он возвращается в родную деревню, «обыватели сперва было несколько косо и недоверчиво взглянули на своего... любимца: не попортил ли, мол, его город?» [34].

Наиболее же яркий пример идеализации самой деревни встречается в очерке Г.Н. Потанина «Из переписки молодых друзей» (1886). В нем он рассказывает о встрече с неким приказчиком, поведавшим о своей трудной, но увлекательной жизни: он работал на золотых приисках, на пароходе, ходил с обозами. Судьба этого человека вдохновляет рассказчика, который ранее жаловался, что, вернувшись в Сибирь после университета, не знает, как применить свои способности. Финал рассказа наполнен областническим пафосом «дела», необходимости не сидеть сложа руки, а по-настоящему трудиться на благо родного края. И идеалом для героя предстают теперь люди из народа, противопоставляемые нерешительным, слабохарактерным горожанам:

Сравни этих людей теперь с теми, с кем мы привыкли встречаться в нашем обществе. Не правда ли, какой контраст они представляют с ними, с людьми изнеженными, искателями насиженных казенных мест? Признаться сказать, эти простакки произвели на меня впечатление гигантов сравнительно с нами. Понятно, когда я воротился в город, мне всё показалось мелким, жалким, вздорным. Мне захотелось пожить жизнью трудящегося, обыкновенного человека, побывать и в деревне, и в тайге, испытать, проникнуть жизнь во всех ее направлениях... Я мечтаю пожить среди массы населения и походить хотя пешком по деревням; мне кажется, даже бодрее, свежее почувствуешь себя среди этого населения, чем среди наших городов [32].

Это любование народной жизнью продолжается и в публицистических работах областников. Особенно восхищались они укладом старообрядческих общин: в публицистических статьях Н.М. Ядринцева, например, их жители называются «трудолюбивейшим населением» [35. С. 99], «могучим и бесстрашным населением, исполненным сознания силы и своего достоинства» [36. С. 29]. Эту откровенную идеализацию К.В. Анисимов объясняет тем, что «замкнутые, обладающие невиданной для регулярного русского государства самостоятельностью поселения староверов были близки к утопическому идеалу самих сибирских “патриотов”» [37. С. 233].

Таким образом, в репрезентации концептов «город» и «деревня» в сибирской прозе можно выделить две основные тенденции. С одной стороны, при описании городского и сельского пространства сибирские писатели во многом следуют традициям «большой» русской литературы, прежде всего связанной с творчеством Н.В. Гоголя и натуральной школой. Это проявляется и в сатирическом изображении порядков в провинциальном городе, и в преобладающем социально-критическом пафосе сюжетов, связанных с жизнью деревни. Идеализация простых людей и призыв Г.Н. Потанина «походить пешком по деревням» также отчасти берет начало в идеологии народничества.

С другой стороны, в сибирской прозе обнаруживается и немало специфических черт в изображении социокультурного пространства. Это особенно заметно в интерпретации концепта «город», который будто бы не имеет ярко выраженных характеристик. Почти все писатели используют своеобразный минус-прием, актуализируя в первую очередь то, чего нет в сибирских городах. Традиционно противопоставленный деревенскому и природному пространству город в сибирской прозе парадоксально сливается и с тем, и с другим и даже отчасти «поглощается» ими. Возникает феномен города-деревни: административные центры оказываются «деревушками» в тридцать домов, а в крупных торговых селах день и ночь кипит жизнь.

Топос деревни в произведениях сибирских писателей в значительной степени амбивалентен. Это связано с наличием в смысловом поле концепта сразу двух понятий – села и деревни: если первое связано с семантикой достатка, зажиточности, развития, то второе чаще всего актуализирует образ «забытого Богом угла» и связано с обнищанием, скукой, тоской. Но одновременно в сибирской прозе заметен акцент на гармоничной связи деревенской и природной жизни. Величественные пейзажи, любование писателей мощью и красотой сибирской природы становится своеобразным идеалом, положительной доминантой в изображении трудной и скудной народной жизни в сибирской литературе.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 2. Таллин, 1992. С. 9–21.
2. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб., 2003. 616 с.
3. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. 170 с. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=8> (дата обращения: 21.08.2024).
4. Антология художественных концептов русской литературы XX века / Т.И. Васильева, Н.Л. Карпичева, В.В. Цуркан. М., 2019. 356 с. URL: <https://lit.wikireading.ru/hysSQubH1P> (дата обращения: 21.08.2024).
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2004. 992 с.
6. Белова Н.А. Концепт «город» в современном литературоведении // Вестник Югорского государственного университета. 2012. Вып. 1 (24). С. 87–91.
7. Короткова Н.В. Оформление двух моделей концепта «Провинция» в русской литературе XVIII века (на материале прозы А. Н. Радищева и Н. М. Карамзина) // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 22–32.
8. Бурмистрова Т.А. Лексическая оппозиция «город–деревня»: лексикографический аспект // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 37–40.
9. Антология концептов : в 8 т. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005.
10. Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2012. 214 с.

11. Резун Д.Я. Сибирский город XVII – первой половины XIX века как явление русской культуры // Культурологические исследования в Сибири. 2005. № 1 (15). С. 64–73. URL: <http://sfrik.omsu.ru/page.php?id=410> (дата обращения: 22.08.2024).
12. Ядринцев Н.М. Калмычка. URL: <https://поэтысибири.рф/index.php?r=поем%2Fпоем&id=162> (дата обращения: 22.08.2024).
13. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. 1 : Население. Экономика. Барнаул, 2003. 360 с.
14. Наумов Н.И. Избранное. Томск, 2014. 432 с.
15. Потанин Г.Н. Избранное. Томск, 2014. 400 с.
16. Гнюсова И.Ф. Специфика интерпрегации универсальных концептов в прозе сибирских писателей XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 157–183.
17. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь, 2000. 404 с. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=8> (дата обращения: 22.08.2024)
18. Омудевский И.В. Шаг за шагом. Новосибирск, 1960. 444 с. (Библиотека сибирского романа. Т. 7) URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1870_shag_za_shagom.shtml (дата обращения: 24.08.2024).
19. Островская Е.Р. Место рождения – Петропавловский порт (Иннокентий Васильевич Федоров-Омудевский) // «Камчатка разными народами обитаема...»: материалы XXIV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2007. С. 136–144. URL: <https://goo.su/7VjaU8> (дата обращения: 22.08.2024).
20. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. М., 1863–1866.
21. Город // Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/город> (дата обращения: 24.08.2024).
22. Омудевский И.В. Софья Бессонова // Федоров-Омудевский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_sofia_bessonova.shtml (дата обращения: 24.08.2024).
23. Ордынский А.К. Привидение на заимке. URL: <https://поэтысибири.рф/index.php?r=поем%2Fпоем&id=257> (дата обращения: 24.08.2024).
24. Смольянинов А.В. Метатекстовые признаки сборника «Сибирские рассказы» и его место в становлении литературного процесса региона второй половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 53–64.
25. Приканский А. Борода и кринолин. URL: <http://siberia.gabbe.ru/data/documents/25.Boroda-i-krinolin.docx> (дата обращения: 24.08.2024).
26. Поникаровский Д.А. Корреспонденции из газет. Мариинск и Мариинский округ // Поникаровский Д.А. Сочинения по истории земли Кузнецкой. Кемерово, 2011. 272 с.
27. Черепанов С.И. Сибирячка. URL: <https://поэтысибири.рф/index.php?r=поем%2Fпоем&id=182> (дата обращения: 24.08.2024).
28. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / автор-сост. В. Андреева. М., 2001. 576 с.
29. Наумов Н.И. Собрание сочинений : в 3 т. Новосибирск, 1939–1940.
30. Кривонос В.Ш. Гоголь: Проблемы творчества и интерпретации. М., 2020. 430 с.
31. Омудевский И.В. Попытка – не шутка // Федоров-Омудевский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_01873_popytka.shtml (дата обращения: 25.08.2024).

32. Потанин Г.Н. Рассказы // Начало века. 2020. № 3. URL: <https://журнальныймир.рф/content/rassказы-215> (дата обращения: 25.08.2024).
33. Загоскин М.В. Яблоня и яблочко. URL: <https://поэтысибири.рф/index.php?r=роем%2Фроем&id=297> (дата обращения: 25.08.2024).
34. Омудевский И.В. Рассказы в осенние вечера. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_rassказы_oldorfo.shtml (дата обращения: 25.08.2024).
35. Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Записки Зап.-Сиб. отделения Имп. Русского геогр. общества. Кн. 2. Омск, 1880. С. 1–147.
36. Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая // Сибирский сборник. 1886. Кн. 1. СПб., 1886. С. 21–47.
37. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с.

References

1. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected Articles: in 3 vols]. Vol. 2. Tallin: Aleksandra. pp. 9–21.
2. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury. Izbrannye trudy* [St. Petersburg Text of Russian Literature. Selected Works]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.
3. Mednis, N.E. (2003) *Sverkhsteksty v russkoy literature* [Supertexts in Russian Literature]. Novosibirsk: NHPU. [Online] Available from: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=8> (Accessed: 21st August 2024).
4. Vasilieva, T.I., Karpicheva, N.L. & Tsurkan, V.V. (2019) *Antologiya khudozhestvennykh kontseptov russkoy literatury XX veka* [Anthology of Artistic Concepts of Russian Literature of the 20th Century]. Moscow: Flinta. [Online] Available from: <https://lit.wikireading.ru/hysSQu6HIP> (Accessed: 21st August 2024).
5. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow: YSC.
6. Belova, N.A. (2012) Kontsept “gorod” v sovremennom literaturovedenii [The Concept of “City” in Modern Literary Criticism]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(24). pp. 87–91.
7. Korotkova, N.V. (2009) Oformlenie dvukh modeley kontsepta “Provintsiya” v russkoy literature XVIII veka (na materiale prozy A. N. Radishcheva i N. M. Karamzina) [The Formulation of Two Models of the Concept of “Province” in Russian Literature of the 18th Century (Based on the Prose of A.N. Radishchev and N.M. Karamzin)]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 22–32.
8. Burmistrova, T.A. (2013) Leksicheskaya oppozitsiya “gorod–derevnya”: leksikografi-cheskiy aspekt [Lexical opposition “city – village”: A lexicographic aspect]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 37–40.
9. Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) (2005) *Antologiya kontseptov: v 8 t.* [Anthology of concepts: in 8 vols]. Volgograd: [s.n.].
10. Goncharov, Yu.M. (2012) *Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Everyday life of Siberian townspeople in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Barnaul: Azbuka.
11. Rezun, D.Ya. (2005) *Sibirskiy gorod XVII – pervoy poloviny XIX veka kak yavlenie russkoy kul'tury* [The Siberian city of the 17th – first half of the 19th century as a

phenomenon of Russian culture]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 1(15). pp. 64–73. [Online] Available from: <http://sfrik.omsu.ru/page.php?id=410> (Accessed: 22nd August 2024).

12. Yadrintsev, N.M. (n.d.) *Kalmychka* [The Kalmyk woman]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=162> (Accessed: 22nd August 2024).

13. Skubnevskiy, V.A. & Goncharov, Yu.M. (2003) *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy po-lovine XIX – nachale XX v.* [Cities in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Vol. 1. Barnaul: Kolmogorov I.A.

14. Naumov, N.I. (2014) *Izbrannoe* [Selected Works]. Tomsk: Tomsk Writers' Organization.

15. Potanin, G.N. (2014) *Izbrannoe* [Selected Works]. Tomsk: Tomsk Writers' Organization.

16. Gnyusova, I.F. (2023) Specificity of interpretation of universal concepts in the prose of Siberian writers of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 157–183. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/86/9

17. Abashev, V.V. (2000) *Perm' kak tekst* [Perm as a Text]. Perm: [s.n.]. [Online] Available from: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=8> (Accessed: 22nd August 2024).

18. Omulevskiy, I.V. (1960) *Shag za shagom* [Step by Step]. Novosibirsk: [s.n.]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_1870_shag_za_shagom.shtml (Accessed: 24th August 2024).

19. Ostrovskaya, E.R. (2007) Mesto rozhdeniya – Petropavlovskiy port (Innokentiy Vasil'evich Fedorov-Omulevskiy) [The place of birth – the port of Petropavlovsk (Innokentiy Vasil'evich Fedorov-Omulevskiy)]. “*Kamchatka raznymi narodami obitaema...*” [“Kamchatka is inhabited by different peoples...”]. Proc. of the 24th Krashennnikov Readings. Petropavlovsk-Kamchatskiy. pp. 136–144. [Online] Available from: <https://goo.su/7BjaU8> (Accessed: 22nd August 2024).

20. Dal, V.I. (1863–1866) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 ch.* [Explanatory dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. Moscow: [s.n.].

21. Kuznetsova, S.A. (ed.) (n.d.) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/gorod> (Accessed: 24th August 2024).

22. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986a) *Proza i publiitsistika* [Prose and Journalism]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_1883_sofia_bessonova.shtml (Accessed: 24th August 2024).

23. Ordynskiy, A.K. (n.d.) *Prividenie na zaimke* [A Ghost on the Farmstead]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=257> (Accessed: 24th August 2024).

24. Smolianinov, A.V. (2022) Metatextual features of the collection Siberian Stories and its place in the formation of the literary process of the region in the second half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 53–64. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/485/6

25. Prikanskiy, A. (n.d.) *Boroda i krinolin* [Beard and Crinoline]. [Online] Available from: <http://siberia.gabbe.ru/data/documents/25.Boroda-i-krinolin.docx> (Accessed: 24th August 2024).

26. Ponikarovskiy, D.A. (2011) *Sochineniya po istorii zemli Kuznetskoy* [Works on the History of the Kuznetsk Land]. Kemerovo: INT.

27. Cherepanov, S.I. (n.d.) *Sibiryachka* [The Siberian Woman]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poe%2Fpoem&id=182> (Accessed: 24th August 2024).

28. Andreeva, V. et al. (2001) *Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem* [Encyclopedia of Symbols, Signs, Emblems]. Moscow: AST.

29. Naumov, N.I. (1939–1940) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 volumes]. Novosibirsk: Novosibirskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.

30. Krivonos, V.Sh. (2020) *Gogol': Problemy tvorchestva i interpretatsii* [Gogol: Problems of Creativity and Interpretation]. Moscow: Flinta.

31. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986b) *Proza i publiitsistika* [Prose and Journalism]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_01873_popytka.shtml (Accessed: 25th August 2024).

32. Potanin, G.N. (2020) Rassказы [Stories]. *Nachalo veka*. 3. [Online] Available from: <https://zhurnal'nyymir.rf/content/rasskazy-215> (Accessed: 25th August 2024).

33. Zagoskin, M.V. (n.d.) *Yablonya i yablochko* [An apple tree and an apple]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poe%2Fpoem&id=297> (Accessed: 25th August 2024).

34. Omulevskiy, I.V. (n.d.) *Rassказы v osennie vechera* [Stories on autumn evenings]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_rasskazy_olderfo.shtml (Accessed: 25th August 2024).

35. Yadrintsev, N.M. (1880) Poezdka po Zapadnoy Sibiri i v gornyy Altayskiy okrug [A Trip to Western Siberia and the Altai Mountain District]. *Zapiski Zap.-Sib. otdeleniya Imp. Russkogo geogr. obshchestva*. 2. pp. 1–147.

36. Yadrintsev, N.M. (1886) Raskol'nich'i obshchiny na granitse Kitaya [Schismatic communities on the Chinese border]. In: Yadrintsev, N.M. (ed.) *Sibirskiy sbornik* [Siberian Collection]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.], pp. 21–47.

37. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of Siberian literature in the 19th – early 20th centuries: The formation and development of the regional literary tradition]. Philology Dr. Diss. Tomsk.

Информация об авторе:

Гнюсова И.Ф. – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irbor2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.F. Gnyusova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.09.2024;
одобрена после рецензирования 05.10.2024; принята к публикации 31.10.2024*

*The article was submitted 25.09.2024;
approved after reviewing 05.10.2024; accepted for publication 31.10.2024*

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/23062061/36/6

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ФАНТАЗИЯ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ В ТЕОРЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К.С. ЛЬЮИСА

Анна Леонидовна Гумерова¹

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия, gratia4@yandex.ru*

Аннотация. К.С. Льюис, автор «Хроник Нарнии» и значимая фигура в развитии литературы фэнтези второй половины XX в., регулярно обращается к проблеме чтения и читательской фантазии как в своих художественных произведениях, так и в теоретико-литературных, причем он относит к отдельной группе приключенческую литературу и говорит о бескорыстной фантазии и создании миров как о жанровом признаке «сказки». Его теоретические взгляды могут быть соотнесены с проблемами в исследовании литературы фэнтези – фэнтези как массовая литература и проблема читателя в фэнтези. **Ключевые слова:** литература фэнтези, К.С. Льюис, читатель, фантазия, воображение, вымышленные миры

Для цитирования: Гумерова А.Л. Читательская фантазия как ключевое понятие в теоретико-литературных и художественных произведениях К.С. Льюиса // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 36. С. 94–107. doi: 10.17223/23062061/36/6

Original article

READER'S FANTASY AS THE KEY CONCEPT IN C. S. LEWIS' LITERARY THEORY WORKS AND FICTION

Anna L. Gumerova¹

¹ *Maxim Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, gratia4@yandex.ru*

Abstract. The article poses the problem of the relationship between the key idea of the theoretical and literary views of C.S. Lewis, a writer, scientist and theologian of the mid-twentieth century, regarding the role of the reader and the reader's imagination for a work of art and his own artistic creativity, firstly, and the development of fantasy literature in the second half of the twentieth century, secondly. The

aim of the study can be formulated as the possibility of defining fantasy literature of the second half of the twentieth century through the idea of the reader's co-creation and construction of worlds based on the theoretical views of C.S. Lewis as a scientist and an author who influenced the development of fantasy literature almost on a par with J.R.R. Tolkien, the author of *The Lord of the Rings*. Based on C.S. Lewis' articles "On Stories", "On Three Ways of Writing for Children", "Psychoanalysis and Literary Criticism", "The Meaning of Fantasies", and his famous cycle of children's fairy tales, or children's fantasy *The Chronicles of Narnia*, with elements of comparison with the later works of fantasy, the ideas of Lewis himself are determined: the role of a fascinating plot, which is typical primarily for light or adventure literature, but is necessary for reading as such; defining the boundaries of the genre within light literature itself and the related idea of disinterested fantasy; co-creation and construction of worlds as a step towards a work of fiction itself. In Lewis' *Chronicles of Narnia* the positive characters read adventure books and apply them to themselves, and the world of Narnia in some ways looks like a world of collective children's play or fantasy. One cannot help but see that, in order to illustrate his views, Lewis ignores the very principle of dividing literature into high and popular, or ancient and modern, equally turning to *Gulliver's Travels*, *The Wind in the Willows*, Coleridge's poem and Apuleius's *Metamorphoses*, and in other cases to Haggard's romances, *The Hobbit*, and *The Lord of the Rings*. The article shows that although in some cases the definition of the boundaries of the genre, which was obvious to Lewis, turned out to be irrelevant for the later fantasy literature and/or children's fairy tales, nevertheless, his other idea, the need for co-creativity and imagination to create worlds, became the key one both for his own works and for the study of fantasy literature in general. Clive Lewis, like other literary theorists of his time, foregrounds the idea of the reader, thus foreshadowing the future studies of fantasy literature.

Keywords: fantasy literature, C.S. Lewis, reader, fantasy, imagination, imaginary worlds

For citation: Gumerova, A.L. (2024) Reader's fantasy as the key concept in C. S. Lewis' literary theory works and fiction. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 36. pp. 94–107. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/36/6

Литература фэнтези в настоящее время активно исследуется и вызывает множество вопросов; в частности, одна из проблем – соотношение литературы фэнтези и массовой литературы. В статье «Эдмунд Спенсер об эльфийском этносе: ренессансные истоки современных фэнтези» Е.В. Халтрин-Халтурина пишет про «вопрос о повышении значимости жанра фэнтези в литературной иерархии», напоминая о «динамичности границ» между высокой и массовой литературой; в частности, «Толкин сыграл определяющую роль в эволюции жанра фэнтези, который пока еще относится к “массовой литературе” <...> и отвечает широко распространенным (особенно в среде молодых людей) читательским предпочтениям» [1. С. 95]. Иными словами, принадлежность фэнтези к массовой

литературе определяется в том числе по тому, что фэнтези отвечает читательским предпочтениям, и с этим нельзя не согласиться. Однако к проблеме массовой литературы – в том числе в контексте будущей литературы фэнтези – обращался в своих работах и К.С. Льюис, писатель, ученый и богослов, друг Дж.Р.Р. Толкина и один из основоположников фэнтези второй половины XX в.

Для Клайва Льюиса еще не существовал термин «фэнтези» как определение жанра, хотя он сам мог применять его к художественным произведениям, в том числе и тем, которые потом будут относить к литературе фэнтези (см. ниже). Однако само понятие «fantasy» как применительно к произведениям, так и в значении «фантазия» было для него очень значимым. На статью-манифест Дж.Р.Р. Толкина «О волшебных сказках», посвященную, в частности, идее фантазии, Клайв Льюис часто ссылается напрямую в своих эссе и письмах, однако само понятие «фантазия/fantasy» он определяет независимо от Толкина.

Так, в 1961 г. выходит в свет монография К.С. Льюиса «An Experiment in Criticism». По справедливому замечанию А.С. Косинской, в этой монографии К.С. Льюис в отношении к проблеме читателя оказывается близок к идеям рецептивной эстетики [2. С. 238] и предлагает «в качестве критерия оценки художественной ценности произведения рассматривать читательское восприятие литературного произведения» [2. С. 233].

Глава «The Meaning of Fantasy» из этого сборника открывается абзацем: «Слово *fantasy* – это и литературный, и психологический термин. Как литературный термин *fantasy* обозначает любое повествование, где речь идет о невозможном и сверхъестественном. «Старый мореход», «Гулливер», «Ветер в ивах» <...> и «Метаморфозы» Апулея – это *fantasies*. Конечно, все они отличаются друг от друга по духу и по цели. Единственное, что их объединяет – это фантастическое» ([3. Р. 50]. Перевод здесь и далее мой. – А.Г.). Замечу, что адекватный перевод данного фрагмента на русский язык был бы несколько затруднен, так как слово *fantasy* действительно может переводиться и как «фантастическая литература/литература фэнтези», и как «фантазия».

Вся глава посвящена преимущественно психологическому феномену фантазирования как значимому свойству читателя; К.С. Льюис выделяет разные типы человеческих фантазий, в том числе «сны наяву», в которых человек воображает себя знаменитостью, потерянным ребенком известного человека и т.д., причем сам процесс фантазии называет *castle-building*, строительство воздушных замков [3. Р. 51–53]. Так, он проводит границу между эгоистичным и бескорыстным (*disinterested*) строительством воздушных замков: если в первом случае человек воображает себя

главным героем и мечтает о своих достижениях, то во втором случае он не главный герой и даже может не присутствовать в своих фантазиях; интересно, что здесь Льюис говорит не столько даже о приключениях, сколько о месте или мире. Его бескорыстный мечтатель воображает себе Альпы, сосредотачиваясь на самих горах, а не на своих приключениях в горах; сам Льюис, по его словам, представляет себе вымышленные пейзажи, но не оказывается там даже как исследователь; он наблюдает их со стороны [3. Р. 52]. Следующим шагом такого фантазирования Льюис называет то, что делают дети, «обычно в сотрудничестве»: создание вымышленных миров; и затем, когда появляется необходимость описывать действия персонажей, возникает собственно художественное творчество. Иными словами, бескорыстное фантазирование, которое становится основой хорошего художественного произведения, для Льюиса напрямую связано с созданием мира [3. Р. 52–53]. Заметим эту необходимость создания вымышленных миров «в сотрудничестве». В работе «Феномен творчества в сетевой литературе (на примере форумных ролевых игр)» исследовательница творчества Дж.Р.Р. Толкина и литературы фэнтези О.С. Наумчик со ссылкой на известное письмо Дж.Р.Р. Толкина Милтону Уолдмену от 1951 г. справедливо отмечает высокую роль творчества для конструирования авторских миров и показывает, что этого же мнения придерживался и сам Толкин [4. С. 352]. Как можно видеть, К.С. Льюис вполне разделял эту идею Дж.Р.Р. Толкина.

«Хроники Нарнии» Клайва Льюиса, в которых идет речь о приключениях детей в таком вымышленном мире, действительно в части устройства страны и приключений детей напоминают скорее детскую игру; в большинстве случаев персонажи Льюиса попадают в Нарнию тогда, когда – в том случае, если бы это было реалистическое произведение – дети могли бы играть в приключения в волшебной стране: это может быть жизнь в чужом доме в тревожное время («Лев, Колдунья и платяной шкаф»), или поездка в неприятную школу («Принц Каспиан»), или жизнь в такой школе («Серебряное кресло»), или же просто игра во дворе («Племянник чародея»). Почти во всех случаях, кроме отдельных эпизодов, дети участвуют в приключениях не поодиночке, а вдвоем, втроем или вчетвером – это можно назвать сотрудничеством. Причем наряду со многими свойствами положительных персонажей, такими как смелость, благородство, самоотверженность, умение трудиться и вносить свой вклад в общее дело, одним из свойств положительных персонажей в мире «Хроник Нарнии», как, замечу, и в других произведениях К.С. Льюиса, называется чтение правильных книг [5. С. 156]. Многие книги из круга детского чтения присутствуют имплицитно – то есть дети говорят о том, что

они знают, но можно догадаться, что узнали они об этом именно из книг. По описанию книг понятно, что речь идет о приключенческой литературе; эти книги помогают им в том числе ориентироваться в Нарнии, устроенной по законам такой же литературы. Так, Питер вспоминает о том, что в книгах, которые он читал, «малиновки – добрые птицы» [6. С. 44], Эдмунд и Люси вспоминают об отшельниках, странствующих рыцарях и других подобных людях, которые могли выжить в лесу, питаясь кореньями и ягодами [6. С. 224], Джил, думая о возможности попасть в Нарнию, говорит: «Может, надо начертить на земле круг... и написать в нем таинственные буквы... и стать в него... и сказать волшебные слова» [7. С. 12]. Юстэс сперва не читает такие книги. «Любил он и книги, но лишь такие, где много таблиц и на картинках изображены машины или толстоватые дети, занимающиеся гимнастикой» [6. С. 348]. Более того, как мы узнаем в дальнейшем, «он никогда не читал ни одной приличной книги и понятия не имел, как коротко и ясно рассказывать о таких вещах» [6. С. 396], т.е. о том, как его превратили в дракона. Заметим, предполагается, что чтение приличных книг помогло бы ему в этом случае.

Один из самых интересных эпизодов, посвященных детскому чтению внутри «Хроник Нарнии», представляет собой своего рода детское сотрудничество в конструировании ситуации, построенное на основе прочитанных книг. В начале «Племянника чародея» говорится: «В те дни Шерлок Холмс еще жил на Бэйкер-стрит, а Бэстейблы искали сокровище на Льюишэм-роуд» ([8. Р. 1]. Перевод цитаты мой. – А.Г.) – но не «когда писали Конан Дойл и Эдит Несбит». Иными словами, действие книги сразу дается нам как происходящее в вымышленном, книжном мире. Гадая, с чем может быть связана тайна дядиной мансарды в доме, где живет Дигори, дети перебирают сюжеты из книг, которые, как можно понять из их диалога, читали они оба; тайна мансарды представляется для них абсолютно литературной:

- Может быть, он там держит сумасшедшую жену?
- Да, я тоже подумал.
- А может, он печатает деньги?
- А может, он пират, как в «Острове сокровищ», и прячется от прежних друзей... [7. С. 127].

Можно предположить, что в первой реплике Полли подразумевается «Джен Эйр», во второй – «Палец инженера» Конан Дойла (в котором тоже речь идет о запретном помещении); а Дигори, что вполне соответствует его характеру, вспоминает книгу о пиратах.

Итак, мир Нарнии предстает перед нами не просто миром детской игры, а миром детской фантазии по мотивам прочитанных книг.

В теоретико-литературных работах К.С. Льюиса постоянно повторяется тема двух вариантов фантазии – эгоистичного и бескорыстного. Эта тема, тема фантазий для удовольствия, удовлетворения желаний, по большей части низменных, хотя бы в фантазиях, появляется у К.С. Льюиса и в статье «Психоанализ и литература». Критикуя психоаналитический подход к литературе, Льюис отмечает: «...все искусство возводится к фантазиям. Это “сны наяву” в которых пробуждаются желания художника. Художник хочет “почестей, власти, богатства, славы и любви женщин”, но, будучи не способным получить это, он делает все возможное, измысливая их так, чтобы претендовать на них в своем вымысле» [9. С. 277]. В качестве полемики с таким отношением к творчеству Льюис говорит о своем любимом «сне наяву» об «одетых мышах» (его любимой детской игре, как можно судить по автобиографии «Настигнут радостью»): «Я вижу все тот же маленький городок с мостом через реку и кораблями на пристани <...> но все дело в том, что меня там нет. Не скрою, после того, как сон полностью мной овладел, я все больше и больше мечтаю найти этот город и побывать в нем. Но это так потому, что воображаемый мною город сам по себе излучает красоту и очарование <...> я не намерен в нем прославиться или взять в жены мышиную принцессу» [9. С. 279]. Заметим сходство и противопоставление между двумя вариантами чтения или двумя вариантами снов наяву, которое появляется и здесь, и в более поздней монографии Льюиса. Сходство в желании увидеть этот город, которое есть при любом типе фантазии; различие в желании получить или не получить в нем что-то для себя. Однако если в этой статье желание получить что-то для себя еще не служит для Льюиса жанроопределяющим признаком, то в главе «О реализме», следующей после главы «О значении фантазии» в уже упомянутой монографии «Experiment in Criticism», он проводит границу между литературными жанрами (подразумеваемая преимущественно легкие жанры) именно по этому критерию: «У откровенно романтической литературы гораздо меньше возможностей обманывать, чем у того, что кажется реалистичным. Признанная *fantasy* (*admitted fantasy*) – это именно такая литература, которая вообще никогда никого не обманывает. Дети не обманываются, читая сказки; зато постоянно и всерьез обманываются школьными повестями. Взрослые не обманываются научной фантастикой; они могут обманываться историями в женских журналах» [3. Р. 67–68]. Здесь Льюис соотносит романтическую литературу, сказки и научную фантастику, фактически объединяя их под названием *fantasy*, и противопоставляет такую литературу тоже

массовой, но условно-реалистичной литературе – школьным повестям, написанным по определенным законам, и «историям в женских журналах».

О противопоставлении сказок и школьных рассказов Льюис подробно пишет и в статье «Три способа писать для детей»:

Давайте положим книгу сказок рядом с книгой про школу либо еще какой-нибудь, на которой стоит пометка «Книга для мальчиков» или «Книга для девочек». Конечно, и та и другая рожают в нас желания. Нам хочется пройти сквозь зеркало и очутиться в сказочной стране. Нам также хочется греметь своими талантами на всю школу, разоблачить шпионов, объездить лошадь, которая никого к себе не подпускала. Но как различны эти желания! Во втором случае, особенно если речь идет о чем-то столь близком, как школа, желание наше ненасытно и смертельно опасно <...>. Мы видели себя объектом восхищения и радовались только этому. Мы льстили своему эго. Чудесная страна – совсем иное. Ребенок, в общем-то, не стремится в сказку так же, как жаждет прослыть героем среди друзей. Неужели вы думаете, что он на самом деле мечтает о всех трудностях и опасностях сказочной страны? Мечтает, чтоб по соседству жили драконы? Нет [7. С. 399].

Интересно, что эта тема – желания как основы «волшебной сказки» и одновременно невозможности мечтать о трудностях и опасностях сказочного мира – появляется и у Дж.Р.Р. Толкина в статье «О волшебных сказках»:

Волшебные сказки со всей очевидностью имеют дело в первую очередь не с вероятностью, а с желательностью. Если сказки пробудили желание (в оригинале здесь стоит слово *desire*. – А.Г.) и уголяют его, при том, что порою обостряют до непереносимого предела, – они удались. <...> Эти земли были несказанно желанны. Я ни на миг не думал, что дракон – существо того же порядка, что и конь. <...> Фантазия, создающая или смутно прозревающая Иные Миры, – это самая суть жажды Фаэри. Я жаждал драконов неутолимой жадой. Разумеется, я, по своей телесной робости, вовсе не хотел, чтобы драконы поселились по соседству и вторгались в мой относительно безопасный мир, в котором возможно, например, спокойно и мирно почитать себе книги, не испытывая ни малейшего страха [10. С. 142].

Очевидно, Льюис в своей статье «Три способа писать для детей» напрямую опирается на статью «О Волшебных сказках». В обеих работах мы видим образ читателя – того, кто воспринимает; того, кто мог бы желать уйти в сказку или не желать того, чтобы драконы поселились по соседству.

Таким образом, по мнению К.С. Льюиса, резко разделены истории о школе и истории о сказочной стране, и, по его мнению, фантазировать о

том, чтобы реально оказаться в волшебной стране, невозможно. Это тем более значимо, что в его же собственных «Хрониках Нарнии» дети из нашего мира уходят в Волшебную страну и переживают там приключения, и при этом в «Серебряном кресле» в Нарнии оказывается девочка Джил, которой плохо в школе. Эта же сказка заканчивается тем, что благодаря комическому эпизоду, в котором Аслан показывается директору школы, а герои наказывают злых детей, «школа из экспериментальной стала просто хорошей» [6. С. 10].

Замечу, что этими словами заканчивается «школьный» финал произведения – в итоге всего произошедшего с Джил и Юстэс в Нарнии школа стала хорошей. Интересно, что здесь перед читателями единственный пример из всех «Хроник Нарнии», в котором под благим влиянием Нарнии происходит нечто хорошее в нашем мире. Ни словом не упомянуто, что Джил и Юстэс становятся популярными или что с ними все хотят дружить, или что все, кто обижал Джил, раскаиваются; тем более что нет ничего подобного в других книгах. Иными словами, некоторое сходство «Серебряного кресла» со школьными повестями, книгами «исполнения желаний», действительно можно найти: непопулярная в начале книги девочка проходит ряд приключений, чтобы найти пропавшего принца (замечу, впрочем, что в самой книге дети проигрывают почти все испытания, не совершая ни единого подвига, кроме как последнего во имя Аслана), возвращается в школу, злодеи наказаны, и школа становится хорошей; однако не появляется момента личного успеха – их не носят на руках и никто в школе не знает, кто и каким образом победил директора и школьных хулиганов.

Однако даже если позиция К.С. Льюиса в статье «Три способа писать для детей» совпадает с тем, что проявлено в его сказках, – и в целом для его творчества характерно такое единство, то при попытке применить эту мысль к литературе фэнтези второй половины XX в. она легко опровергается многими примерами. Так, сказка Михаэля Энде «Бесконечная история» / «Бесконечная книга» построена на стремлении главного героя, которого обижают в школе, уйти в сказку и стать героем страны Фантазии, причем в итоге мальчик тоже, как и герои К.С. Льюиса, не выдерживает испытаний, но все-таки его целью оказывается возможность принести в реальный мир любовь к своему отцу. Для Льюиса фантастическая, сказочная и романтическая литература по умолчанию более бескорыстна, чем реалистическая, а ребенок по умолчанию не хочет исполнить свои желания, читая фантастическую литературу, однако мы видим, что в саге Дж. Роулинг «Гарри Поттер», независимо от того, назовем ли мы это произведение сказкой или фэнтези, главный герой делает все то, что Льюис

называл в статье «Три способа писать для детей» свойством нелюбимой им школьной литературы: становится известен во всей школе, объезжает гиппогрифа и фестрала, побеждает в Турнире Трех волшебников.

Поэтому можно уверенно сказать, что даже если Льюис справедливо оценивал современную ему фантастическую литературу и литературу прежних времен, мы имеем дело с радикальным изменением в фэнтези, которое произошло уже во второй половине XX в. В частности, детская фантастическая литература, как мы видим, соединилась с «литературой воплощения честолюбивых грез»: та часть литературы фэнтези, которая может быть одновременно отнесена и к массовой литературе, построена для «фантазий», о которых говорил Льюис в главе «The Meaning of Fantasies» книги «Experiment in Criticism», о которой речь уже шла выше: «приятная конструкция воображения <...> без смешения с реальностью. Сны наяву, известные всем мечтателям, о военных или любовных подвигах, о власти и величии или просто о популярности, которые повторяются из года в год» [3. Р. 52]. Тем интереснее, что для Льюиса-исследователя это однозначно не должно было становиться основой для хорошей приключенческой литературы: идет ли речь о его личном восприятии фантазирования или же об изменении в книгах о «чудесной стране», которое произошло уже после 60-х гг. XX в., трудно говорить.

Однако из теоретико-литературных работ К.С. Льюиса, посвященных проблеме story, это понятие, по его мнению, должно осознаваться как ключевое для художественной литературы – можно заметить, что Льюис словно намеренно не отличает массовую литературу от высокой. В частности, об этом он говорит в статье «On Stories», напечатанной в том же сборнике «Essays Presented to Charles Williams», что и статья Толкина «О волшебных сказках».

Основная тема статьи Льюиса – ведущая в определенном смысле роль художественного story для читательского восприятия литературного произведения, в отличие от прочих компонентов произведения:

Удивительно, как мало внимания уделяют критики «истории» самой по себе. Стиль повествования, композиция эпизодов, даже (в основном) описание персонажей обсуждаются более чем достаточно. Но саму по себе Историю – серию воображаемых событий – зачастую просто обходят молчанием или используют как удобный повод для описания персонажей. <...> из этого следует забавный вывод. Те произведения, в которых История нужна лишь как средство для изображения чего-то другого – например, в романе нравов, для изображения персонажей или состояния общества, считаются подходящими для исследования; на те же произведения, где все остальное нужно для Истории, обращают меньше внимания» ([11. Р. 92]. Здесь и ниже перевод цитаты мой. – А.Г.).

В этом эссе Льюис неоднократно подчеркивает, что ему наиболее интересны книги, «которые просто истории – книги, которые посвящены главным образом воображаемым событиям, а не персонажам или обществу» [11. Р. 93]. Здесь же он говорит не только о самой литературе, но и о рецепции художественного произведения. Так, он говорит о двух возможных подходах к чтению приключенческой литературы, литературы, для которой первична story – чтение ради опасных приключений и чтение ради атмосферы, сравнивая свой читательский опыт с опытом чтения знакомого ему школьника:

Я хотел не эпизодической тревоги, но всего мира, к которой она принадлежала, со снегом и снегоступами, бобрами и каноэ, тропами войны и вигвамами, и именами из «Гайаваты». <...> Школьник <...> сразу понял, насколько наше с ним воображение, когда мы были мальчиками, не совпадало. Он ответил, что все это ничего не значило для него. Он бы, пожалуй, предпочел краснокожим обычные приключения бандита с револьвером [11. Р. 91].

В главе «On Myth» из уже упомянутого сборника «Experiment in Criticism» возникает схожий сюжет, где Льюис уточняет эту мысль. Говоря на этот раз о Хаггарде, Льюис проводит разделение между двумя способами чтений – ради «мифа» и «ради опасных приключений»:

Если вы увидите двух мальчиков, читающих его (Хаггарда) романы, не подумайте, что они переживают схожий опыт. Один ищет только опасных приключений для героев, а другой чувствует «благоговейный трепет». Один из любопытства торопится к концу книги, другой замирает в удивлении. <...> Читая Хаббарда, он чувствует: «Я (курсив автора. – А.Г.) не могу освободиться. Это никогда не покинет меня. Эти образы пустили корни в глубину моего сознания» [3. Р. 48–49].

Миф, проявляющийся, по словам Льюиса, при чтении Хаггарда, выступает здесь своего рода синонимом вовлечения читателя в мир книги – такого вовлечения, которое не дает читателю возможности освободиться от авторских образов и, видимо, авторского мира. Таким образом, мы возвращаемся к идее читательского сотворчества и фантазии.

Из статьи «Три способа писать для детей» мы видим, что Льюис выделяет в отдельную группу литературу, которая обслуживает эгоистичные интересы читателя (позволяет ему вообразить себя героем); однако и детская, и приключенческая литература может, по мнению Льюиса, быть литературой, которую можно читать ради полного погружения в мир, а не ради своего удовольствия – здесь Льюис называет, например, Хаггарда. И, с другой стороны, среди хорошей литературы, которую

Льюис в различных статьях приводит в пример, литературы, по умолчанию подходящей для правильного чтения, то есть погружения в художественный мир или в миф, есть и «Колодец на краю света» Уильяма Морриса [11. Р. 103], и «Путешествие Гулливера» Свифта [3. Р. 50], и романы Хаггарда [3. Р. 98] и фантастика Уэллса [11. Р. 96–97]. Таким образом, соотнесение литературы фэнтези с массовой литературой почти неизбежно, но не является исключительным признаком.

И это выводит нас на тему читателя; тему, которая, по словам ряда исследователей, в первую очередь соотносится с легкой литературой.

В статье «О чтении» Ролан Барт пишет о возможности включения читательского восприятия в анализ текста: «Один из способов приобщить читателя к теории Повествования и вообще к Поэтике заключается, по видимому, в том, чтобы рассматривать его самого как занимающего некоторую точку зрения (или несколько точек зрения подряд); иначе говоря, рассматривать читателя как персонажа, превращать его в одного из персонажей (даже не обязательно привилегированного) повествования и/или Текста» [12. С. 487–498]. Барт не говорит о специфических жанрах, которыми мог бы быть свойствен такой подход – можно с уверенностью говорить, что для него такое вовлекающее отношение к читателю, как и для Льюиса немного ранее, является возможным свойством чтения любой литературы, а не только массовой.

В различных исследованиях говорится об ориентации на читателя как о признаке массовой литературы. Так, Лотман пишет о востребованности массовой литературы с позиции читателя: «Читатель хотел бы, чтобы его автор был гением, но при этом он же хотел бы, чтобы произведения этого автора были понятными» [13. С. 23]. Интересны слова Тынянова об особой востребованности читателя в определенные периоды литературного процесса: «Когда литературе трудно, начинают говорить о читателе. Когда нужно перестроить голос, говорят о резонансе. Этот путь иногда удается – читатель, введенный в литературу, оказывается тем литературным двигателем, которого только и недоставало для того, чтобы сдвинуть слово с мертвой точки» [14. С. 418]. Нельзя не заметить, что о тяжелом состоянии литературы или же о некоторых тупиках в восприятии литературы в своих работах говорит и Льюис.

Таким образом, вполне естественно отнесение литературы фэнтези к легкой или массовой литературе; более того, как мы можем видеть, К.С. Льюис в своих теоретико-литературных работах и «Хрониках Нарнии» именно в приключенческой литературе видел преимущества для читателей, и этот взгляд соответствует литературному процессу; схожее отношение к читателю появляется в близкое к К.С. Льюису время у

теоретиков литературы, не имеющих прямого или исключительного отношения к изучению фантастической литературы. Ряд представлений Льюиса о «сказочной» литературе не оправдался в развитии литературы фэнтези второй половины XX в.; однако необходимость читательского вовлечения и сотворчества оказалась ключевой для литературы фэнтези.

Список источников

1. Халтрин-Халтурина Е.В. Эдмунд Спенсер об эльфийском этносе: ренессансные истоки современных фэнтези // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79, № 3. С. 87–98.
2. Косинская А.С. Рецептивная эстетика Клайва Стейнла Льюиса (к вопросу о критерии художественности) // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXII Кирилло-Мефодиевские чтения. М. : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. С. 233–238.
3. Lewis C.S. *An Experiment in Criticism*. Cambridge University Press, 1965. 133 p.
4. Наумчик О.С. Феномен сотворчества в сетевой литературе (на примере форумных ролевых игр) // Национально-культурные коды мировой литературы в контексте аудиовизуальных практик искусства. Нижний Новгород : Издатель А.В. Щепинский, 2022. С. 351–357.
5. Дэвис Б. Тотальное преобразование: нравственное образование и встреча с Асланом // Хроники Нарнии и философия / пер. с англ. И. Блех. М. : Эксмо, 2011. С. 153–170.
6. Льюис К.С. Лев, Колдунья и платяной шкаф. Конь и его мальчик. Принц Каспиан. «Покоритель Зари», или плавание на край света // Собр. соч.: в 8 т. Т. 5 / пер. с англ: Г. Островская, Н. Трауберг и др. М.: Фонд о. Александра Меня; СПб.: Библия для всех, 1999. 480 с.
7. Льюис К.С. Серебряное кресло. Племянник Чародея. Последняя битва. Письма детям. Статьи о Нарнии. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6 / пер. с англ: Н. Трауберг и др. М.: Фонд о. Александра Меня; СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 2000. 432 с.
8. Lewis C.S. *The Magician's Nephew*. New York: Macmillan, 1966. 166 p.
9. Льюис К.С. Психоанализ и литературная критика // Льюис К.С. Пока мы лиц не обрели. Статьи, выступления, интервью. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2 / пер. с англ. И. Кормильцев и др. М. : Виноград, 1998. С. 277–292.
10. Толкин Дж.Р.Р. О волшебных сказках // Толкин Дж.Р.Р. Чудовища и критики и другие статьи. М. : АСТ, 2018. С. 151–221.
11. Lewis C.S. *On stories* // Essays Presented to Charles Williams. London : Oxford University Press, 1947. P. 90–105.
12. Барт Р. О чтении // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 489–503.
13. Лотман Ю.М. Постепенный процесс // Культура и взрыв. М. : Гнозис, 1992. С. 17–24.
14. Тынянов Ю.Н. Промежуток // Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция. Избранные труды. М. : Аграф, 2002. С. 415–454.

References

1. Khaltrin-Khalturina, E.V. (2020) Edmund Spenser ob el'fyiskom etnose: renessan-snye istoki sovremennykh fentezi [Edmund Spenser on the Elfin race: Some Renaissance sources of contemporary fantasy]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 79(3). pp. 87–98.
2. Kosinskaya, A.S. (2021) Retseptivnaya estetika Klayva Steyplza L'yuisa (k voprosu o kriterii khudozhestvennosti) [Clive Staples Lewis's receptive aesthetics (on the criteria of literary artistic merits)]. *Slavyanskaya kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeystvie* [Slavic Culture: Origins, Traditions, Interaction]. Proc. of the 22nd Cyril and Methodius Readings. Moscow: The A.S. Pushkin State Institute of Russian Language.
3. Lewis, C.S. (1965) *An Experiment in Criticism*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Naumchik, O.S. (2022) Fenomen sotvorchestva v setevoy literature (na primere forumnykh roleyvkh igr) [The phenomenon of co-creation in online literature (a case study of forum role-playing games)]. In: Sharypina, T.A. et al. *Natsional'no-kul'turnye kody mirovoy literatury v kontekste audiovizual'nykh praktik iskusstva* [National and Cultural Codes of World Literature in the Context of Audiovisual Practices of Art]. Nizhniy Novgorod: A.V. Shchepinskiy. pp. 351–357.
5. Davis, B. (2011) Total'noe preobrazhenie: nravstvennoe obrazovanie i vstrecha s Aslanom [An extreme makeover: Moral development and the encounter with Aslan]. In: Bassham, G. & Walls, J.L. (eds) *Khroniki Narnii i filosofiya* [The Chronicles of Narnia and Philosophy]. Translated from English by I. Blekh. Moscow: Eksmo. pp. 153–170.
6. Lewis, C.S. (1999) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works]. Vol. 5. Translated from English by G. Ostrovskaya, N. Trauberg. Moscow: Fond o. Aleksandra Menya; St. Petersburg: Bibliya dlya vseh.
7. Lewis, C.S. (2000) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works]. Vol. 6. Translated from English by G. Ostrovskaya, N. Trauberg. Moscow: Fond o. Aleksandra Menya; St. Petersburg: Bibliya dlya vseh.
8. Lewis, C.S. (1966) *The Magician's Nephew*. New York: Macmillan.
9. Lewis, C.S. (1999) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works]. Vol. 2. Translated from English by I. Kormiltsev et al. Moscow: Vinograd. pp. 277–292.
10. Tolkien, J.R.R. (2018). *Chudovishcha i kritiki i drugie stat'i* [The Monsters and the Critics, and Other Essays]. Translated from English. Moscow: AST. pp. 151–221.
11. Lewis, C.S. (1947) *On Stories. Essays Presented to Charles Williams*. London: Oxford University Press. pp. 90–105.
12. Barthes, R. (2003) *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [Fashion system. Articles on semiotics of culture]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Sabashnikov. pp. 489–503.
13. Lotman, Yu.M. (1992) *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow: Gnozis. pp. 17–24.
14. Tynianov, Yu.N. (2002) *Literaturnaya evolyutsiya. Izbrannye trudy* [Literary Evolution. Selected Works]. Moscow: Agraf. pp. 415–454.

Информация об авторе:

Гумерова А.Л. – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: gratia4@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.L. Gumerova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Maxim Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: gratia4@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.09.2023;
одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 31.10.2024*

*The article was submitted 15.09.2023;
approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 31.10.2024*

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

Научная статья

УДК 655-57

doi: 10.17223/23062061/36/7

ИЗДАНИЕ СКАЗОК Ш. ПЕРРО ДЛЯ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ

Мария Ивановна Кицану¹, Татьяна Георгиевна Куприянова²

^{1, 2} *Московский государственный автономный политехнический университет,
Москва, Россия*

¹ *m.kicanu@mospolytech.ru*

² *tkuprian@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена благотворительным издательским проектам для детей с нарушением зрения. Рассматриваются виды изданий сказок: книжка-игра, книжка-сундучок, книжка-театр, книжка с озвучкой, восполняющих недостаток таких изданий на книжном рынке. Отмечена специфика их изготовления, степень соответствия оригинальному тексту, полноты предметного отображения содержания сказки в иллюстрациях. Подчеркнуто значение технических средств повышения культуры восприятия и перспектив совершенствования технологии донесения информации за счет искусственного интеллекта, расширяющего познавательные границы.

Ключевые слова: сказки, издания, текст, иллюстрации, чтение, благотворительность, искусственный интеллект

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта им. В.Е. Фортова на поддержку лучших молодежных научных проектов Московского политеха «Навигатор в мире книг для слабовидящих детей».

Для цитирования: Кицану М.И., Куприянова Т.Г. Издание сказок Ш. Перро для детей с нарушением зрения // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 36. С. 108–117. doi: 10.17223/23062061/36/7

BOOK PUBLISHING

Original article

PUBLISHING CHARLES PERRAULT'S FAIRY TALES FOR CHILDREN WITH VISUAL IMPAIRMENTS

Marija I. Kitsanu¹, Tatjana G. Kupriyanova²

^{1, 2} *Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation*

¹ *m.kicanu@mospolytech.ru*

² *tkuprian@mail.ru*

Abstract. The article discusses charitable publishing projects for visually impaired children. The types of publications of fairy tales (a book-game, a book-chest, a book-theater, a book with voice acting) that make up for the lack of such publications in the book market are considered. The specificity of their production, the degree of correspondence to the original text, the completeness of the subject representation of the fairy tale content in illustrations are noted. The importance of technical means of increasing the culture of perception and the prospects for improving the technology of delivering information through artificial intelligence, which expands cognitive boundaries, is emphasized.

Keywords: fairy tales, publications, text, illustrations, reading, charity, artificial intelligence

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the V.E. Fortov grant to support the best youth scientific projects of the Moscow Polytechnic University.

For citation: Kitsanu, M.I. & Kupriyanova, T.G. (2024) Publishing Charles Perrault's fairy tales for children with visual impairments. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 36. pp. 108–117. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/36/7

На современном рынке книжных изданий сформировались нишевые сегменты, к числу которых можно отнести издания для детей с нарушениями зрения. В России в настоящее время учтено более 150 тысяч детей с отклонениями по зрению в возрасте до 14 лет. Эти дети частично ограничены или полностью лишены возможности зрительного восприятия, что неизбежно отражается на их читательских способностях. Вопросу их социализации уделяется внимание со стороны различных организаций, но они слабо взаимодействуют с издательствами. Издательства также не находят в этой аудиторной группе не только коммерческого, но и имид-

жевого потенциала. Актуализация в издательской деятельности проблемы чтения детей с ограниченными возможностями здоровья по зрению предопределила цель исследования – определение роли благотворительных проектов в издании сказочной литературы.

Издания для детей с ограниченными возможностями чтения выпускают в основном крупные издательства, имеющие для этого финансовые возможности. Сказки Шарля Перро на протяжении последних десяти лет издавались в «Эксмо» – «Спящая красавица» (2014), в издательстве «Стрекоза» – «Кот в сапогах» (2020). Издательство «Росмэн» неоднократно издавало сказки Перро в виде книжек-панорам, книжек, напечатанных крупным шрифтом, на плотном картоне с вырубкой. В 2021 г. издательство «Росмэн» выпустило в свет сказку «Красная шапочка» с помещенными на пяти разворотах объемными изображениями.

Для развития творческих способностей ребенка издатели предлагают книжки с наклейками, книжки-раскраски (издательство «Стрекоза»), книжки-мозаики (издательство «Эгмонт»), книжки с двигающимися картинками (издательство «Дрофа»). Кросс-медийная платформа «Эгмонт Россия» создает издания, представляющие соединение книги и гаджета. В комплект игрового издания «Книга-игра» входят ручка с закачанным контентом небольшого объема и USB кабель для соединения с компьютером.

Издания для детей с ограниченными возможностями чтения способствуют формированию предметных представлений, социализации и культурной идентификации личности. Чтение для ребенка с ограниченными возможностями является важным ключом к интеллектуальному развитию. Большой вклад в обеспечение книгами детей с ОВЗ вносит благотворительный фонд «Иллюстрированные книжки для маленьких слепых детей», действующий с 1994 г. За время существования Фонда было выпущено более 160 наименований книг для слабовидящих и слепых детей от 3 до 7 лет. Книги Фонда нацелены на развитие и адаптацию детей в окружающем предметном мире. Тираж изданных книг, более 150 000 комплектов, распространяется на безвозмездной основе за счет средств спонсоров по библиотекам и специализированным школам. Книги в качестве подарка получают дети на различных мероприятиях, связанных с литературой и чтением.

Начиная с 2010 г. реализуется программа «Книга – подарок» от имени мэра Москвы как образец долговременной помощи Фонду в создании книг о знаменательных событиях («Бородино», «Гимн России в детских рисунках», «Песни Победы в детских рисунках»); о достопримечательностях города («Большой театр», «Останкинская телебашня», «Московский планетарий», «Московский цирк» и др.). Эти книги представляют собой

комплекты, включающие текст, рельефные изображения, обложку-панораму, и нацелены на развитие когнитивных способностей ребенка, его социализацию, более глубокое погружение в мир чтения.

В 2019 г. Фонд был награжден Почетной грамотой Правительства Москвы «За издание и распространение социально ориентированной печатной продукции для детей с особыми образовательными потребностями». В 2020 г. Фонд стал победителем конкурса «Ревизор» за создание тактильных книг в номинации «Инновационный книжный проект» [1].

Основной репертуар благотворительного фонда «Иллюстрированные книжки для маленьких слепых детей» составляют сказки и стихи, а также развивающие и обучающие комплекты – сложно-конструктивные, с полисенсорным управлением, электронным читающим карандашом. Его еще называют «говорящий» или «волшебный» карандаш, который при наведении на объект озвучивает текст или воспроизводит музыку. С помощью этого устройства ребенок может лучше усвоить информацию, причем сделать это самостоятельно, что имеет адаптивный эффект. Рельефно-графические изображения, воспроизводимые с помощью технологии PIAF (Pictures In A Flash), считываются кончиками пальцев. Книги, кроме текста, содержат трехмерный игровой набор, панорамную твердую обложку для театрализованного представления и методические рекомендации для занятий чтением с ребенком. Сказка для ребенка младшего возраста знакомит с предметами быта, окружающей средой, обстановкой, укладом жизни и в то же время несет в себе воспитательный заряд. В сказке всегда заложен нравоучительный смысл.

Сказки Ш. Перро издавались в нашей стране регулярно. В период с 1918 по 1991 г. вышло 254 издания сказок Шарля Перро, из них 174 названия – отдельными изданиями. Не все сказки приобрели столь большую популярность, как «Красная шапочка», издававшаяся 54 раза, или «Кот в сапогах», издававшийся 46 раз [2. С. 4–10]. За годы деятельности благотворительного фонда «Иллюстрированные книжки для маленьких слепых детей» сказки Ш. Перро издавались четыре раза.

Сказка «Красная шапочка» [3], изданная в 1999 г., представляет собой книгу-театр, где объемные изображения, размещенные на нескольких разворотах, подобраны таким образом, чтобы при минимальной загруженности страницы они несли наибольшую смысловую нагрузку. Текст для чтения содержится в буклете с кратким изложением содержания. В книге форматом 20×20 см 6 разворотов (12 страниц), основное поле которых занимают иллюстрации. Их сопровождает текст, расположенный на плашках (печатная форма со сплошной печатающей поверхностью), в котором дается пояснение, почему девочку зовут Красная шапочка. Далее

повествуется о том, как волк обманным путем проник к бабушке в дом и проглотил ее. Ребенку трудно представить размеры волка и бабушки, поэтому художник решил эту проблему, изобразив волка большим, а бабушку маленькой. Ребенок, проведя пальчиками по контуру изображения, может это понять. Кульминация сюжета – на развороте, где девочка, несмотря на проявленное недоверие, приняла волка за бабушку и, как следствие, была им проглочена. Интересно, что автор употребляет слово «проглочена», а не съедена, что позволяет в финале спастись и бабушке, и внучке. Сцена чудесного спасения показана на последнем развороте, где главные героини изображены на фоне природной идиллии с птичками, зверушками, буйством растений и ярким солнцем. Справа крупным планом изображена массивная запертая дверь. Ребенок нащупывает контур двери и осознает ее размер, створки, замок. Взрослый человек, читающий сказку ребенку, должен пояснить, что запертая дверь символизирует безопасность. Сказка не только погружает ребенка в сказочный мир, но и предупреждает об опасностях, с которыми можно столкнуться в жизни.

Сказка «Спящая красавица» вышла в свет в Фонде в 2002 г. в рамках программы «Книга в подарок», которая действует до настоящего времени. Книга форматом 25×25 см имеет 7 разворотов, в последний из них встроен чип, воспроизводящий музыку в знак счастливого окончания истории о заколдованной принцессе. Переплетная крышка украшена рельефным тиснением с блестками, которые хорошо воспринимаются на ощупь. В кармашке на обороте переплетной крышки находится буклет с развернутым изложением сказки. В тексте, который озвучивает читающий, встречается много новых для ребенка слов: «крестины», «веретено», «латник», «шабаш», а также фразеологизмы, такие, например, как «не было во рту маковой росинки» [4]. Требуют пояснения не только слова и фразы, но и картинки с изображением старинного замка, действующих лиц и предметов. Разворот, где изображена сцена пробуждения спящей принцессы, может вызвать вопросы, поскольку художник отошел от текста и не изобразил золоченые стены, как в тексте, предпочтя оставить их светлыми. У подножия кровати нет любимой собачки принцессы, вместо нее художник поместил мальчика с музыкальным инструментом в руках, напоминающим лютню. В тексте буклета можно встретить некоторые неточности (например, указание на растрепавшиеся локоны у придворных дам, погруженных в глубокий сон злой феей). У неподвижных фигур не может испортиться прическа, но как это пояснить ребенку, если у него возникнет вопрос.

Иллюстрации в книге яркие, с преобладанием зеленого цвета, который наиболее четко, наряду с желтым цветом, воспринимается ребенком с остаточным зрением. Ребенок может ощупать рельефные очертания, фактурные элементы и составить представление об обстановке, а читающий – дополнить это представление описанием цвета, предложить сделать на предметы наклейки из разных материалов.

Сказка «Кот в сапогах» вышла в Фонде в 2010 г. Издание квадратного формата 25×25 см состоит из одномоментно раскрывающегося на 8 страницах разворота. С его внутренней стороны помещена многосюжетная композиция сказки, с внешней стороны расположен текст, который предназначен, как указано в выходных сведениях, «для чтения взрослыми детьми» [5]. В этой сказке практически отсутствуют незнакомые слова, сложные фразеологизмы, архаизмы. Речевое творчество автора нацелено на развитие у ребенка воображения. Этой же цели посвящена крупная панорама, где ребенок может познакомиться с обстановкой и персонажами. Часть из них скрыта за клапанами, и, раскрывая их, ребенок развивает мелкую моторику и чувствительность кончиков пальцев как важный инструмент познания. В материально-конструктивной форме этого издания есть один существенный недостаток: в тот момент, когда панорама раскрыта, нет доступа к тексту сказки; текст доступен только тогда, когда панорама находится в свернутом состоянии. Издатель предлагает сначала ознакомиться со сказкой, а затем обратиться к панораме с игровым набором элементов. С помощью фишек ребенок должен провести своего героя от мельницы до замка. На этом пути надо преодолеть рельеф местности, повстречаться с крестьянами, разными зверушками и соотнести это с текстом повествования. Книга-игра предполагает несколько участников, и выигрывает тот, кто первым достигнет замка. Игровая насыщенность улучшает усвоение произведения, а иллюстрированное предметное сопровождение способствует пониманию замысла сказки и нравственно-этического наставления. Педагоги, работающие с детьми, декларируют мысль, высказанную в свое время К.И. Чуковским [6], что дети – это не маленькие взрослые, и тем, кто создает книги для детей, нужно уметь видеть мир с позиций ребенка.

Последнее издание сказок Ш. Перро вышло в Фонде в 2014 г. Это издание «Подарки феи» [7] с указанием, что произведение составлено по мотивам сказки Ш. Перро «Золушка». Пересказ в стихах подготовлен О. Кузнецовой. Автор отошла от оригинального текста, сохранив при этом основных действующих персонажей: мачеху, дочерей, падчерицу, принца и, конечно, фею. Вместо хрустальной туфельки фея наградила падчерицу алмазами. Далее сюжет развивается по классической схеме:

место падчерицы занимает любимая дочка, которая не обладает той добротой, какой наделена падчерица. За это она получает свою награду: вместо алмазов – клубок змей и жаб. В итоге добро восторжествовало – падчерица стала принцессой. Сказка «Подарки феи» учит справедливости, показывает, как добро вознаграждается, а зло наказывается. Стихи легко воспринимаются детьми.

Издание «Подарки феи» представляет собой комплект, включающий книгу, название которой продублировано рельефно-точечным шрифтом (шрифт Брайля), буклет с текстом, развивающие задания. Буклет находится на обороте передней крышки и помещен в гибкие пластиковые наугольники, а не в конверт, как карточки с заданиями, расположенными на задней сторонке переплетной крышки. Комплект сопровождается сенсорным устройством – говорящим карандашом, с помощью которого озвучивается текст или музыкальное сопровождение. Появление в изданиях технологии озвучки, с которой ребенок может справиться самостоятельно, помогает услышать правильное произношение букв, имен, названий.

Книга по форме максимально приближена к квадрату 25×25 см, в Фонде это довольно распространенный формат при издании сказок. Форзац и нахзац оформлены иллюстрациями, перекликающимися с сюжетом, события которого разворачиваются на фоне зимнего пейзажа. В повествовании говорится, что девочку злая мачеха выгнала в лес, но не говорится, в какое время года. На развороте помещена иллюстрация, изображающая летний лес, в котором мы видим девочку, а на заднем плане видна зимняя сюжетная картинка с заснеженными елями и голыми деревьями. Очевидно, замысел художника сводился к тому, чтобы ребенок мог узнать как можно больше деталей. Иллюстрации в книге замечательны по красоте, насыщенности цветов, глянцевой фактуре. Разворот с ключевым эпизодом встречи феи и девочки снабжен левым и правым клапанами, за счет чего художнику удалось представить панораму, насыщенную множеством деталей. Красивый замок, домики с приветливо светящимися окнами, фонарики, снеговики создают живую атмосферу сказочного городка. Большинство иллюстраций рельефны и, что важно, трехмерны. Это позволяет ребенку адекватно воспринимать объем, размер, характер изображений и на этой основе невербальное представление предметов трансформировать в вербальное. В дополнение издатель предложил карточки с заданиями, рассчитанными на устный ответ.

В своей издательской деятельности Фонд «Иллюстрированные книжки для маленьких слепых детей» старается сформировать у ребенка правильное представление об окружающем мире. Каждое издание

взрослые в работе с ребенком над книгой могут дополнить материалами, максимально близко передающими ощущение от изображенного объекта. На каждую деталь иллюстративного ряда можно поместить наклейки из ткани, дерева, камня, фольги и других материалов, обладающих разными осязательными свойствами. Для слепых детей, особенно младшего возраста, важно соблюдение эргономических требований, правильных форм и пропорций, чтобы ребенок мог составить достоверное представление о предметах через полученные сенсорные ощущения.

В деятельности Фонда можно выделить несколько этапов, динамично развивающихся в соответствии с возникающими новыми потребностями и техническими возможностями. Самыми первыми изданиями Фонда, появившимися в 1990-е гг., были книжки-игрушки, затем появились книжки-театр, а с 2011 г. в комплекты входит электронный карандаш для озвучивания текста. Поскольку незрячий ребенок не имеет большого опыта взаимодействия с предметной информацией, поступающей извне, он ориентируется на импульсы, которые поступают в головной мозг. И в этом смысле все большую роль играют электронные технологии, которые обеспечивают компенсацию зрительной недостаточности у детей в их познавательном процессе. Для ребенка важно знать, как выглядит объект, а для того, чтобы создать реалистичное впечатление от изображения, должен быть разработан детальный алгоритм, описывающий предметное изображение. Последние разработки в области электронных технологий выдвигают задачу применения искусственного интеллекта в книгоиздании для людей с ограниченными возможностями здоровья, в частности, с функциональными нарушениями зрения. Перспектива использования искусственного интеллекта прослеживается в расширении доступа к информации, содержащейся в интернете.

Потенциал нейросети довольно широк: от воспроизведения и озвучивания до создания нового контента. Как сказал директор департамента по развитию контента группы компаний «ЛитРес» Евгений Селиванов, «Возможность научить нейросеть говорить своим особым голосом, сделать его уникальным для коммуникации с пользователем будет востребована в ближайшие годы и позволит создавать большой объем качественного контента» [8]. Принятая в 2019 г. «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года» (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490) предполагает активизацию работы издательств в этом направлении.

Печатная книга не уступает свои позиции и как носитель первичного авторского замысла, закрепленного в материально-конструктивной форме, оставляет для нейросети вспомогательные функции.

Сказки Ш. Перро, изданные почти за тридцатилетний период деятельности благотворительного фонда «Иллюстрированные книжки для маленьких слепых детей» всего 4 раза, причем относительно невысокими тиражами, не в полной мере восполняют потребности данной целевой аудитории.

Активизация внимания издателей к этому сегменту книгоиздания будет способствовать интеграции детей с ОВЗ в образовательную и культурную среду, а также повышению качества их жизни и формированию гармонично развитой личности.

Список источников

1. Перро Ш. Красная шапочка. М. : Изоиздат, 1998. 12 с.
2. Лебедев В. А. Вступительная статья // Шарль Перро. Сказки. Ярославль : Верхне-Волж. кн. изд-во, 1984. С. 4–10.
3. Фонд «Иллюстрированные книжки для маленьких слепых детей». URL: <https://www.fond.org.ru/?ysclid=lm0h89mx2j406594338> (дата обращения: 01.09.2023).
4. Перро Ш. Спящая красавица. М. : Фонд «Иллюстрированные книжки для маленьких слепых детей», 2002. 14 с.
5. Перро Ш. Кот в сапогах. М. : Фонд «Иллюстрированные книжки для маленьких слепых детей», 2010. 14 с.
6. Чуковский К.И. Матерям о детских журналах // Собр. соч. : в 15 т. Т. 2. М. : Terra–Книжный клуб, 2001.
7. Перро Ш. Подарки феи. По мотивам сказки Шарля Перро / пересказ О. Кузнецовой. М. : Фонд «Иллюстрированные книжки для маленьких слепых детей», 2014. 12 с.
8. Селиванов Е. От цифры не скрыться. URL: <http://www.unkniga.ru/new-journal.html> (дата обращения: 06.09.2023).

References

1. Perrault, Ch. (1998) *Krasnaya shapochka* [Little Red Riding Hood]. Translated from French. Moscow: Izoizdat.
2. Lebedev, V.A. (1984) Vstupitel'naya stat'ya [Preface]. In: Perrault, Ch. *Skazki* [Fairy Tales]. Translated from French. Yaroslavl: Verkh.-Volzh. kn. izd-vo. pp. 4–10.
3. *Illustrated Books for Little Blind Children Foundation*. [Online] Available from: <https://www.fond.org.ru/?ysclid=lm0h89mx2j406594338> (Accessed: 1st September 2023).
4. Perrault, Ch. (2002) *Spyashchaya krasavitsa* [Sleeping Beauty]. Translated from French. Moscow: Illustrated Books for Little Blind Children Foundation.
5. Perrault, Ch. (2010) *Kot v sapogakh* [Puss in Boots]. Translated from French. Moscow: Illustrated Books for Little Blind Children Foundation.
6. Chukovskiy, K.I. (2001) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols]. Vol. 2. Moscow: Terra–Knizhnyy klub.
7. Perrault, Ch. (2014) *Podarki fei. Po motivam skazki Sharlya Perro* [Fairy Gifts. Based on the Tale by Charles Perrault]. Adaptation by O. Kuznetsova. Moscow: Illustrated Books for Little Blind Children Foundation.

8. Selivanov, E. (n.d.) *Ot tsifry ne skryt'sya* [No escape from digitalization]. [Online] Available from: <http://www.unkniga.ru/new-journal.html> (Accessed: 6th September 2023).

Информация об авторах:

Кицану М.И. – преподаватель кафедры издательского дела и книговедения Московского государственного автономного политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: m.kicanu@mospolytech.ru

Куприянова Т.Г. – доктор исторических наук, профессор кафедры издательского дела и книговедения Московского государственного автономного политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: tkuprian@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.I. Kitsanu, lecturer, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: m.kicanu@mospolytech.ru

T.G. Kupriyanova, Dr. Sci. (History), professor, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: tkuprian@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.09.2023;
одобрена после рецензирования 21.12.2023; принята к публикации 31.10.2024*

*The article was submitted 25.09.2023;
approved after reviewing 21.12.2023; accepted for publication 31.10.2024*

Научная статья
УДК 655.4/.5(470.51)
doi: 10.17223/23062061/36/8

ПРОГРАММА «СТАРТАП КАК ДИПЛОМ»: ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ «ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО»

Ольга Викторовна Меншатова¹

¹ *Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия,
olga.menshatova@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы внедрения новой программы «Стартап как диплом» в образовательный процесс на примере Удмуртского государственного университета. На основе опроса выявляется информированность студентов о реализации данной программы в университете и их заинтересованность в участии в ней. Анализируются возможности применения формата защиты выпускной квалификационной работы в виде стартапа для студентов бакалавриата по направлению подготовки «Издательское дело».

Ключевые слова: стартап как диплом, высшее образование, молодежное предпринимательство, издательское дело, издательский проект, Удмуртский университет

Для цитирования: Меншатова О.В. Программа «Стартап как диплом»: возможности реализации по направлению подготовки «Издательское дело» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 36. С. 118–134. doi: 10.17223/23062061/36/8

Original article

“STARTUP AS A DIPLOMA” PROGRAM: OPPORTUNITIES FOR IMPLEMENTATION IN THE “PUBLISHING” DIRECTION OF TRAINING

Olga V. Menshatova¹

¹ *Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, olga.menshatova@gmail.com*

Abstract. The article deals with the introduction of the new program “Startup as a Diploma” in the educational process on the example of Udmurt State University

(UdSU). Based on a survey, students' awareness of the implementation of this program at the university and their interest in participating in it are revealed. The possibilities of using the format of defense of the final qualification work (FQW) in the form of a startup for undergraduate students in the field of study "Publishing" are analyzed. The main idea of the "Startup as a Diploma" program is to offer students a new format of the FQW and its defense in the form of a startup. Students are given the opportunity to develop their own project, attract investments, receive the first income from its implementation and support when starting their business. The program is designed to involve students in the development of entrepreneurship in their region. Since 2022, this program has been implemented in universities throughout the country, but its uniform standards have not yet been formed, and participating universities face difficulties in implementing it. Given the expansion of the program to other universities and to all areas of training, the study of its development by individual universities seems important and necessary. In September 2021, UdSU became a member of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program (SALP). One of the directions of SALP is the introduction of the "Startup as a Diploma" program. The program is scheduled to launch this year. In order to implement the program, it is necessary to develop an entrepreneurial ecosystem at the university. Currently, UdSU is carrying out work aimed at developing project activities and building relationships with business representatives (student project competition, project sessions with entrepreneurs of the republic, developing cooperation with the technopark, business support centers, the Udmurt Republic Ministry of Economy), creating a program for accelerating student business projects. Regulations on the preparation and conduct of the state final certification in the "Startup as a Diploma" format are being developed; regulations for the registration of intellectual property created as a result of the development of a business project are being formed. The university is launching a program of additional professional education for teachers to create and support student startups. The conducted survey of students showed their low awareness of the possibility of defending the thesis in the startup format, yet the high attractiveness of this format. Analyzing the possibilities of introducing this new format for undergraduate publishing students, we come to the conclusion that students' publishing projects in general can meet the criteria of the "Startup as a Diploma" program (the presence of a technological/social/innovative component of the project, a developed prototype, a well-developed solution for a business model, the potential for scaling/promoting the project, the presence of a real or potential investor) and defending in a new format. In general, the implementation of the "Startup as a Diploma" program has great potential for graduates who can convert their startup into a business, for a university that becomes an innovation center and graduates specialists with embodied ideas, and, accordingly, for the development of the region's economy.

Keywords: startup as a diploma, higher education, young entrepreneurs, publishing industry, publishing project, Udmurt University

For citation: Menshatova, O.V. (2024) "Startup as a Diploma" program: Opportunities for implementation in the "Publishing" direction of training. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 36. pp. 118–134. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/36/8

В Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года¹» от 21 июля 2020 г. № 474 поставлена задача «осуществления прорывного развития Российской Федерации» [1]. Решить данную задачу предполагается и путём создания эффективной системы высшего образования. Построение инновационной и цифровой экономики, развитие технологий и рост эффективности научных исследований – все это связано с качеством трансформаций в сфере образования. Развитие образования все чаще рассматривается как необходимое условие качественного развития экономики и социальной сферы. Человеческий капитал становится главным ресурсом, который может обеспечить этот прорыв.

Основными направлениями развития высшего образования становятся его ориентированность на решение конкретных задач экономики, адаптация к требованиям рынка, взаимодействие образовательного сообщества с научным, бизнесом и государством, подготовка студентов к предпринимательской деятельности, которая рассматривается как фактор повышения благосостояния страны. В национальном проекте «Наука и университеты» закрепляется запрос на интеграцию науки, высшего образования и индустрии, развитие научно-технологических проектов и инфраструктуры для научных исследований, а также развитие предпринимательства [2].

В настоящее время в вузах большое внимание уделяется вопросам формирования у студентов предпринимательских компетенций, реализации студентами бизнес- и социальных проектов, рассматриваются подходы к развитию молодежного предпринимательства и роль предпринимательского образования для развития предпринимательской экосистемы вуза [3–6]. Анализируя опыт вузов, М. Зобнина, А. Коротков, А. Рожков отмечают, что внедрение предпринимательских курсов вдохновило студентов на собственные бизнес-проекты; в ряде российских университетов это послужило стимулом для создания и развития предпринимательской экосистемы и дало новый импульс росту стартапов и предпринимательства в вузах [3].

В исследованиях Е. Ливенцовой, Т. Румянцевой и Е. Сырямкиной обосновывается необходимость создания условий для формирования предпринимательских компетенций молодых людей и подготовки их к созданию и ведению собственного бизнеса в социальной сфере. Авторы

¹ Утратил силу в связи с принятием Указа Президента от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

отмечают, что существующая в России инфраструктура поддержки предпринимательства ориентирована прежде всего на деятельность в научно-технической сфере, и предлагают рассмотреть опыт Национального исследовательского Томского государственного университета по развитию вузовской инфраструктуры подготовки предпринимателей в социальной сфере [6, 7].

С 2022 г. во многих университетах страны внедряется программа «Стартап как диплом», которая призвана вовлечь студентов в развитие предпринимательства в своем регионе. Вопросы разработки и внедрения такого нововведения в образовательный процесс упоминаются в средствах массовой информации: в новостных заметках с мероприятий, конференций, в интервью с представителями вузов, студентами, защитившими дипломную работу в формате бизнес-проекта, и т.п. [8–12]. В 2017 г., ещё до первой защиты проекта в формате стартапа, вышла в свет статья А.О. Полушкиной, в которой автор анализирует возможность внедрения стартапов в учебный процесс, отмечает преимущества участия в проектных командах стартапа для студентов, а также изучает пути представления работы студента над стартапом в виде ВКР [13]. Анализ программы «Стартап как диплом», уже действующей в ряде вузов, предпринят в исследовании ученых из Дальневосточной государственной академии физической культуры и Дальневосточного государственного медицинского университета. Авторы обобщают существующий опыт и рассматривают возможности внедрения программы в содержание образования вуза физической культуры [14]. Е.Г. Шершнева, А.А. Пархаева описывают опыт Уральского федерального университета по созданию организационно-технологической инфраструктуры для развития инновационного и предпринимательского потенциала студентов в рамках программы «Стартап как диплом» [15]. Необходимо отметить статью Н.В. Гольцовой и С.А. Сафроновой, в которой анализируется проектная деятельность в обучении бакалавров издательского дела [16]. Проектный подход можно рассматривать как основу для дальнейшей работы над стартапом.

В то же время вузы, внедряя программу в образовательный процесс, продолжают испытывать трудности. У вузов – участников программы нет общего понимания, что означает «стартап как диплом», какое определение стартапа использовать, а «поля для обмена опытом пока нет, опереться не на что» – так прокомментировал итоги конференции «Стартап как диплом: цифровые инструменты и методология» (июнь–июль 2021 г.) её организатор и сооснователь акселератора PRE. INC П. Аванян [12]. Отсутствие единого понимания термина «стартап» в академической среде и

в самом стартап-сообществе [17, 18] затрудняет и внедрение данного явления в систему образования. Учитывая расширение действия программы на другие вузы и распространение её на образовательные программы всех направлений подготовки, всех форм обучения и уровней подготовки, изучение процесса её освоения отдельными университетами представляется необходимым. К тому же пока представлен опыт только по техническим и экономическим направлениям подготовки, и обсуждения в основном ведутся вокруг них.

Сегодня вуз должен быть социально активным, участвовать в развитии территории, на которой он находится, быть открытым местному сообществу, эффективно использовать внешние инфраструктурные ресурсы и в ответ вносить свой вклад в развитие региона через реальное участие своих студентов и сотрудников в решении локальных проблем [6]. Студенческие стартапы являются таким средством. В условиях возросшей конкуренции вузов за студентов и позицию в рейтинге, усиливающегося давления на университеты, вынуждающее их искать источники внешнего финансирования, реализация программы может повысить социальные позиции вуза и в целом его конкурентоспособность. Говоря о конкуренции среди вузов, необходимо отметить, что сегодня система высшего образования сталкивается с серьезным вызовом: изменением отношения молодежи к высшему образованию, которое перестает рассматриваться как обязательное условие жизненного успеха.

Как отмечает Т.Л. Клячко, в настоящее время выстраивается новая конфигурация образовательных стратегий значительной части российской молодежи: уход после 9-го класса в СПО, получение профессии/специальности, а затем поступление в вуз на платной основе на заочную форму обучения, если в этом возникнет необходимость, связанная с работой. Появление новой стратегии исследователь связывает с изменением экономической ситуации, в частности длительным падением доходов населения [19]. В таких условиях происходит рационализация обществом получения высшего образования. Программу «Стартап как диплом» можно рассматривать и как возможность повысить привлекательность получения высшего образования молодежью.

Программа «Стартап как диплом» предлагает студентам новый формат выпускной квалификационной работы и её защиты. Альтернативой традиционной академической работы становится работа над своим проектом и его защита в формате стартапа. Под форматом стартапа Министерство науки и высшего образования РФ понимает выпускную квалификационную работу, которая представляет собой реально

существующий бизнес-проект, созданный одним студентом или командой (с юридическими лицами), или находящийся в стадии идеи. Проект должен демонстрировать уровень подготовки выпускника к самостоятельной профессиональной деятельности [20]. Программа направлена на вовлечение талантливых студентов в построение цифровой экономики, развитие предпринимательства, а также на поддержку бизнеса, находящегося на начальной стадии.

Впервые защита дипломной работы в виде стартапа была проведена в Дальневосточном федеральном университете (ДВФУ) в 2017 г. Такую идею защиты поддержало государство. В 2019 г. в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» была актуализирована программа «Стартап как диплом», проведена работа по масштабированию практики для образовательных организаций высшего образования на открытых экспертных обсуждениях [21]. В результате в 2021 г., по заявлению Минобрнауки, формат «Стартап как диплом» действовал в 48 вузах, а с 2022 г. данный формат внедряется в университетах по всей стране [12].

Программа предполагает не только изменение формы защиты ВКР, но и внесение корректив в сам процесс обучения. Как отметил Г. Гуров, замминистра Минобрнауки, на форуме труда и занятости «Будущее сферы труда в России», программа «Стартап как диплом» – это целый комплекс мер: дополнительная подготовка для студентов в сферах проектного менеджмента, реализации инициатив, идей, создание возможности получения студентами в ходе обучения дополнительных средств в виде профильных грантов [8].

Таким образом, студентам – участникам программы предоставляется возможность разработать свой проект, привлечь инвестиции, получить первый доход от его реализации и освоить профессиональные компетенции – получить высшее образование. Программа должна привлечь наиболее активных молодых людей, которые боятся потерять время в стенах университета, и скорректировать образовательные стратегии молодежи.

Несмотря на выход программы «Стартап как диплом» на федеральный уровень, ее единые стандарты еще не сформированы: не выработан единый формат подготовки и защиты, остается много технических и организационных вопросов. В каждом университете программа реализуется по-разному. В помощь вузам проводятся конференции «Стартап как диплом», на которых участники делятся своими наработками и обсуждают вопросы: как подготовиться и запустить программу в вузе, какие документы нужны, как подготовить учебные программы, как обучить преподавателей.

давателей, как вовлечь студентов в программу, какие могут быть критерии отбора проектов в программу и другие актуальные вопросы [22]. Но, как отмечали организаторы, таких мероприятий недостаточно, необходимо расширять взаимодействие участников программы, организовывать курсы переподготовки преподавателей.

В сентябре 2021 г. Удмуртский государственный университет стал участником программы стратегического академического лидерства (ПСАЛ) «Приоритет 2030». Одним из направлений ПСАЛ является внедрение программы «Стартап как диплом». С 2022 г. университет начал готовиться к реализации данной программы, и уже в этом году запланирован её запуск. Запуском программы занимается прежде всего институт экономики и управления УдГУ в рамках проекта «Платформа молодежного технологического и социального предпринимательства», который предполагает координацию деятельности вузовских и региональных институтов поддержки инноваций с целью развития предпринимательства в регионе, коммерциализации студенческих разработок.

В настоящее время в институтах УдГУ, на кафедрах идет процесс обсуждения преподавателями такого формата ВКР, как стартап. Надо отметить, что в преподавательской среде еще нет однозначного понимания того, что представляет собой новый формат ВКР, каковы должны быть требования к нему, требования к защите, как применить его к конкретному направлению подготовки, в чем отличие от практико-ориентированной ВКР.

В корпоративной газете «Удмуртский университет» от 25 марта 2022 г. опубликована статья «Стартап как диплом», в которой дается следующее определение: выпускная квалификационная работа в формате «Стартап как диплом» представляет собой бизнес-проект или его прототип, разработанный одним или несколькими обучающимися, демонстрирующий уровень подготовленности выпускников к самостоятельной профессиональной деятельности [23]. Главным условием участия в программе является соответствие роли в команде стартапа и функциональных обязанностей студента направлению подготовки, подтверждающих освоение компетенций, установленных ФГОС ВО и соответствующей образовательной программой.

Для того чтобы программа работала и студенческие проекты становились стартапами, необходимо развитие предпринимательской экосистемы в вузе.

На сегодняшний день УдГУ проводит работы, направленные на развитие проектной деятельности и выстраивание взаимоотношений с представителями бизнеса. В апреле 2022 г. был объявлен конкурс студенческих

проектов ФГБОУ ВО «УдГУ». Целью конкурса является формирование, поддержка и развитие у обучающихся УдГУ инициатив и интереса к проектной деятельности, а также способностей к проектному управлению и реализации проектов. По итогам конкурса определяют два проекта победителя, которые будут поддержаны и профинансированы университетом.

В УдГУ стали проводиться проектные сессии «Старт стартапам», на которые приглашается бизнес-элита Удмуртской Республики (УР). На таких сессиях студенты презентуют собственные стартап-проекты предпринимателям республики, а также экспертам объединений «Опора России», «Деловая Россия», технопарка высоких технологий «Нобель». На первой сессии, состоявшейся 21 апреля 2022 г., было представлено 12 студенческих бизнес-проектов. Следующая питч-сессия запланирована на июнь. Площадкой для общения студентов с представителями бизнеса республики также стала «Точка кипения», открывшаяся в декабре 2020 г. в учебно-научной библиотеке УдГУ. «Точка кипения» – это коворкинг-центр, современное пространство, где бизнесмены, предприниматели, ученые и члены общественных организаций делятся своим опытом. В России открыто более 90 таких площадок, но в Удмуртии данный формат впервые был реализован на базе университета. Студенты УдГУ, таким образом, получили возможность быть в центре событий деловой, научной и общественной жизни.

Кроме событийных мероприятий планируется актуализация образовательных программ в части формирования универсальных компетенций «разработка и реализация проектов», «командная работа и лидерство», «самоорганизация и саморазвитие», внедрение в учебный процесс «предпринимательских стажировок».

Помимо разработки и проведения мероприятий, направленных на развитие предпринимательских и проектных компетенций, необходимо также подготовить нормативно-правовое сопровождение программы. В университете разрабатывается Положение по подготовке и проведению государственной итоговой аттестации в формате «Стартап как диплом», формируется регламент оформления интеллектуальной собственности, созданной в результате разработки бизнес-проекта, выносимого на защиту в инновационном формате.

Внедрение формата стартапа требует не только инициативных студентов, но и преподавателей, способных помочь студентам в разработке бизнес-проекта. Для этой цели в университете запускается программа дополнительного профессионального образования «Инновационные компетенции профессиональной деятельности преподавателя вуза» с модулем «Технологическое предпринимательство: проектная деятельность

по созданию и сопровождению стартапов». Предполагается формирование из числа прошедших обучение преподавателей Ассоциации наставников студенческих стартапов, которая будет создавать необходимые условия для развития стартап-движения в университете, проводить обучающие мероприятия, например научно-практический интенсив «Трекерство StartUров» [23].

Другим немаловажным условием эффективной реализации программы является сотрудничество с бизнес-сообществом республики, а также расширение и укрепление связей со структурами, оказывающими помощь в развитии бизнеса, предпринимательских инициатив в республике. Так, УдГУ развивает партнёрские отношения с технопарком «Нобель», Центром поддержки предпринимательства «Мой бизнес», Корпорацией развития УР, Министерством экономики УР, которые направлены на решение задач по внедрению инновационных технологий в реальный сектор экономики, в том числе студенческого трансфера знаний и технологий, а также создание и развитие инновационной региональной платформы молодежного предпринимательства на базе УдГУ [24].

Понятия предпринимательства и стартапа связаны с получением прибыли. Коммерциализация стартапов в рамках программы «Стартап как диплом» рассматривается как один из основных критериев отбора студенческих проектов, которые могут выходить на защиту в новом формате. Для возможности коммерциализации студенческих стартапов УдГУ планирует заниматься поиском потенциальных партнеров для разработки и реализации стартапов, привлечением финансовых институтов для финансирования грантов, посевного и венчурного финансирования, создать бизнес-акселератор, а также оказывать информационную поддержку и популяризировать бизнес-проекты в целях увеличения спроса на инновационные продукты, услуги и технологии. Развитие сотрудничества с бизнес-сообществом, технопарками направлено и на решение вопросов финансирования проектов.

Для того чтобы программа в полной мере заработала, необходимо мотивировать и студентов, и преподавателей для участия в ней. В УдГУ существует система эффективного контракта для профессорско-преподавательского состава, которая оценивает деятельность ППС по определённым показателям в баллах и служит для экономического стимулирования. На следующий учебный год в эффективный контракт введен показатель «Руководство ВКР, выполненными в формате “Стартап как диплом”». Также планируется проводить профессиональные курсы для преподавателей.

С целью определения информированности студентов о возможности защиты ВКР в формате стартапа, а также интереса к предпринимательской деятельности и участию в стартапе был проведен опрос среди студентов института социальных коммуникаций, в котором работает автор и ведется подготовка по направлению «Издательское дело». Опрос проводился в апреле 2022 г., были опрошены студенты 1–3-х курсов как возможные будущие участники данного формата защиты (всего 80 человек). Опрос показал, что студенты в основном не слышали и ничего не знают о таком формате защиты, как стартап, только 20% опрошенных оказались информированными. При этом надо отметить, что наиболее информированными оказались студенты второго курса, а наименее информированными – студенты первого курса. Источником информации для них стали преподаватели (66%), студенты других направлений подготовки (22%) и медиаресурсы, не связанные с Удмуртским университетом (11%). Открыть свое дело хотели бы 31% опрошенных против 34% респондентов, которые предпочли бы работать в крупной компании. При этом 31% пока не определился с тем, кем они себя видят после окончания университета. После краткого разъяснения, что представляет собой формат «Стартап как диплом», 41% респондентов отметил его привлекательным для себя в качестве ВКР, 16% – затруднились ответить, для 9% респондентов формат не привлекателен и 34% респондентов отметили его возможно привлекательным для себя. Таким образом, интерес у студентов есть, но информации мало, необходимо проведение информационной кампании по продвижению данной программы. Как показал опрос, публикации в газете «Удмуртский университет», новостные заметки на сайте и информация в социальных сетях УдГУ студентами не были замечены. Необходимо расширять каналы информации и способы подачи.

В Удмуртском университете определены следующие направления стартапа в рамках подготовки и защиты ВКР:

- технологический (технологические инновационные разработки и их коммерциализация);
- в сфере социального предпринимательства (бизнес-проект, способствующий решению социальных проблем);
- бизнес-проект, направленный на продажу продуктов и/или оказание услуг;
- в сфере креативных индустрий (области исполнительских и визуальных искусств, дизайна, кино, телевидения и др.) [22]. К креативной индустрии относится также издательская отрасль, медиаиндустрия в целом.

Попытаемся определить, возможно ли внедрение нового формата ВКР для студентов бакалавриата по направлению подготовки «Издательское

дело». Надо отметить, что выпускная квалификационная работа студентов-издателей представляет собой разработку издательского проекта и традиционно состоит из двух частей: теоретической, в которой студенты анализируют особенности того вида издания, который будут разрабатывать, специфику редакторской работы над ним и другие аспекты. Во второй части – практической – студенты представляют анализ рынка и свой проект от идеи до расчёта себестоимости и рентабельности, а также определения путей продвижения. На защите студенты, как правило, представляют свой издательский продукт в материальном воплощении. Под издательским проектом понимается не только создание издательской продукции, но и бизнес-идея издательства или книжного магазина нового формата.

Критерии оценки «стартапа как диплома» в Удмуртском государственном университете пока еще формируются. Мы обратимся к опыту вузов, участвующих в данной программе не первый год.

Изучив критерии трех вузов – ДВФУ, Тамбовского государственного технического университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, можно выделить общие характерные критерии:

- наличие технологической/социальной/инновационной составляющей проекта;
- наличие разработанного прототипа;
- проработанное решение по бизнес-модели;
- потенциал масштабирования/продвижения проекта;
- наличие реального или потенциального инвестора (привлечение финансирования и/или индустриальные партнеры и/или получена выручка).

Но надо учитывать, что данные критерии выработаны на опыте технических и экономических направлений подготовки.

Многие студенческие издательские проекты, разрабатываемые в рамках ВКР, являются социально значимыми, например проекты, связанные с пропагандой здорового образа жизни, противопожарной безопасности, или проекты, направленные на популяризацию национальной культуры, языка, социализацию слепых и слабовидящих детей. Часть проектов обладает технологической составляющей, например, построена на технологиях дополненной реальности. Конечно, новые технологии студенты не разрабатывают, но применяют существующие, возможно, в новом ракурсе. И в этом есть инновационная составляющая. В целом большинство проектов обладает новой идеей.

Применительно к сфере издательского дела наличие разработанного прототипа – это работающий сайт, электронное издание, готовое печатное издание или прототип нового издательства, книжного магазина. Как

уже отмечалось, студенты в большинстве своем на защите представляют не просто макет издания, а готовый издательский продукт в материальном воплощении.

Критерий наличия проработанного решения по бизнес-модели можно сопоставить с экономической частью издательского проекта, которая присутствует в каждой ВКР. Формат стартапа требует более детального экономического анализа, в том числе анализа возможных рисков, поэтому необходимо будет вносить дополнения в эту часть работы.

Одним из важных критериев отбора проектов на формат «стартап как диплом» в Дальневосточном университете является потенциал масштабирования. Как отмечает М. Ибрагимова, руководитель программы «Стартап как диплом» ДВФУ, разработка по заказу одного конкретного предприятия, которую никогда нельзя будет внедрить в других местах, не подходит [12]. Действительно, одно из определений стартапа, претендующее на классическое, гласит: стартап – это «временная структура, направленная на реализацию масштабируемой бизнес-идеи» [17]. Издательские проекты во многом уникальны, и издательства ищут именно те идеи, которые их конкуренты не смогут повторить. Но при этом издательские проекты можно масштабировать, и прежде всего с точки зрения увеличения аудитории проекта. Например, проект комиксов по мотивам удмуртских народных сказок можно вывести за пределы республики и охватить удмуртские диаспоры. Кроме того, можно распространить идею и издавать комиксы по мотивам сказок других национальностей, представленных в республике, и т.п.

Многие проекты разрабатываются для конкретных организаций, например: комплект открыток «Открытка из Ижевской Галереи» для выставочного центра «Галерея» г. Ижевска, серия плакатов на экологическую тематику «Завтра будет ничего» для Эколого-биологического центра г. Воткинска, «говорящая книга», тактильные рукодельные книги, издания для слепых и слабовидящих детей для Регионального центра организации библиотечного обслуживания слепых и слабовидящих граждан АУК УР «Национальная библиотека Удмуртской Республики», электронное издание для музея-квартиры Г.Д. Красильникова и др. Это свидетельствует об актуальности проекта, о том, что применение воплощенного проекта в деятельности организации является важным и ценным для студента.

Критерий наличия реального или потенциального инвестора: надо отметить, что необходимой для стартапа коммерциализации дипломных проектов нет. Студенты воплощают свои проекты за свой собственный счёт и затем после защиты передают издательский продукт организациям в дар.

Необходимо помогать студентам в привлечении финансовых ресурсов на реализацию проектов и обучать их соответствующим навыкам. Многие проекты студентов являются социально значимыми, среди них, например, уже упоминавшиеся проекты для библиотеки, музея или для Эколого-биологического центра г. Воткинска. Данные организации являются бюджетными, ограниченными в средствах. Но подобные проекты могут быть поддержаны и профинансированы соответствующими министерствами: Министерством культуры УР, Министерством национальной политики УР, Министерством по физической культуре, спорту и молодёжной политики УР.

Экспертиза дипломных работ проводится на заседании государственной экзаменационной комиссии, в состав которой обязательно включаются представители издательского сообщества – директор государственного издательства, владельцы частного бизнеса. Таким образом, проект получает экспертную оценку, а студент – помощь в реализации и масштабировании проекта от бизнеса, т.е. ту самую коммерциализацию проекта. Правда, это достаточно редкое явление, в практике автора был только один подобный случай. В целом перед комиссией и не ставилось такой задачи. Поэтому расширение состава комиссии, приглашение заинтересованных лиц и представителей бизнеса, как и изменение формата защиты, необходимо для реализации программы «Стартап как диплом».

Таким образом, издательские проекты студентов могут отвечать критериям программы «Стартап как диплом» и защищаться в новом формате. В первую очередь требуется усиление экономической части проекта – изучение рынка и потенциальных покупателей, поиск инвесторов. Для этого нужно обращать внимание на формирование у студентов навыков по бизнес-процессам, бизнес-партнёрству, информировать их о существующей предпринимательской инфраструктуре в вузе и проводимых мероприятиях. Выстраивание сотрудничества с соответствующими министерствами – один из основных аспектов работы по программе «Стартап как диплом» по направлению подготовки «Издательское дело».

Реализация программы «Стартап как диплом» в целом имеет большой потенциал для выпускников, которые могут конвертировать свой стартап в бизнес, для вуза, который становится центром инноваций и выпускает подготовленных специалистов с воплощенными идеями, и, соответственно, для развития экономики региона.

Список источников

1. Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 20.04.2023).

2. Паспорт национального проекта «Наука и университеты». URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/09/НиУ.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).

3. Зобнина М., Коротков А., Рожков А. Структура, вызовы и возможности развития предпринимательского образования в российских университетах // Форсайт. 2019. Т. 13, № 4. С. 69–81.

4. Стромов В.Ю., Сысоев П.В., Завьялов В.В. Кластерный подход к развитию молодежного предпринимательства в классическом вузе // Высшее образование в России. 2019. № 7. С. 103–111.

5. Стромов В.Ю., Сысоев П.В., Завьялов В.В. Проблемы и перспективы развития молодежного предпринимательства в классическом вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 180. С. 7–16.

6. Сырямкина Е.Г., Румянцева Т.Б., Ливенцова Е.Ю. Образовательный потенциал технологии «социальный акселератор» для развития социально-предпринимательской компетенции студентов в классическом университете // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 1. С. 171–187.

7. Ливенцова Е.Ю., Румянцева Т.Б., Сырямкина Е.Г. Особенности развития предпринимательских компетенций студенческой молодежи для реализации инноваций в социальной сфере // Инновации. 2016. № 7 (213). С. 96–103.

8. В Минобрнауки рассказали о программе «Стартап как диплом». URL: https://tass.ru/obschestvo/12777019?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 22.04.2023).

9. Кузнецова Е. Диплом-стартап: как создать свой бизнес в университете. URL: <https://rb.ru/young/startap-kak-diplom/> (дата обращения: 22.04.2023).

10. Минобрнауки: по закону стартапы могут засчитываться как выпускные работы. URL: <https://na.ria.ru/20190111/1549226186.html> (дата обращения: 22.04.2023).

11. Стартап как диплом: как студенты РАНХиГС защищали свои бизнес-проекты вместо выпускных работ. URL: <https://www.ranepa.ru/news/startap-kak-diplom-kak-studenty-rankhigs-zashchishchali-svoi-biznes-proekty-vmesto-vypusknykh-rabot/> (дата обращения: 22.04.2023).

12. «Стартап как диплом»: что это такое и где применяется // Skillbox Media. 2021. 2 июля. URL: <https://skillbox.ru/media/education/startap-kak-diplom-chto-eto-takoe-i-gde-primenyetsya/> (дата обращения: 22.04.2023).

13. Полушкина А.О. Технология использования стартапа в процессе обучения студентов // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. Вып. 7. С. 166–175.

14. Тютюков В.Г., Галицын С.В., Чилигин Д.В., Иванов А.В., Кошелев А.А., Бородин П.В. Образовательный проект «Стартап как диплом» в вузе физической культуры // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 2 (192). С. 326–337.

15. Шершнева Е.Г., Пархаева А.А. Инновационный формат «Стартап как диплом» в российских вузах (на примере Уральского федерального университета) // Современные научные исследования и инновации. 2021. № 12. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/12/97294> (дата обращения: 25.04.2023).

16. Гольцова Н.В., Сафронова С.А. Формирование издательских проектов как практико-ориентированный подход к подготовке бакалавров издательского дела // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 27. С. 155–163.

17. Раева И.В. Стратап: понятие, особенности, методы оценки // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 6 (237). С. 45–55.

18. Сатаев П.А., Соловейчик К.А. Стартапы в экономике: понятие, сущность и характеристики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2021. Т. 14, № 5. С. 92–110.

19. Клячко Т.Л. Образование в России и мире: основные тенденции // Образовательная политика. 2020. № 1 (81). С. 26–40.

20. Стартап как диплом. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=25900 (дата обращения: 20.04.2023).

21. История программы «Стартап как диплом». URL: https://www.dvfu.ru/startup_as_diploma/the-history/ (дата обращения: 22.04.2023).

22. Конференция «Стартап как диплом». URL: <https://preinc.ru/conf#about> (дата обращения: 22.04.2023).

23. «Стартап как диплом» // Удмуртский университет. 2022. 25 марта. С. 4.

24. УдГУ – партнер Технопарка высоких технологий «Нобель»: развитие университетской платформы технологического предпринимательства. URL: <https://udsu.ru/news/show/udgu-partnyor-tehnoparka-vysokih-tehnologij-nobel-razvitie-universitetskoj-platformy-tehnologicheskogo-predprinimatelstva> (дата обращения: 22.04.2023).

References

1. Russian Federation. (2020) *Ukaz “O natsional’nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda”* [Decree “On the national development goals of the Russian Federation up to 2030”]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (Accessed: 20th April 2023).

2. Russian Federation. (2021) *Pasport natsional’nogo proekta “Nauka i universitetiy”* [Passport of the national project “Science and Universities”]. [Online] Available from: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/09/NiU.pdf> (Accessed: 20th April 2023).

3. Zobnina, M., Korotkov, A. & Rozhkov, A. (2019) *Struktura, vyzovy i vozmozhnosti razvitiya predprinimatel’skogo obrazovaniya v rossiyskikh universitetakh* [Structure, challenges and opportunities for the development of entrepreneurship education in Russian universities]. *For-sayt*. 13(4). pp. 69–81.

4. Stromov, V.Yu., Sysoev, P.V. & Zavyalov, V.V. (2019) *Klasternyy podkhod k razvitiyu molodezhnogo predprinimatel’sтва v klassicheskom vuze* [A cluster approach to the development of youth entrepreneurship in a classical university]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 7. pp. 103–111.

5. Stromov, V.Yu., Sysoev, P.V. & Zavyalov, V.V. (2019) *Problemy i perspektivy razvitiya molodezhnogo predprinimatel’sтва v klassicheskom vuze* [Problems and prospects for the development of youth entrepreneurship in a classical university]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 24(180). pp. 7–16.

6. Syryamkina, E.G., Rummyantseva, T.B. & Liventsova, E.Yu. (2018) *Obrazovatel’nyy potentsial tekhnologii “sotsial’nyy akselerator” dlya razvitiya sotsial’no-predprinimatel’skoy kompetentsii studentov v klassicheskom universitete* [The educational potential of the “social accelerator” technology for the development of students’ social and entrepreneurial competence in a classical university]. *Obrazovanie i nauka*. 20(1). pp. 171–187.

7. Liventsova, E.Yu., Rummyantseva, T.B. & Syryamkina, E.G. (2016) *Osobennosti razvitiya predprinimatel’skikh kompetentsiy studencheskoy molodezhi dlya realizatsii innovatsiy v sotsial’noy sfere* [The development of entrepreneurial competencies of student

youth for the implementation of innovations in the social sphere]. *Innovatsii*. 7(213). pp. 96–103.

8. TASS. (2021) V Minobrnauki rasskazali o programme “Startup kak diplom” [The Ministry of Education and Science spoke about the “Startup as a Diploma” program]. 27th October. [Online] Available from: https://tass.ru/obschestvo/12777019?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (Accessed: 22nd April 2023).

9. Kuznetsova, E. (2021) *Diplom-startap: kak sozdat' svoi biznes v universitete* [Startup Diploma: How to Create Your Own Business at University]. 29th June. [Online] Available from: <https://rb.ru/young/startap-kak-diplom/> (Accessed: 22nd April 2023).

10. Russian Federation. (2019) *Minobrnauki: po zakonu startapy mogut zaschityvat'sya kak vypusknye raboty* [Ministry of Education and Science: By law, startups can be counted as graduation theses]. [Online] Available from: <https://na.ria.ru/20190111/1549226186.html> (Accessed: 22nd April 2023).

11. RANEPА. (n.d.) *Startap kak diplom: kak studenty RANKhiGS zashchishchali svoi biznes-proekty vmesto vypusnykh rabot* [Startup as a diploma: how RANEPА students defended their business projects instead of graduation theses]. [Online] Available from: <https://www.ranepa.ru/news/startap-kak-diplom-kak-studenty-rankhigs-zashchishchali-svoi-biznes-proekty-vmesto-vypusnykh-rabot/> (Accessed: 22nd April 2023).

12. Erokhina, E. (2021) “*Startap kak diplom*”: chto eto takoe i gde primenyaetsya [“Startup as a Diploma”: What is it and where is it used]. 2nd July. [Online] Available from: <https://skillbox.ru/media/education/startap-kak-diplom-chto-eto-takoe-i-gde-primenyaetsya/> (Accessed: 22nd April 2023).

13. Polushkina, A.O. (2017) Tekhnologiya ispol'zovaniya startapa v protsesse obucheniya studentov [Technology of using a startup in the process of teaching students]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7. pp. 166–175.

14. Tyutyukov, V.G., Galitsyn, S.V., Chiligin, D.V., Ivanov, A.V., Koshelev, A.A. & Borodin, P.V. (2021) *Obrazovatel'nyy proekt “Startap kak diplom” v vuze fizicheskoy kul'tury* [The educational project “Startup as a Diploma” at the University of Physical Education]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 2(192). pp. 326–337.

15. Shershneva, E.G. & Parkhaeva, A.A. (2021) Innovatsionnyy format “Startap kak diplom” v rossiyskikh vuzakh (na primere Ural'skogo federal'nogo universiteta) [Innovative format “Startup as a diploma” in Russian universities (a case study of the Ural Federal University)]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 12. [Online] Available from: <https://web.snauka.ru/issues/2021/12/97294> (Accessed: 25th April 2023).

16. Goltsova, N.V. & Safronova, S.A. (2021) Formation of Publishing Projects as a Practice-Oriented Approach to Training Students for a Bachelor's Degree in Publishing. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 27. pp. 155–163. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/27/9

17. Raeva, I.V. (2021) *Stratap: ponyatie, osobennosti, metody otsenki* [Startup: concept, features, evaluation methods]. *Imushchestvennye otnosheniya v RF*. 6(237). pp. 45–55.

18. Sataev, P.A. & Soloveychik, K.A. (2021) *Startapy v ekonomike: ponyatie, sushchnost' i kharakteristiki* [Startups in the economy: The concept, essence, and characteristics]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki*. 14(5). pp. 92–110.

19. Klyachko, T.L. (2020) *Obrazovanie v Rossii i mire: osnovnye tendentsii* [Education in Russia and the world: Main trends]. *Obrazovatel'naya politika*. 1(81). pp. 26–40.

20. Russian Federation. (n.d.) *Startup kak diplom* [Startup as a diploma]. [Online] Available from: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=25900 (Accessed: 20th April 2023).

21. The Far East Federal University. (n.d.) *Istoriya programmy "Startup kak diplom"* [History of the Startup as a Diploma program]. [Online] Available from: https://www.dvfu.ru/startup_as_diploma/the-history/ (Accessed: 22nd April 2023).

22. Pre.inc. (n.d.) *Konferentsiya "Startup kak diplom"* [Conference "Startup as a Diploma"]. [Online] Available from: <https://preinc.ru/conf#about> (Accessed: 22nd April 2023).

23. *Udmurtskiy universitet*. (2022) *Startup kak diplom* [Startup as a Diploma]. 25th March. p. 4.

24. Udmurt State University. (2021) *UdGU – partner Tekhnoparka vysokikh tekhnologiy "Nobel": razvitie universitetskoy platformy tekhnologicheskogo predprinimatel'stva* [Udmurt State University is a partner of the Nobel High-Tech Technopark: development of a university platform for technological entrepreneurship]. [Online] Available from: <https://udsu.ru/news/show/udgu-partnyor-tehnoparka-vysokih-tehnologij-nobel-razvitie-universitetskoy-platformy-tehnologicheskogo-predprinimatel'stva> (Accessed: 22nd April 2023).

Информация об авторе:

Меншатова О.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций Института социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия). E-mail: olga.menshatova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Menshatova, Cand. Sci. (History), associate professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: olga.menshatova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.05.2023;
одобрена после рецензирования 24.08.2023; принята к публикации 30.10.2024*

*The article was submitted 12.05.2023;
approved after reviewing 24.08.2023; accepted for publication 30.10.2024*

Научная статья
УДК 808.1
doi: 10.17223/23062061/36/9

ПРОДВИГАЮЩИЙ ТЕКСТ В КНИГОИЗДАНИИ: ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

Элла Германовна Куликова¹, Виктор Владимирович Барабаш²,
Людмила Александровна Брусенская³

^{1, 2} *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия*

³ *Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия*

¹ *kulikova_ella21@mail.ru*

² *barabash-vv@rudn.ru*

³ *brusenskaya_l@mail.ru*

Аннотация. Современное маркетинговое коммуникативное пространство нуждается в тщательном изучении сложившихся приемов и их корректировке в контексте лингвоэкологических идей, которые опираются не только на интересы потребителей, но также на цивилизационные ценности общества в целом. В статье на материале паратекста в книгоиздании показаны как оптимальные способы представления коммерческой информации, в полной мере соответствующие экологическим критериям коммуникации, так и деструктивные явления в этой сфере, противоречащие этико-лингвистическим нормам.

Ключевые слова: лингвоэкология, лингвопрагматика, маркетинговая коммуникация, реклама, паратекст, продвигающий текст, книгоиздание

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001 «Лингвоэкологические параметры межкультурной коммуникации на постсоветском пространстве».

Для цитирования: Куликова Э.Г., Барабаш В.В., Брусенская Л.А. Продвигающий текст в книгоиздании: лингвоэкологические параметры // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 36. С. 135–153. doi: 10.17223/23062061/36/9

PROMOTING TEXT IN BOOK PUBLISHING: LINGUOECOLOGICAL PARAMETERS

Ella G. Kulikova¹, Victor V. Barabash², Ludmila A. Brusenskaya³

*^{1,2} Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation,*

³ Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹ kulikova_ella21@mail.ru

² barabash-vv@rudn.ru

³ brusenskaya_l@mail.ru

Abstract. The modern marketing communication space needs, firstly, a profound study of the established techniques and, secondly, an adjustment of these techniques in the context of linguoecological ideas based not only on the interests of consumers, but also on the civilizational values of society as a whole. The aim of the article is to analyze one of the types of marketing communication – a promotional text in book publishing. This material, in contrast to the commercial advertising and even social advertising, has been studied insufficiently. Meanwhile, it has its own specifics and differs in many ways from standard commercial advertising. In modern conditions of book publishing commercialization, paratext becomes an integral component of book production. Based on the material of the paratext in book publishing, the article shows both optimal ways to present commercial information fully meeting the ecological criteria of communication and destructive phenomena in this area contradicting ethical and linguistic norms. The main purpose of publishing discourse is to attract attention to the publication, which can be achieved in different ways and with the help of different genres. The problem is that publishing discourse commercialization does not conflict with the linguoecological parameters of communication. Cultivation of marketing discursive practices in which commercialization does not contradict ethical and linguistic norms is one of the most urgent tasks. The emphasis on these parameters of marketing discourse will contribute to increasing the general linguoecological awareness of all the participants in the communicative process. Paratext is axiologically deterministic, which means that in some sense it educates readers, fixes certain value attitudes. The integration of linguoecological and communicative approaches to the analysis of the specifics of the promoting text in a particular linguaculture or its possible transformation in another linguaculture seems to be promising. On the basis of the combination of inductive and hypothetical-deductive methods, the article analyzes different forms of paratext, that is, promoting text in the book publishing system. The sociolinguistic analysis based on the method of correlation of social and linguistic phenomena is used to characterize it. At the same time, a pragmalinguistic study of the material is carried out in the parameters of the linguoecological approach, which assumes, primarily, compliance with ethical and linguistic norms of communication.

Keywords: linguoecology, linguopragmatics, marketing communication, advertising, paratext, promoting text, book publishing

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR and MES RSO, project number 21-512-07001: Linguoecological Parameters of Intercultural Communication in Post-Soviet Space.

For citation: Kulikova, E.G., Barabash, V.V. & Brusenskaya, L.A. (2024) Promoting text in book publishing: Linguoecological parameters. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 36. pp. 135–153. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/36/9

В рамках современной междисциплинарной парадигмы гуманитарного знания на стыке маркетинга – развивающейся динамической системы экономики, юридической лингвистики и традиционного языкознания сформировалось новое направление – маркетинговая лингвистика. Маркетинговая лингвистика нацелена на описание сложного по своей природе объекта – маркетинговой коммуникации, причем особое внимание сосредоточено на семантических, прагматических, психолингвистических и юрислингвистических характеристиках объекта [1–9].

Одним из важнейших понятий маркетинговой лингвистики является понятие «продвигающий текст» [10–15], рассматриваемый в качестве особой единицы, функционально ориентированной на повышение прагматической эффективности массового сегмента маркетинговой коммуникации [16]. Необходимо рассмотреть специфику репрезентации продвигающего текста в наименее исследованной сфере – в книгоиздании.

Итак, целью исследования является анализ одной из разновидностей маркетинговой коммуникации – продвигающего текста в книгоиздании.

Исследователи находят возможным говорить об особом типе дискурса – издательском дискурсе, который определяется как форма письменной профессиональной коммуникации, реализуемой в особых жанрах со специфической прагматикой [17–20]. Главная задача издательского дискурса состоит в привлечении внимания к изданию, что может быть достигнуто различными способами и с помощью различных жанров. При этом проблема состоит в том, чтобы коммерциализация издательского дискурса не входила в противоречие с лингвоэкологическими параметрами коммуникации.

Материалом исследования стал паратекст, содержащийся в изданиях художественной, публицистической и мемуарной литературы (предисловия, послесловия, тексты на обложке и суперобложке). В меньшей сте-

пени использованы материалы современных медиа – «Литературной газеты», «Аргументов недели» – тех изданий, которые регулярно осуществляют на своих страницах рекламное продвижение книжной продукции. Привлечены книги таких современных авторов, как Э. Лимонов, Т. Москвина, Ю. Нагибин, Ю. Поляков, З. Прилепин, Р. Сенчин, В. Токарева; дневники и эссе Р. Быкова и О. Борисова, издания серии «Жизнь замечательных людей», посвященные В.С. Высоцкому, Н.А. Заболоцкому, В.И. Ленину, А.П. Чехову, К.И. Чуковскому.

Методологической основой изучения как текста, так и паратекста являются законы диалектического единства формы и содержания, а также детерминированности явлений.

В статье на основе сочетания индуктивного и гипотетико-дедуктивного методов анализируются различные формы паратекста, т.е. продвигающего текста в системе книгоиздания. Для его характеристики применяется социолингвистический анализ, основанный на методе корреляции социальных и языковых явлений. При этом осуществляется прагмалингвистическое исследование материала в параметрах лингвоэкологического подхода, который предполагает прежде всего соблюдение этико-лингвистических норм коммуникации.

Продвижение книжной продукции может осуществляться традиционными способами, прежде всего рекламой в медиа. Так, «Литературная газета» традиционно дает обзоры книжных новинок, формирует для этого специальные разделы (например, «Читаем с Романом Сенчиным»), публикует рейтинги новых изданий. Так, на первой странице № 15 «Литературной газеты» 2023 г. в «ЛГ-рейтинге» перечислены:

1. Виктория Токарева «Между прочим...» (повесть, очерки, эссе, интервью). М. : Городец, 2023. 176 с.

2. Юрий Буйда «Дар речи»: роман. М. : АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2023. 320 с.

3. Антон Акимов «Истории домов Тбилиси, рассказанные их жителями». М. : Бомбора, 2023. 448 с.

Никаких комментариев о том, как определялся рейтинг, на каких основаниях установлены позиции (первое, второе или третье место), не дается. Как известно, «рейтинг – показатель популярности какого-н. лица, а также фильма, представления, периодического издания» [21. С. 674], и совершенно не понятно, как можно было измерить читательский интерес к книгам, изданным неделю назад. Если в первых двух случаях комментарии, может быть, и в самом деле излишни (книги Виктории Токаревой пользуются устойчивой любовью определенной категории читателей на

протяжении 60 лет, а Юрий Буйда – известный писатель и лауреат многочисленных литературных премий), то чем интересны массовому читателю истории домов Тбилиси от Антона Акимова – мало понятно.

Активно рекламирует книжную продукцию газета «Аргументы недели», причем настойчивость рекламы, на наш взгляд, не всегда на пользу изданию. Так, на протяжении не одного года в каждом номере «Аргументов недели» рекомендуется книга главного редактора этой газеты Андрея Угланова «Пробуждение троянского мустанга». Сравнение с тем, что за это же время газета рекомендовала несколько разных книг, например Юрия Полякова, формирует у постоянного читателя мнение, что с продажей «Мустанга» реальные трудности. Ср. также:

«Аргументы недели» рекомендуют

Александр Новиков

Записки уголовного барда

Александр Новиков – поэт, певец, композитор, автор более трехсот песен, художественный руководитель Уральского Государственного театра эстрады. В 1984 году он записал свой знаменитый альбом «Вези меня, извозчик». Сразу после этого по сфабрикованному уголовному обвинению был осужден и приговорен к десяти годам лишения свободы.

Прежде чем приговор был отменен Верховным судом России, а обвинение признано незаконным, Александру Новикову пришлось провести шесть лет в заключении. События, описанные в книге, охватывают этот период в жизни поэта.

Книги вы можете приобрести наложенным платежом, заказав по телефону... Электронная версия книги – на сайте... [22. С. 19]

В современных условиях коммерциализации книгоиздания неотъемлемым компонентом книжной продукции становится паратекст. «Паратекст понимается как составная часть структуры письменного произведения, представляющая совокупность околотекстовых компонентов, которая характеризуется структурно-смысловой единораздельностью в отношении основного текста и обладает прагматической установкой» [23. С. 4; 24]. Паратекст (иные обозначения, менее распространенные, – это сверттекст, вторичный текст, периферия текста) относится к текстовой периферии. Это многогранное явление, однако главное его назначение одно – продвигать продукт, способствовать продажам. В различных типах паратекста актуализируется новизна содержания. Так, на первой странице обложки книги Р. Сенчина «Петля» значится характеристика *Совсем новая проза* [25].

Паратекст реализуется в авторском предисловии, которое имеет пояснительный или критический характер и предваряет произведение, нередко – от первого лица, ср.: *Книга, которую вы держите в руках, – это*

сборник, куда вошли мои статьи, эссе, интервью за последние три года (Предисловие Ю. Полякова к книге «Босх в помощь» [26]); *Свой новый сборник эссе, заметок и рецензий... я решила назвать «Разберемся!»* (Предисловие Т. Москвиной к книге «Разберемся! Главное о новом в кино, театре и литературе» [27]). Нередко, как в названной книге Т. Москвиной, текст авторского предисловия полностью дублируется на четвертой странице обложки.

Предисловие необязательно написано самим автором; в предисловии свои замечания могут излагать редактор, издатель и другие лица, имеющие отношение к произведению. С советских времен распространена практика, когда известный писатель в предисловии рекомендует книгу молодого автора. В. Токарева писала, что предисловие Юрия Нагибина к ее раннему сборнику рассказов было эстетически более ценным, чем вся книга.

Конечно, предисловие, написанное другим автором, выполнит свои задачи только в том случае, если и сам текст предисловия имеет художественную ценность, ср.:

Новой книге Татьяны Москвиной, наверное, могло бы подойти название роман Джеймса Джойса «Портрет художника в юности». Но Москвина – писатель своевольный и гордый, чуждый постмодернистским играм и сомнительным заимствованиям. «Жизнь советской девушки» – прежде всего ее автопортрет на неброском ленинградском фоне 60–80 годов прошлого века, выписанный с той беспощадной тщательностью, которая выдает автора как последовательного приверженца русской реалистической школы, тонкого психолога и дотошного исследователя уходящей советской природы. Из множества смешных и грустных историй, точных наблюдений и честных воспоминаний складывается Книга Жизни, от которой нельзя оторваться... (С. Николаевич, главный редактор журнала «СНОБ» [28]).

Вряд ли можно считать удачной заменой предисловию фрагмент из самого текста, особенно – маловыразительный. Сравните, что занимает место предисловия в сборнике рассказов В. Токаревой «Внутренний голос»:

Существуют русские сказки, где герой, какой-нибудь Иван-дурак, останавливается на перекрестке трех дорог. Одна – вправо, другая – влево, третья – прямо.

Если вправо пойдешь, смерть найдешь, если влево – любовь встретишь, а если прямо – царство с сундуками, полными золота. Плюс золотой унитаз.

Что выбрать: смерть, любовь или богатство?» (Виктория Токарева) [29]

Не надо быть Викторией Токаревой, чтобы написать такой текст. Издатель вряд ли оказал автору (да и читателям) хорошую услугу, выбрав этот фрагмент для представления книги.

Иное дело, если фрагмент из текста, данный в предисловии, составляет квинтэссенцию произведения, ср.:

«Не посылайте никому воздушных поцелуев, не прижимайте руки к сердцу и не падайте на колено, как будто клянетесь. Не интонируйте, не пойте текст, в стихах ломайте ритм. Не жестикулируйте излишне, например, не бейте себя в грудь, не заламывайте руки. Не разводите руками... Ваша задача – чтобы не осталось ничего! Когда вы доведете себя до абсолютного нуля... каждый жест, который вы придумаете, каждый дерг жеста должен быть точным, должен быть вашим собственным».

Это поучение великого Олега Борисова студенту-театралу вполне можно применять и в жизни (О.И. Борисов «Абсолютный ноль: дневники и интервью». М.: Эксмо, 2017 [30]).

Разновидностью паратекста выступают разного типа аннотации, нередко представляющие собой цитаты из опубликованных рецензий, ср.: *Реалист Сенчин ведет рискованную игру. Он вторгается в границы чуждого опыта...* (Валерия Пустовая) [25]. На четвертой странице обложки «Петербургских повестей» Р. Сенчина [31. С. 4] приведены цитаты не только из рецензии профессионального критика П. Басинского, но также из интернета (ссылки выглядят как *ТОPOS.RU*, *отзыв на MAYBOOK*). Как отмечает Л.Г. Викулова, «...аннотация на четвертой странице является важной составляющей издательского дискурса, который, в свою очередь, оказывает значительное влияние на продвижение книги в обществе, в том числе на книжном рынке» [32. С. 104].

Сравнивая книгоиздание советского и постсоветского периода, можно сделать вывод о преобладании исключительно справочной функции в первом случае и приоритета рекламной, продвигающей во втором. Новейшие книги даже в традиционной серии «Жизнь замечательных людей» иногда имеют рекламную составляющую. Так, книга Л. Данилкина «Ленин. Пантократор солнечных пылинок» [33] на обложке, под заглавием имеет такой текст: «От победителя “Большой книги” 2017». Как писал сам Л. Данилкин, книг о Ленине столько, что ими можно заполнить расстояние от Земли до Луны. Очевидно, издатели решили с помощью приведенного паратекста подвинуть современного читателя приобрести еще одно произведение из Ленинианы. Но такая издательская политика не характерна для серии ЖЗЛ и сегодня: книги там либо вообще лишены предисловий (Вл. Новиков «Высоцкий» [34]), либо имеют предисловия и послесловия, где акцентируется полнота сведений (о книге А. Кузичевой «Чехов» сказано, что это «капитальное исследование известного литературоведа» [35]; о книге И.В. Лукьяновой «Корней Чуковский» говорится, что это непревзойденная по полноте биография писателя, причем его

жизнь вписана в широкую панораму российской истории и литературы XX века [36]). В паратексте на четвертой странице обложки книги В. Михайлова «Заболоцкий» [37] подчеркивается, что это вообще первая биография великого поэта.

Апеллятивной и суггестивной функцией характеризуются разного рода рекомендации на обложке. Ср.: на первой странице обложки книги Р. Сенчина «Напрямик» написано: *Эту книгу рекомендуют вам 100 читателей* [38].

Аннотация подчеркивает значимость нового текста и его компонентов. Так, аннотация к книге Ю. Полякова «Быть русским в России» содержит фразу: *В книге со знаковым названием «Быть русским в России»...* [39]. В аннотации нередко проясняется заглавие книги, что важно в тех случаях, когда оно может быть понято превратно. Так, в аннотации к сборнику эссе «Вечные спутники» [40] разъясняется, что под вечными спутниками имеются в виду великие писатели, чьи жизнеописания и дает в этой книге Ю. Нагибин.

Обычны указания на «заслуги» автора: лауреат премии «Большая книга», финалист «Русского Букера». Так, все последние издания книг Р. Сенчина сопровождаются сведениями: лауреат премий «Большая книга», «Ясная поляна»¹. Впрочем, такое лауреатство далеко не для всех есть свидетельство действительных заслуг. Так, Ю. Поляков неоднократно писал о том, что лауреатами этих и подобных премий в современной России становятся исключительно авторы русофобских сочинений. О самом Ю. Полякове на обложках книг сообщается, что он председатель Национальной ассоциации драматургов России, обладатель Золотой медали имени Ивана Бунина и лауреат государственных премий. Обычна конструкция «От лауреата»: *От лауреата Премии Правительства РФ и финалиста премии «Золотой Дельвиг»* [41].

Продвижению книги способствуют такие атрибуты в паратексте, как *популярный, известный, лучший* и даже *любимый*. На четвертой странице обложки книги Ю. Полякова «Босх в помощь» сказано: *Новая книга публицистики классика русской литературы Юрия Полякова...* [26]. Сборник рассказов В. Токаревой «Внутренний голос» имеет на первой странице обложки такую рекомендацию: *Новая книга любимого автора* [29].

Известный рекламный прием, хорошо описанный в трудах по рекламоведению, – это указание на уникальность, что совсем не чуждо и паратекстам в книгоиздании:

¹ См. АСТ 2022 г.

Новая книга известного русского писателя Юрия Полякова «Советство» – это *уникальная* возможность взглянуть на московскую жизнь далекого 1968 года глазами двенадцатилетнего советского мальчика [42].

Вам выпадает *уникальная* возможность узнать Олега Борисова с его собственных слов... [30].

Продвижению книг способствует выделение особых книжных серий типа «Знак качества», «Радость сердца», «Претендент на бестселлер». Книга Никиты Заболоцкого (сына поэта) «Жизнь Николая Заболоцкого» издана в серии «Легендарные книги литагентства ФТМ» [43]. Заметим, что сам поэт, конечно, заслуживает всех возможных похвальных эпитетов, но не совсем понятно, почему книга о нем именуется «легендарной».

Таким образом, издательский дискурс тесно связан с маркетинговыми коммуникациями. Есть мнение, что различие издательского паратекста и типичной коммерческой рекламы состоит в следующем: для товарной рекламы на первом месте оказывается суггестивная функция (рекламодателю важно, чтобы потенциальный потребитель запомнил марку товара), в то время как для издательского дискурса очень важна информационная функция, хотя в ряде случаев, как в приведенных примерах, она смыкается с суггестивной, определяющей продвижение книги на книжном рынке.

Маркетинговая лингвистика обладает такой чертой, как экспансивность, т.е. она вовлекает в свою орбиту те участки коммуникации, которые ей изначально не принадлежали. В качестве подтверждения этой тенденции может служить исследование Н.В. Бочарниковой «Перевод названий текстов масскульта как инструмент лингвистического маркетинга» [44]. Как видно уже из названия, перевод заголовка художественного текста рассматривается как продвигающий текст, ибо он способен обеспечить интерес потенциальных потребителей и успешную реализацию книги как товара. Именно коммерческим интересом обусловлены различные трансформации заголовка, который в результате приобретает маркетинговые атрибуты, обеспечивающие товарную востребованность произведения.

Заголовок как текстовая категория детально исследован в лингвистике [45–53], оформилась даже особая отрасль ономастики – идеоматика, которая занимается изучением заглавий – идеонимов. Стала общим местом мысль о структурной и семантической важности заголовка в целостном тексте. Уже признанная в качестве традиционной концепция И.Р. Гальперина включает заголовок (представленный эксплицитно или имплицитно) в качестве обязательного текстового элемента. Заголовок исходно

обладает коммуникативным и текстовым потенциалом, который позволяет структурировать текст, это номинация в сильной позиции. Утверждается даже, что заголовок играет ключевую роль в понимании текста. И, естественно, маркетинговые трансформации при переводе заголовка в идеале должны учитывать все эти обстоятельства, что происходит далеко не всегда. Показательна в этом отношении история с французским изданием романа Э. Лимонова «Это я, Эдичка». Как сказано в авторском послесловии, «...на том же совместном заседании родилось французское название “Эдички” – “Русский поэт предпочитает больших негров”. Оба усатых издателя утверждали, что “Сэ муа – Эдвард” ничего не говорит ни уму, ни сердцу французского покупателя (именно покупателя, ибо изданию все равно, читают ли книгу, он заинтересован лишь в приобретении ее. Увы, даже такой интеллектуальный издатель, как Повер)» [54]. То есть из всего оригинального текста об одиночестве и бесприютности в эмиграции, о несчастливой любви для заголовка выбран второстепенный фрагмент, способный заинтересовать разве что ЛГБТ-сообщество. Между тем лейтмотив книги – любовь к бывшей жене, которая оставила главного героя в поисках более обеспеченной жизни. То есть переводной вариант заглавия не отражает, а, напротив, искажает содержание книги. Проанализированный пример наглядно демонстрирует конфронтацию двух прагматик, о которых писал Г.Г. Хазагеров [55]. «Ближняя прагматика» отражает сиюминутные коммуникативные интересы адресанта, а «дальняя прагматика» имеет целью окультуривание коммуникативного пространства в целом. Удачное с точки зрения коммерческих задач решение далеко не всегда соответствует общему цивилизационному благу.

Маркетинговую лингвистику не может не интересовать совмещение маркетинговой деятельности с принципами экологичности, с этико-лингвистическими нормами современной коммуникации [56]. Если паратекст, продвигающий произведения писателя, выглядит так: *Евгений Водолазкин – один из главных писателей нашего времени* [57. С. 12], – то это не может не вызывать недоумения, ибо отсылает к нелюбимому «Собеседником» советскому времени, когда главным писателем был назначен М. Горький, а главным поэтом – В. Маяковский.

Как справедливо замечает Е.П. Гаран, «...штендер у книжного магазина *Книги. Читать – модно!* может многое сказать ...о лингвокультурной ситуации, о преобладающих в социуме стереотипах и ценностях» [58. С. 4]. Действительно, подобный призыв к чтению выглядит обескураживающе из-за помещения такого фундаментального явления, как чтение, в пространство современной моды. Между тем разговор о моде на чтение (или отсутствии таковой) стал обычным делом:

Возвращение *моды на чтение* находится в одном ряду с популярностью образовательных и просветительских практик, учебных подкастов, школ писательского мастерства и так далее [59].

Мы полагаем, что связывать чтение (как и образование, обучение, познание, постижение мира) с понятием моды неправомерно и неэтично. В самой сути моды, как отмечал Ж. Бодрийяр [60. С. 171], заложено «суицидальное желание», которое осуществляется в тот момент, когда «мода достигает своего апогея». То есть мода – явление преходящее, изменчивое, и это ее сущностные свойства. Поэтому агитировать за чтение как за модную субстанцию означает принижать основополагающую роль чтения в образовании и воспитании человека. Думаем, что характеристика «Захар Прилепин – самый модный современный прозаик» в безымянном предисловии к сборнику эссе «К нам едет Пересвет» [61] вряд ли отражает сущностную роль З. Прилепина в литературной (а также культурной и общественно-политической) жизни страны.

Нарушением норм экологичной коммуникации представляются такие фрагменты паратекста, которые не соотносятся с глубинным содержанием представляемой книги. Так, «Дневники» Ролана Быкова [62], изданные уже после смерти великого актера и режиссера его вдовой Еленой Санаевой, имеют очень выразительный заголовок, который передает жизненное кредо выдающегося мастера – «*Я побит – начну сначала*» (фраза самого Быкова). Но издатели, видимо, решили усилить впечатление (а заодно и продаваемость) и поместили под заголовком такую фразу: «*Эта книга поражает своей откровенностью*». На наш взгляд, это замечание в корне неверное. Книга поражает мудростью и афористичностью, глубокой постижения сути кино и вообще искусства. Здесь автор предстает незаурядным мыслителем, а откровенностью (в смысле погружения в детали личной жизни) книга как раз и не отличается (да такого рода откровенность, пропагандируемая в современных ток-шоу на телевидении, вообще чужда интеллигентному человеку). Думаем, что эта фраза на обложке профанирует книгу в глазах думающего читателя и дезориентирует читателя, жаждущего подробностей личной жизни.

Итак, маркетинговые коммуникации соединяют утилитарные функции рекламирования товара с формированием образов, символов и в то же время осуществляют реалистические стратегии логической аргументации. При этом различные виды коммуникации в социуме, в том числе маркетинговые, должны обеспечивать неконфликтность как обязательный признак.

Маркетинговые коммуникации вообще и издательский паратекст в частности пытаются перевести качество товаров и их рекламирование на

язык потребностей адресата. Огромный смысл сегодня приобретает разграничение деструктивного и конструктивного потенциала маркетинговых коммуникаций. Культивирование маркетинговых дискурсивных практик, в которых коммерциализация не противоречит этико-лингвистическим нормам, – одна из самых актуальных задач. На наш взгляд, не вполне этичны «рейтинги» только что вышедших книг, которые регулярно дает на первой странице «Литературная газета», небезупречны и фразы на обложках типа «эту книгу рекомендуют 100 читателей», а также апелляция в рекламе книжной продукции к категориям моды и престижа. К тексту, продвигающему книги, правомерно предъявлять более высокие эстетические требования, чем к типичной коммерческой рекламе. Удручающее впечатление производит стандартный паратекст, сопровождающий книгу великого автора. Еще хуже, если сиюминутный коммерческий интерес побуждает создателей продвигающих текстов к нарушению этико-лингвистических норм. Недопустимо и прагматическое несоответствие посыла паратекста внутренней сущности произведения (как это произошло с «Дневниками» Ролана Быкова, которые рекомендуются как «книга, поражающая своей откровенностью»).

Маркетинговое коммуникативное пространство нуждается, во-первых, в тщательном изучении сложившихся приемов и, во-вторых, в корректировке этих приемов в контексте лингвоэкологических идей, которые опираются не только на интересы потребителей, но также на цивилизационные ценности общества.

Список источников

1. Каменский М.А. Гражданско-правовое регулирование производства и распространения рекламы на территории Российской Федерации : дис. ...канд. юрид. наук. М., 2019. 203 с.
2. Колядич Т.М., Капица Ф.С. Медиастратегии современной российской прозы. Механизмы формирования читательского спроса. М. : УРСС, 2017. 200 с.
3. Крутая Ю.Б. Методы и инструменты продвижения книжной продукции // Вопросы экономики и управления. 2017. № 1 (8). С. 50–52. URL: <https://moluch.ru/th/5/archive/51/1935/> (дата обращения: 21.04.2023).
4. Сухотерин Д.Я. Реклама в русской периодике рубежа XIX–XX вв. как пространство формирования массовой культуры : дис. ... канд. культурологии. Киров, 2012. 161 с.
5. Art S. Media Literacy and Critical Thinking. International Journal of Media and Information Literacy. 2018. № 3 (2). P. 66–71. doi: 10.13187/ijmil.2018.2.66
6. Mackenzie J.L. Sentiment and Confidence in Financial English: a Corpus Study // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (1). P. 80–93. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-80-93

7. Marlangeon S.K. Fustigation Impoliteness, Emotions and Extimacy in Argentine Media Celebrities // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. № 22 (1). P. 161–174. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-161-174
8. Sánchez-Moya A., Cruz-Moya O. Whatsapp, Textese, and Moral Panics: discourse features and habits across two generations // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 173. P. 300–306. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.02.069
9. Yus F. Contextual Constraints and Non-propositional Effects in WhatsApp communication // *Journal of Pragmatics*. 2017. № 114. P. 66–86. doi: 10.1016/j.pragma.2017.04.003
10. Борисова Е.Г. Маркетинговая лингвистика: направления и перспективы // *Верхневолжский филологический вестник*. 2016. № 4. С. 140–143. doi: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.18
11. Гольцман Д.М. Инструменты для продвижения книжной продукции в России // *Актуальные исследования*. 2021. № 26 (53). С. 65–70. URL: <https://apni.ru/article/2646-instrumenti-dlya-prodvizheniya-knizhnoj-prod> (дата обращения: 21.04.2023).
12. Зими́на Л.В. Книжная обложка как интерсемиотическая интерпретация в цифровую эпоху // *Библиография и книговедение*. 2020. № 1. С. 138–156.
13. Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста / под ред. Е.Г. Борисовой, Л.Г. Викуловой. М. : Флинта, 2019. 164 с.
14. Маркетинговые коммуникации: проблемы, возможности и перспективы развития. Нижний Новгород : Профессиональная наука, 2018. URL: <http://scipro.ru/conf/monographmarketing.pdf> (дата обращения: 06.05.2023).
15. Тутатина Е.А. Текст на обложке. Современные тенденции в оформлении книжных обложек // *Материалы научно-практической книговедческой конференции аспирантов кафедр «Издательское дело и книговедение»*. М., 2018. С. 42–48.
16. Ухова Л.В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции // *Верхневолжский филологический вестник*. 2018. № 3. С. 71–82. doi: 10.24411/2499-9679-2018-10136
17. Цой А.А. Теоретическое обоснование понятия «маркетинговые коммуникации» // *Актуальные исследования*. 2022. № 6 (85). С. 49–55. URL: <https://apni.ru/article/3720-teoreticheskoe-obosnovanie-ponyatiya-marketin> (дата обращения: 21.04.2023).
18. Ярова И.В. Формы рекламирования книги // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2. Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 200–204.
19. Anderson D. Reflections on technologies for studying children and media // *Journal of Children and Media*. 2020. № 14. P. 131–140. doi: 10.1080/17482798.2019.1704358
20. Utsumi A. Verbal irony as implicit display of ironic environment: Distinguishing ironic utterances from nonirony // *Journal of Pragmatics*. 2000. Vol. 32. P. 1777–1806. doi: 10.1016/S0378-2166(99)00116-2
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
22. «Аргументы недели» рекомендуют... // *Аргументы недели*. 2022. № 45.
23. Викулова Л.Г. Паратекст французской литературной сказки: Прагмалингвистический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2001. 363 с.
24. Викулова Л.Г. Издательский дискурс в системе общения «Автор – Издатель – Читатель» // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. Серия «Филология». 2012. № 2 (18). С. 63–68.

25. Сенчин Р. Петля. М. : АСТ, 2020. 384 с. (Актуальный роман)
26. Поляков Ю. Босх в помощь. М. : Книжный мир, 2019. 544 с.
27. Москвина Т. Разберемся! Главное о новом в кино, театре и литературе. М. : АСТ, 2022. 416 с.
28. Москвина Т. Жизнь советской девушки. М. : АСТ: редакция Елены Шубиной, 2015. 300 с.
29. Токарева В. Внутренний голос. СПб. : Азбука; Азбука Аттикус, 2022. 208 с.
30. Борисов О.И. Абсолютный ноль: дневники и интервью. М. : Эксмо, 2017. 512 с.
31. Сенчин Р. Петербургские повести. М. : Эксмо, 2021. 330 с.
32. Викулова Л.Г. Издательский дискурс, или как себя рекламирует книга // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты» (Самара, 1–2 апреля 2016 г.). Самара : СамГУ, 2016. С. 104–112.
33. Данилкин Л. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М. : Молодая гвардия, 2018. 912 с.
34. Новиков Вл. Высоцкий. М. : Молодая гвардия, 2021. 612 с.
35. Кузичева А. Чехов. М. : Молодая гвардия, 2010. 848 с.
36. Лукьянова И.В. Корней Чуковский. М. : Молодая гвардия, 2007. 991 с.
37. Михайлов В. Заболоцкий. М. : Молодая гвардия, 2018. 656 с.
38. Сенчин Р. Напрямик. М. : Эксмо, 2016. 378 с.
39. Поляков Ю. Быть русским в России. М. : Аргументы недели, 2020. 496 с.
40. Нагибин Ю. Вечные спутники. М. : ПРОЗАИК, 2017. 512 с.
41. Сенчин Р. Наш последний эшелон. М. : Эксмо, 2013. 448 с.
42. Поляков Ю. Советство. М. : АСТ, 2021. 384 с.
43. Заболоцкий Н. Жизнь Николая Заболоцкого. М. : РИПОЛ классик, 2016. 696 с.
44. Бочарникова Н.В. Перевод названий текстов масскульты как инструмент лингвистического маркетинга : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 234 с.
45. Гинзбург Л.Я. О поэтике заглавия // Лингвистика и поэтика : сб. ст. М. : Наука, 1979. С. 309–316.
46. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: Структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX–XX вв.) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 288 с.
47. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики. М., 1988. С. 167–183.
48. Серебрякова С.В. Концептуальная значимость заглавия в переводческом аспекте // Язык. Текст. Дискурс : научный альманах. Вып. 6. Ставрополь : АПСН, 2008. С. 240–245.
49. Тутатина Е.А. Заглавия книг в современных издательских практиках: генезис, эволюция, поэтика и прагматика : дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 197 с.
50. Guinda C.S. The Emotional Prosody of U.S. Fatal Air-Accident Dockets Online: Risking Risk Communication? // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (1). P. 126–143. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-126-143
51. Hoffmann C.P., Suphan A. Stuck with “electronic brochures”? How boundary management strategies shape politicians’ social media use // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20, Is. 4. P. 551–569. doi: 10.1080/1369118X.2016.1200646
52. Karahoca A., Yengin I., Karahoca D. Cognitive Dialog Games as Cognitive Assistants Tracking and Adapting Knowledge and Interactions in Students Dialogs // International

Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2018. № 6 (1). P. 45–52.

53. Petersen G. Titles, Labels, and Names: A House of Mirrors. Text : digital // The Journal of Aesthetic Education. 2006. Vol. 40, № 2. P. 29–44. URL: <https://www.jstor.org/stable/4140228>

54. Лимонов Э. Это я, Эдичка. М. : RENAISSANCE, 1991. 332 с.

55. Хазагеров Г.Г. Телеологический смысл и социальная роль классификации риторических фигур // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 3. С. 89–102.

56. Брусенская Л.А., Барабаш В.В., Куликова Э.Г. Этико-речевые нормы современного русского языка. М. : ФЛИНТА, 2022. 164 с.

57. Евгений Водолазкин... // Собеседник. 2022. № 45.

58. Гаран Е.П. Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2009. 159 с.

59. Бак Д. В литературе происходят тектонические изменения // Литературная газета. 2022. 5 мая.

60. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Прогресс, 2000. 331 с.

61. Прилепин З. К нам едет Пересвет. М. : Астрель, 2012. 448 с.

62. Быков Р. Дневники. М. : АСТ, 2019. 752 с.

References

1. Kamensky, M.A. (2019) *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie proizvodstva i rasprostraneniya reklamy na territorii Rossiiskoy Federatsii* [Civil law regulation of the production and distribution of advertising on the territory of the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.

2. Kolyadich, T.M. & Kapitsa, F.S. (2017) *Media strategii sovremennoy rossiyskoy prozy. Mekhanizmy formirovaniya chitatel'skogo sprosa* [Media strategies of modern Russian prose. Mechanisms for forming reader demand]. Moscow: URSS.

3. Krutaya, Yu.B. (2017) *Metody i instrumenty prodvizheniya knizhnoy produktsii* [Methods and tools for promoting book products]. *Voprosy ehkonomiki i upravleniya*. 1(8). pp. 50–52.

4. Sukhoterin, D.Ya. (2012) *Reklama v russkoy periodike rubezha XIX – XX vv. kak prostranstvo formirovaniya massovoy kul'tury* [Advertising in Russian periodicals of the turn of the 20th century as a space for the formation of mass culture]. Cultural Studies Cand. Diss. Kirov.

5. Art, S. (2018) Media Literacy and Critical Thinking. *International Journal of Media and Information Literacy*. 3(2). pp. 66–71. DOI: 10.13187/ijmil.2018.2.66

6. Mackenzie, J.L. (2018). Sentiment and Confidence in Financial English: a Corpus Study. *Russian Journal of Linguistics*. 22(1). pp. 80–93. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-80-93

7. Marlangeon, S.K. (2018) *Fustigation Impoliteness, Emotions and Extimacy in Argentine Media Celebrities*. *Russian Journal of Linguistics*. 22(1). pp. 161–174. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-161-174

8. Sánchez-Moya, A. & Cruz-Moya, O. (2015) Whatsapp, Textese, and Moral Panics: discourse features and habits across two generations. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 173. pp. 300–306. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.02.069

9. Yus, F. (2017) Contextual Constraints and Non-propositional Effects in WhatsApp communication. *Journal of Pragmatics*. 114. pp. 66–86. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.04.003

10. Borisova, E.G. (2016) Marketingovaya lingvistika: napravleniya i perspektivy [Marketing linguistics: Directions and prospects]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*. 4. pp. 140–143.

11. Goltsman, D.M. (2021) Instrumenty dlya prodvizheniya knizhnoy produktsii v Rossii [Tools for the promotion of book products in Russia]. *Current research*. 26(53). pp. 65–70.

12. Zimina, L.V. (2020) Knizhnaya oblozhka kak intersemioticheskaya interpretatsiya v tsifrovuyu epokhu [Book Cover as an Intersemiotic Interpretation in the Digital Age]. *Bibliografiya i knigovedenie*. 1. pp. 138–156.

13. Borisova, E.G. & Vikulova, L.G. (eds) (2019) *Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushchego teksta* [Marketing Linguistics. Regularities of the Promoting Text]. Moscow: Flinta.

14. Scipro.ru (2018) *Marketingovye kommunikatsii: problemy, vozmozhnosti i perspektivy razvitiya* [Marketing communications: Problems, opportunities and prospects of development]. Nizhny Novgorod: Professional'naya nauka. [Online] Available from: <http://scipro.ru/conf/monographmarketing.pdf> (Accessed: 6th May 2023).

15. Tutatina, E.A. (2018) Tekst na oblozhke. Sovremennye tendentsii v oformlenii knizhnykh oblozhkek [The text on the cover. Modern trends in the book cover designs]. In: Tokareva, L.A. (ed.) *Materialy nauchno-prakticheskoi knigovedcheskoi konferentsii aspirantov kafedry "Izdatel'skoe delo i knigovedenie"* [Proceedings of the book research conference of graduate students of the Department "Publishing and Book Studies"]. Moscow. pp. 42–48.

16. Ukhova, L.V. (2018) "Prodvigayushchii tekst": ponyatie, osobennosti, funktsii [A "promoting text": The concept, features, functions]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*. 3. pp. 71–82.

17. Tsoy, A.A. (2022) Teoreticheskoe obosnovanie ponyatiya "marketingovye kommunikatsii" [Theoretical substantiation of the concept of "marketing communications"]. *Aktual'nye issledovaniya*. 6(85). pp. 49–55.

18. Yarova, I.V. (2010) Formy reklamirovaniya knigi [Forms of book advertising]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. 1(11). pp. 200–204.

19. Anderson, D. (2020) Reflections on technologies for studying children and media. *Journal of Children and Media*. 14. pp. 131–140. DOI: 10.1080/17482798.2019.1704358

20. Utsumi, A. (2000) Verbal irony as implicit display of ironic environment: Distinguishing ironic utterances from nonirony. *Journal of Pragmatics*. 32. pp. 1777–1806. DOI: 10.1016/S0378-2166(99)00116-2

21. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.

22. *Argumenty nedeli*. (2022) "Argumenty nedeli" rekomenduyut... ["Argumenty nedeli" recommend ...]. 45.

23. Vikulova, L.G. (2001) *Paratekst frantsuzskoy literaturnoy skazki: Pragmalingvisticheskiy aspekt* [The paratext of the French literary fairy tale: The pragmalinguistic aspect]. Philology Dr. Diss. Irkutsk.

24. Vikulova, L.G. (2012) Izdatel'skiy diskurs v sisteme obshcheniya "Avtor – Izdatel' – Chitateľ'" [Publishing discourse in the Author – Publisher– Reader communication system]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya "Filologiya"*. 2(18). pp. 63–68.

25. Senchin, R. (2020) *Petlya* [Loop]. Moscow: AST.

26. Polyakov, Yu. (2019) *Boskh v pomoshch'* [Bosch to the Rescue]. Moscow: Knizhnyy mir.

27. Moskvina, T. (2022) *Razberemysya! Glavnoe o novom v kino, teatre i literature* [We'll figure it out! The main thing about the new in cinema, theater and literature]. Moscow: AST.

28. Moskvina, T. (2015) *Zhizn' sovsotskoy devushki* [The Life of a Soviet Girl]. Moscow: AST.

29. Tokareva, V. (2022) *Vnutrenniy golos* [The Inner Voice]. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka Attikus.

30. Borisov, O.I. (2017) *Absolyutny nol': dnevniki i interv'yu* [Absolute Zero: Diaries and Interviews]. Moscow: Eksmo.

31. Senchin, R. (2021) *Peterburgskie povesti* [The Petersburg Stories]. Moscow: Eksmo.

32. Vikulova, L.G. (2016) Izdatel'skiy diskurs, ili kak sebya reklamiruet kniga [The publishing discourse, or how the book advertises itself]. *Ehvolyutsiya i transformatsiya diskursov: yazykovye i sotsiokul'turnye aspekty* [Evolution and Transformation of Discourses: Linguistic and Sociocultural Aspects]. Samara, April 1–2, 2016. Samara: SamSU. pp. 104–112.

33. Danilkin, L. (2018) *Lenin. Pantokrator solnechnykh pylinok* [Lenin. The Pantocrator of Solar Dust Particles]. Moscow: Molodaya gvardiya.

34. Novikov, V.I. (2021) *Vysotskiy*. Moscow: Molodaya gvardiya.

35. Kuzicheva, A. (2010) *Chekhov*. Moscow: Molodaya gvardiya.

36. Lukyanova, I.V. (2007) *Korney Chukovskiy*. Moscow: Molodaya gvardiya.

37. Mikhailov, V. (2018) *Zabolotskiy*. Moscow: Molodaya gvardiya.

38. Senchin, R. (2016) *Napryamik* [Straight Ahead]. Moscow: Eksmo.

39. Polyakov, Yu. (2020) *Byt' russkim v Rossii* [Being Russian in Russia]. Moscow: Argumenty nedeli.

40. Nagibin, Yu. (2017) *Vechnye sputniki* [Eternal Companions]. Moscow: PROZAIK.

41. Senchin, R. (2013) *Nash posledniy eshelon* [Our Last Echelon]. Moscow: Eksmo.

42. Polyakov, Yu. (2021) *Sovdetstvo* [Sovchildhood]. Moscow: AST.

43. Zabolotskiy, N. (2016) *Zhizn' Nikolaya Zabolotskogo* [The Life of Nikolai Zabolotskiy]. Moscow: RIPOL klassik.

44. Bocharnikova, N.V. (2014) *Perevod nazvaniy tekstov masskul'ta kak instrument lingvisticheskogo marketinga* [Translation of mass culture text titles as a linguistic marketing tool]. Philology Cand. Diss. Volgograd.

45. Ginzburg, L.Ya. (1979) O poetike zaglaviya [About the poetics of the title]. In: *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. Moscow: Nauka. pp. 309–316.

46. Kozhina, N.A. (1986) *Zaglavie khudozhestvennogo proizvedeniya: Struktura, funktsii, tipologiya (na materiale russkoy prozy XIX–XX vv.)* [The title of the work of art: Structure, functions, typology (based on the Russian prose of the 19th – 20th centuries)]. Philology Cand. Diss. Moscow.

47. Kozhina, N.A. (1988) *Zaglavie khudozhestvennogo proizvedeniya: ontologiya, funk-tsii, parametry tipologii* [The title of a work of art: Ontology, functions, typology parameters]. *Problemy strukturnoy lingvistiki*. 2(18). pp. 167–183.

48. Serebryakova, S.V. (2008) *Kontseptual'naya znachimost' zaglaviya v perevodcheskom aspekte* [The conceptual significance of the title in the translation aspect]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*. 6. pp. 240–245.

49. Tutatina, E.A. (2021) *Zaglaviya knig v sovremennykh izdatel'skikh praktikakh: genesis, evolyutsiya, poetika i pragmatika* [Book titles in modern publishing practices: Genesis, evolution, poetics and pragmatics]. Philology Cand. Diss. Moscow.

50. Guinda, C.S. (2018) The Emotional Prosody of U.S. Fatal Air-Accident Dockets Online: Risking Risk Communication? *Russian Journal of Linguistics*. 22(1). pp. 126–143. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-126-143

51. Hoffmann, C.P. & Suphan, A. (2017) Stuck with “electronic brochures”? How boundary management strategies shape politicians’ social media use. *Information, Communication & Society*. 20(4). pp. 551–569. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1200646

52. Karahoca, A., Yengin, I. & Karahoca, D. (2018) Cognitive Dialog Games as Cognitive Assistants Tracking and Adapting Knowledge and Interactions in Students Dialogs. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 6(1). pp. 45–52.

53. Petersen, G. (2006) Titles, Labels, and Names: A House of Mirrors. Text: digital. *The Journal of Aesthetic Education*. 40(2). pp. 29–44.

54. Limonov, E. (1991) *Eto ya, Edichka* [It’s me, Eddie]. Moscow: RENAISSANCE.

55. Khazagerov, G.G. (2016) Teleologicheskiy smysl i sotsial'naya rol' klassifikatsii ritoricheskikh figur [Teleological meaning and social role of the classification of rhetorical figures]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika*. 20(3). pp. 89–102.

56. Brusenskaya, L.A., Barabash, V.V. & Kulikova, E.G. (2022) *Etiko-rechevye normy sovremennogo russkogo yazyka* [Ethical and Speech Norms of the Modern Russian Language]. Moscow: Flinta.

57. *Sobesednik*. (2022) Evgeniy Vodolazkin. 45.

58. Garan, E.P. (2009) *Lingvokul'turologicheskie aspekty interpretatsii reklamnogo diskursa (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Linguoculturological aspects of advertising discourse interpretation (based on the material of Russian and English languages)]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.

59. Back, D. (2022) V literature proiskhodyat tektonicheskie izmeneniya [Tectonic changes are taking place in the literature]. *Literaturnaya gazeta*. 5th May.

60. Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Translated from French. Moscow: Progress.

61. Prilepin, Z. (2012) *K nam edet Peresvet* [Peresvet is Coming to Us]. Moscow: Astrel'.

62. Bykov, R. (2019) *Dnevnik* [Diaries]. Moscow: AST.

Информация об авторах:

Куликова Э.Г. – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Россия). E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

Барабаш В.В. – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой массовых коммуникаций, декан филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Россия). E-mail: mailto:barabash-vv@rudn.rubarabash-vv@rudn.ru

Брусенская Л.А. – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и культуры речи факультета лингвистики и журналистики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: mailto:brusenskaya_1@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.G. Kulikova, Dr. Sci. (Philology), full professor, professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation). E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

V.V. Barabash, Dr. Sci. (Philology), full professor, head of the Department of Mass Communications, dean of the Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation). E-mail: barabash-vv@rudn.rubarabash-vv@rudn.ru

L.A. Brusenskaya, Dr. Sci. (Philology), full professor, professor, Rostov State University of Economics (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: brusenskaya_1@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.08.2023;
одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 31.10.2024*

*The article was submitted 11.08.2023;
approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 31.10.2024*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунок, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 27]. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словами «Список источников» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке должен быть соотнесен с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:
 - английский вариант инициалов и фамилии автора;
 - перевод названия своей организации;
 - перевод названия статьи (например: Ideological context of “Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812”);
 - автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;
 - перевод ключевых слов на английский язык.
2. Сведения об авторе по форме:
 - фамилия, имя, отчество (полностью);

– ученая степень, ученое звание;
– должность и место работы/учебы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

– специальность (название и номер по классификации ВАК);

– телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет ученой степени).

Всего оформляется и подается три электронных и бумажных документа:

1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение ее в интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне¹.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

¹ По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал
ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ
TEXT. BOOK. PUBLISHING
2024. № 36

Редактор *А.А. Цыганкова*
Редактор-переводчик *В.В. Кашиур*
Оригинал-макет *А.И. Лелююр*

Подписано в печать 10.12.2024 г. Дата выхода в свет 20.12.2024 г.
Формат 60×84^{1/16}. Печ. л. 9,7; усл. печ. л. 9; уч.-изд. л. 18,9.
Тираж 50 экз. Заказ № 6081. Цена свободная

Издание отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru